

ВЕСНИК
БРЭСЦКАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

Рэдакцыйная калегія

галоўны рэдактар

Ю. П. Голубеў

намеснік галоўнага рэдактара

З. П. Мельнікава

адказны рэдактар

Г. У. Клімовіч

С. М. Алейнікава (Беларусь)

Н. А. Антановіч (Беларусь)

А. В. Бяляева (Беларусь)

М. М. Громаў (Расія)

А. М. Грыгаровіч (Беларусь)

А. М. Данілаў (Беларусь)

В. М. Камнеў (Расія)

Ч. С. Кірвель (Беларусь)

П. П. Крус (Беларусь)

М. Я. Ліхачоў (Беларусь)

Ю. І. Малевіч (Беларусь)

А. В. Самылаў (Расія)

Я. У. Скакун (Беларусь)

Пасведчанне аб рэгістрацыі
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1337 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
224016, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: +375-(162)-21-72-07
e-mail: vesnik@brsu.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
ўніверсітэта» выдаецца
са снежня 1997 г.

Серыя 1

ФІЛАСОФІЯ

ПАЛІТАЛОГІЯ

САЦЫЯЛОГІЯ

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць два разы на год

**Заснавальнік – установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна»**

№ 2 / 2024

У адпаведнасці з Дадаткам да загада
Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь
ад 06.02.2024 № 30 (са змяненнямі, унесенымі загадам
ад 04.10.2024 № 233) часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта.
Серыя 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія» ўключаны
ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь
для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў у 2024 г.
па гістарычных, эканамічных і юрыдычных навуках

◇ ◇ ◇

У адпаведнасці з дагаворам паміж установай адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна»
і ТАА «Навуковая электронная бібліятэка» (ліцэнзійны дагавор
№ 457-11/2020 ад 03.11.2020) часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта.
Серыя 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія»
размяшчаецца на платформе eLIBRARY.RU
і ўключаны ў Расійскі індэкс навуковага цытавання (РІНЦ)

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ

Беляева Е. В. Моральная коммуникация Я и Другого в этике ответственности	5
Комисарук С. М. Трансформация креста как символа: философский анализ	11
Люкевіч У. П. Філасофія футбола. Прэзідэнты ФІФА. Дэнніэл Вулфал	20
Финслер О. В. Философско-антропологическая проблематика русского изобразительного искусства XIX в.	27
Кошевой В. О. Механизмы формирования военно-политического сознания: роль средств массовой информации	35
Ван Чжэньцян. Социально-философский анализ специфики образования социалистического Китая	46

ПАЛІТАЛОГІЯ

Авласенко И. М., Ярмошук К. И. Контуры евразийского партнерства в сфере информационной безопасности: место и роль Союзного государства	52
Мамекін М. С. Інстытуцыяналізацыя палітычных партый у Рэспубліцы Беларусь	62
Драгун Д. В. Государственная политика противодействия радикализму и экстремизму в Республике Беларусь	70
Юй Ян. Северный морской путь: новые возможности для сотрудничества Беларуси, Китая и России	78

САЦЫЯЛОГІЯ

Похомова А. А. Волонтерская деятельность лиц третьего возраста: вопросы теоретической интерпретации	85
Лихачёва С. Н. Профессиональное определение молодежи как объект социального управления	93
Тишкевич М. Я. Социальный капитал студенческой молодежи в контексте виртуализации современного общества	100
Ананьев В. Л. Социальные модели инвалидности: анализ содержания и проблемы практического использования	106
Соколовская М. Г. Любовь в представлениях современных молодых белорусов: гендерный аспект	113
Кармызова Д. Д. Факторы трудовой мобильности и издержки трудовых отношений населения территорий, пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС (на примере Гомельской, Брестской и Могилевской областей)	124

Editorial Board

Editor-in-chief

Yu. P. Golubeu

Deputy Editor-in-chief

Z. P. Melnikava

Managing editor

H. U. Klimovich

S. M. Alejnikava (Belarus)
N. A. Antanovich (Belarus)
L. V. Byalyaeva (Belarus)
M. M. Gromau (Russia)
A. N. Grygarovich (Belarus)
A. M. Danilau (Belarus)
V. M. Kamneu (Russia)
C. S. Kirvel (Belarus)
P. P. Krus (Belarus)
M. Ya. Likhachov
Yu. I. Malevich
A. V. Samylau (Russia)
E. Y. Skakun (Belarus)

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
nr 1337 from April 28, 2010

Editorial Office:
224016, Brest,
21, Kosmonavtov Boulevard
tel.: +375-(162)-21-72-07
e-mail: vesnik@brsu.by

Published since December 1997

Series 1

PHILOSOPHY

POLITOLOGY

SOCIOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued twice a year

Founder – Educational Establishment
«Brest State A. S. Pushkin University»

№ 2 / 2024

According to the Supplement to the order of Supreme Certification
Commission of the Republic of Belarus from February 06, 2024 nr 30
(with the amendments made by the order of Supreme Certification
Commission from October 04, 2024 nr 223)
the journal «Vesnik of Brest University.
Series 1. Philosophy. Politology. Sociology» has been included
to the List of scientific editions of the Republic of Belarus
for publication of the results of scientific research in 2024
in historical, economic and law sciences

◇ ◇ ◇

According to the agreement
between Educational Establishment
«Brest State A. S. Pushkin University» and Pvt Ltd «Scientific Electronic
Library» (licence contract № 457-11/2020 from 03.11.2020)
the journal «Vesnik of Brest University.
Series 1. Philosophy. Politology. Sociology»
is placed on the platform eLIBRARY.RU
and included in the Russian Science Citation Index (RSCI)

CONTENTS

PHILOSOPHY

Elena Belyaeva. Moral Communication of Self and Other	5
Svetlana Komisaruk. Transformation of Cross as a Symbol: Philosophical Analysis	11
Uladzimier Lukievic. Philosophy of Football. FIFA Presidents. Daniel Woolfall.....	20
Olga Finsler. Philosophical and Anthropological Problems Russian Fine Art of the XIXth Century	27
Vadim Koshevoy. Mechanisms of Formation of Military-Political Consciousness: the Role of Mass Media.....	35
Wang Zhenqian. Socio-Philosophical Analysis of the Specificity of Education in Socialist China.....	46

POLITOLOGY

Ihar Aulasenka, Karina Yarmoshuk. Outlines of Eurasian Partnership in the Sphere of Information Security: Place and Role of the Union State.....	52
Mikhail Mamekin. Institutionalization of Political Parties in Republic of Belarus	62
Dmitry Dragun. State Policy of Countering Radicalism and Extremism in the Republic of Belarus	70
Yu Yang. The Northern Sea Route: New Opportunities for Cooperation between Belarus, China and Russia.....	78

SOCIOLOGY

Alesya Pokhomova. Volunteer Activity of Third-age People: Issues of Theoretical Interpretation	85
Sviatlana Likhachova. The Professional Determination of Youth as an Object of Social Management.....	93
Mikhail Tishkevich. Social Capital of Student Youth in the Context of the Virtualization of Modern Society	100
Valery Ananiev. Social Models of Disability: Content Analysis and Problems of Practical Use	106
Maria Sokolovskaja. Love in the Views of Modern Young Belarusian: Gender Aspect.....	113
Diana Karmyzova. Factors of Labor Mobility and the Costs of Labor Relations among the Populations in Territories Affected by the Chernobyl Nuclear Power Plant Accident (Case Study of the Gomel, Brest, and Mogilev Regions)	124

УДК 17.035.1

Елена Валериевна Беляева

*д-р филос. наук, доц., проф. каф. философии культуры
Белорусского государственного университета*

Elena Belyaeva

*Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of Philosophy of Culture
of Belarusian State University*

e-mail: bksisa@rambler.ru

МОРАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ Я И ДРУГОГО В ЭТИКЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Рассмотрена этика ответственности, в которой при объяснении сущности морали ключевой становится фигура Другого, его онтология выступает предпосылкой постановки этических проблем. Моральная коммуникация Я и Другого рассматривается как принципиально открытая, ненасильственная, диалоговая. При этом индивидуальный моральный субъект укрепляет свою идентичность через посредство «другости» Другого и собственной «другости». В социальной среде моральный дискурс создает пространство коммуникации, в котором может реализоваться ответственность всех моральных субъектов.

Ключевые слова: *этика ответственности, Я и Другой, моральная коммуникация, диалог, ненасилие.*

Moral Communication of Self and Other

The article is devoted to the consideration of the ethics of responsibility, in which the figure of the Other becomes key in explaining the essence of morality, its ontology acts as a prerequisite for posing ethical problems. Moral communication between the Self and the Other is considered as fundamentally open, non-violent, and dialogical. At the same time, the individual moral subject strengthens his identity through the «otherness» of the Other and his own «otherness». In the social environment, moral discourse creates a space of communication in which the responsibility of all moral subjects can be realized.

Key words: *ethics of responsibility, Self and the Other, moral communication, dialogue, non-violence.*

Введение

Этика ответственности представляет собой тип теории морали, сформировавшийся в XX в. и отличающийся по своим характеристикам от двух классических типов теории морали – этики блага и этики долга. Несмотря на множество исследований, посвященных творчеству конкретных представителей этики ответственности (М. М. Бахтина, Ж.-П. Сартра, Э. Левинаса, К.-О. Апея, П. Рикёра и др.), ее целостная теоретическая реконструкция и выявление своеобразия остаются насущной задачей. Построение всякой теории морали включает проработку вопроса о взаимодействии между субъектами морали, вопроса о том, каким образом их проекты правильной жизни соотносятся между собой и на каких основаниях их совместная жизнь может пройти правильно.

Данная статья посвящена экспликации такой специфической черты этики ответственности, как ее коммуникативный характер, который проявляется в том, что мораль здесь конституируется во взаимодействии Я и Другого.

Основная часть

Этика ответственности широко использует разработанную в феноменологии категорию Другого, при этом Другой выступает необходимым условием формирования Я как субъекта морали. Открытость Другому и коммуникативное событие с ним характеризует онтологическую структуру морального субъекта этики ответственности. Как пишет И. С. Дорогавцева, в западной культуре проблема взаимоотношения с Другим рассматривается и на уровне диалога Я и Ты, и как проблема идентичности

«я», и как основа социальной жизни, и в контексте взаимодействия культур [1].

Индивидуальный субъект в этике ответственности является причиной морали, мораль возникает как ответ этого субъекта на присутствие Другого, отсутствие же ответа свидетельствует о его безответности, безответственности, безнравственности. При этом Другой не сообщает Я моральных норм или ценностей, не побуждает к морали, не является ее источником или причиной. Источником становится *ответ* субъекта на присутствие Другого, и этим ответом становится ответственность за его жизнь и благо, так как только такое отношение позволяет Я утвердить собственную субъектность, самость, способность быть собой, обрести смысл жизни, в целом прожить жизнь как правильную. Другой рассматривается как возможность для Я, и Я как возможность для Другого.

В отличие от классической этики, которая выводила природу и структуру субъекта морали из метафизических оснований, т. е. конституировала индивидуального субъекта и только потом собирала из таких единиц группу, общество и человечество, постклассическая этика отказывается от трактовки субъекта как автономного и мыслит его коммуникативно. «Все индивиды должны признавать друг друга как самоценных участников сообщества... Индивид есть тот, кто был замечен и признан Другим» [2, с. 69]. Как отмечает Д. Э. Гаспарян, предпосылки такого подхода были заложены еще Гегелем, а в постклассической философии, и особенно в феноменологии, этот подход становится господствующим.

Однако трактовка фигуры Другого и его роли в становлении Я, а также понимание сути взаимодействия морального субъекта с Другим моральным субъектом различаются у разных представителей этики ответственности весьма существенно.

Можно говорить о позитивной онтологии Другого, представленной, например, у М. М. Бахтина. В ней взаимодействие Я и Другого имеет диалогическую вопрос-ответную структуру, в которой речь всегда обращена к Другому, и предполагает ответ, а значит, и ответственность за порождение совместного смысла при сохранении неслиянных голосов участников диалога. Как показала Е. И. Жук, «позитивная онтология

Другого утверждает “другость” как принципиальную уникальность или инаковость Другого в качестве позитивного неэлиминируемого фактора смысловой реализации всякой экзистенции» [3, с. 255].

В негативной же онтологии Другого, например, у Ж.-П. Сартра, Другой не становится источником морального смысла, однако наше существование неизбежно оказывается «существованием-в-мире-в-присутствии других» [4, с. 519]. Это присутствие негативно, оно подчеркивает отчужденность Я от Других и Других от Я, их взгляд объективирует личность, превращает ее в средство. Поэтому Я вынуждено постоянно бороться за свою субъектность, подлинность своей экзистенции, что достигается перманентным свободным выбором. Однако и здесь неустранимое присутствие Другого имеет моральное значение, взаимодействие с ним конфликтно, но необходимо.

Неоднозначную нравственную роль играет Другой и в философии Э. Левинаса. С одной стороны, именно обращенный ко мне Лик Другого требует ответа, а соответственно, пробуждает мою ответственность, мое бытие субъектом и мое мышление-для-другого, которое не может быть тотализующим. С другой стороны, как и у Ж.-П. Сартра, первоначальный контакт с Другим негативен, он пробуждает желание убить Другого как Чужого, которого невозможно подчинить себе. Однако Лик Другого заставляет меня задуматься о моем долге. Вопрос же о том, обладает ли Другой теми же характеристиками, что и Я, у Э. Левинаса не ставится. В результате этот «совсем другой Другой», которого нельзя уподоблять мне в каком бы то ни было смысле, оказывается непознаваемым, аутичным, ничего никому не должным, этически не определенным.

Еще одно отличие этики ответственности от этики блага и этики долга — это осознание «другости» Другого, его принципиального отличия от Я. Классическая этика в этом отношении находилась в приятной уверенности, что все участники моральной коммуникации в сущности своей однородны. Золотое правило нравственности, заповедь «возлюби ближнего, как самого себя» и категорический императив И. Канта об универсализации моральной максимы основаны на убеждении, что

Другой – это такой же, как и Я. На интуитивном представлении, что за всеми человеческими различиями лежит фундаментальная моральная общность, во многом зиждется утверждение, что в отличие от прагматических и аффективных поступков, политических и экономических интересов, мораль – это то, что объединяет всех людей. Структура моральных субъектов универсальна, а потому универсализуемость моральных норм составляет их специфическую особенность [5].

Постклассическая же этика (может быть и чрезмерно) акцентирует именно различия, принципиальную несводимость человеческих личностей ни друг к другу, ни к какому единому знаменателю. Другой не мыслится обобщенно как представитель человечества, каждый следующий Другой воспринимается как новый и уникальный.

Э. Левинас посвящает произведение «Тотальность и бесконечное» обоснованию того, что в лице Другого мы обретаем то бесконечное, которое недопустимо тотализовать. У Ж.-П. Сартра Другие – это принципиально чуждые субъекты, взгляд которых несет отчуждение моему Я; вынужденные сосуществовать, моральные субъекты не имеют доступа к экзистенции друг друга. У М. Бахтина неслиянность голосов участников диалога подчеркивает несводимость их сознаний и сущностей друг к другу.

Анализ различных способов концептуализации Другого в онтологии [6] показывает, с одной стороны, усилия обосновать «другость» Другого как принципиально новую онтологическую характеристику, важную для конституирования нравственного отношения. С другой стороны, не менее значительные усилия были приложены к преодолению оппозиции «свой – чужой», которая прежде часто лежала в основе критериев нравственности, к исследованию возможности рассматривать Чужое как Иное, а Иное делать Близким, сохраняя его уникальность.

Такого рода теоретическая позиция влияет и на нормативные установки этики ответственности, в которой партнер по моральной коммуникации оказывается иным, инаковым и даже чужим, но с которым между тем необходимо наладить взаимодействие. Поэтому, во-первых, значительное место в такой этике должны занимать

нормы нравственного восприятия «другости» Другого, толерантного отношения к Иному, отказ от восприятия всего чужого как зла. Во-вторых, мораль здесь предполагает такое отношение к Другому, которого сам Другой хотел бы к себе, а не облагодетельствование его по собственному представлению о благе и должном. Не следует относиться к нему, как к другому Я, необходимо строить отношение Я к Ты, в котором различие превращалось бы в источник взаимообогащения, а не конфликта.

Для этого этика ответственности тщательно прорабатывает не столько нормы и ценности, как делали это предыдущие теории морали, а способы налаживания диалога и установления правил морального дискурса, с помощью которых субъекты морали могли бы обосновать эти нормы и ценности. К способам взаимодействия можно отнести и взаимодействие сознаний (понимание), и практическое воздействие с помощью поступков, и даже создание социальных институтов, поддерживающих правильное нравственное взаимодействие людей (как это практикуется в прикладной этике). Часто речь идет не о формальной коммуникации, а об общении и диалоге. Как определяет Д. В. Майборода, «диалог – сосуществование (ориентированное на подлинную совместность экзистирование), или просто экзистенциальное взаимоотношение Я – Ты, специфически мыслимое каждой его стороной» [7, с. 24]. Популярность философии диалога способствовала появлению «диалогической этики» [8], основанной на идеях М. Бубера [9], М. М. Бахтина, В. С. Библера [10]. Широко распространились диалогические модели объяснения морального мира, позволяющие разнородным участникам слышать и понимать нравственные установки друг друга, находить общность при сохранении различий.

Из числа представителей этики ответственности моральное взаимодействие как диалог трактовали М. М. Бахтин, Э. Левинас. Но и те мыслители, которые, как Ю. Хабермас и К.-О. Апель, пользовались понятием «коммуникация», приписывали коммуникативному сообществу многие признаки диалогического общения, что позволяло раскрыть специфику морального дискурса.

Ключевой характеристикой морального общения (коммуникации, дискурса, диалога) является его ненасильственный характер, ненасилие полагается как критерий морали, граница между нравственным и безнравственным. Обосновывая эту идею, А. А. Гусейнов подчеркивает, что насилие безнравственно не потому, что приносит боль и страдания, а потому, что отрицает в Другом его моральную субъектность.

«Насилие не вообще принуждение, не вообще ущерб жизни и собственности, а такое принуждение и такой ущерб, которые осуществляются вопреки воле того или тех, против кого они направлены. Насилие есть узурпация свободной воли. Оно есть посягательство на свободу человеческой воли» [11, с. 355]. Посягательство на саму способность человека быть нравственным, угнетение этой способности. Уважать же в Другом морального субъекта означает признавать его способность самостоятельно понимать добро, устанавливая нравственные нормы и вести себя ответственно. И, соответственно, необходимо обсуждать его резоны, аргументы, нормы и представления о добре, отказываться от насилия в пользу нравственного взаимодействия. В таком случае человек может проявлять солидарность не только с тем, кто подобен ему, но и с тем, чьи проблемы и моральное мировоззрение ему чужды. Инаковость Другого не может становиться предпосылкой насилия по отношению к нему. У Э. Левинаса чувственный аспект переживания Другого превращается в экзистенциальный: Другой – это тот, кто подвержен смерти, радикальному страданию человеческого существования, именно данное обстоятельство побуждает субъекта ответить Другому и за Другого, стать ответственным за его бытие.

Так насилие и моральная коммуникация оказываются противоположно направленными процессами: отказ от коммуникации, отсутствие ответа характеризует безнравственную позицию и дает сигнал к насилию. И наоборот: тот, кто хочет применить насилие, разрывает коммуникацию, занимая безнравственную позицию. Применительно к теме ответственности получается, что насилие – это безответственное поведение, оно «не отвечает» на присутствие в бытии Другого и стремится уничтожить его бытие.

Определяя характеристики моральной коммуникации, этика ответственности не только обосновывает важность нравственного отношения к Другому, но утверждает значимость нравственного отношения субъекта к самому себе. Этот важнейший аспект морального мира выявил еще И. Кант, когда во второй формулировке категорического императива утверждал, что необходимо относиться к человечеству в своем лице как к цели, а не как к средству, т. е. заботиться о сохранении собственного достоинства, о поддержании себя в качестве гражданина мира ноуменов. Однако если у И. Канта такое моральное самоуважение зиждилось на автономии субъекта, способного исполнять категорический императив благодаря чистому практическому разуму, то постклассическая этика решает этот вопрос иначе.

Идентичность субъекта становится не автономной, а коммуникативной, сама субъектность обретается в результате этического взаимодействия с Другим, когда их миры выявляют друг друга. Углубление в себя, которое рекомендовала и практиковала классическая этика, ведет скорее к отчаянию от неспособности обосновать значимость морали и отсутствию смысла жизни. Именно Другие подтверждают существование Я, сама идентичность которого складывается как суперпозиция взаимодействий со многими Другими. Моральный субъект не рассматривается как центр морального мира, из которого он созерцает и проецирует нравственные истины. Он существует как узелок в сети коммуникации, в которой, отвечая на зов каждого Другого, он проясняет для себя свою собственную моральную позицию, место и роль в мире морали. В результате главной характеристикой его морального мировоззрения оказывается не целостность и рациональная упорядоченность принципов, а функциональность, пригодность для контакта с конкретным Другим. Этика ответственности не боится растворения субъекта в бесконечных контактах и утраты им идентичности.

Напротив, все ее объяснительные процедуры направлены на демонстрацию плодотворных результатов правильно организованной коммуникации.

Даже обращаясь к своему внутреннему миру, моральный субъект находится в диалоге с самим собой. И если в классической

этике подразумевалось, что это беседа эмпирического человека со своей совестью, со своим «лучшим Я», то в постклассической этике внутренняя структура морального субъекта выглядит иначе. П. Рикёр назвал свою книгу «Я сам как Другой», но еще у М. Бубера присутствовала идея того, что Я должен относиться к себе, как к Ты (а не как к Оно). У обоих мыслителей присутствует интенция с вниманием и заинтересованностью отнестись к своему Я, отдавая себе отчет в наличии своей внутренней «другости» и стремясь к ее пониманию. «Самость самого себя, – пишет П. Рикёр, – подразумевает инаковость в столь глубокой степени, что нельзя помыслить одну без другой» [12, с. 18]. Такая процедура должна служить защитой от внутренней косности самоуверенного в своих нормах и ценностях морального сознания и, одновременно, пробуждать доверие к собственной моральной субъектности, ее глубине и могуществу.

Наконец, этика ответственности внесла большой вклад в переосмысление коммуникативной природы моральных сообществ. Классическая этика подразумевала, что человеческие сообщества субстанциональны и предшествуют индивиду. Семья, поселение, гражданское общество, государство, церковь, человечество уже устроены на определенных основаниях, и, соответственно, мораль – это то, что обеспечивает воспроизводство этих сообществ в буду-

щее. Но в том нестабильном, рисковом социуме, на который рассчитана этика ответственности, многие моральные сообщества функциональны, они возникают из множества конкретных интеракций индивидуальных субъектов. Кроме того, идея иерархии сообществ по критерию размеров и значимости сменяется идеей и практикой сетевого взаимодействия, где главенство и размеры коммуникативного сообщества постоянно переуставляются.

Заключение

Таким образом, этика ответственности как тип теории морали находится во взаимодействии с другими коммуникативными версиями понимания современного нравственного мира: «этикой Другого» [13; 14], диалогической этикой, дискурсивной этикой [15]. Ключевой в объяснении сущности морали становится фигура Другого, его онтология выступает предпосылкой постановки этических проблем. Моральная коммуникация Я и Другого рассматривается как принципиально открытая, ненасильственная, диалоговая. При этом индивидуальный моральный субъект укрепляет свою идентичность через посредство «другости» Другого и собственной «другости». Наконец, в социальной среде моральный дискурс создает пространство коммуникации, в котором может реализоваться ответственность всех моральных субъектов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Дорогавцева, И. С. Проблема Другого в западной культуре : автореф. дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / И. С. Дорогавцева ; Забайкал. гос. гуманитар.-пед. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Чита, 2006. – 24 с.
2. Гаспарян, Д. Э. Проблема «Я» и «Другого» в философском и психологическом ракурсах: от Гегеля к Лакану / Д. Э. Гаспарян // Филос. науки. – 2015. – № 10. – С. 61–77.
3. Жук, Е. И. Онтология другого в пространстве философско-культурологических исследований / Е. И. Жук // Философские исследования : сб. науч. тр. – 2023. – Вып. 10. – С. 249–259.
4. Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / Ж.-П. Сартр ; пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. – М. : Республика, 2004. – 639 с.
5. Мораль и универсальность : сб. науч. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; под ред. Р. Г. Апресяна. – М. : Гуманитарий, 2018. – Вып. 1. – 216 с.
6. Алексеева, Д. А. Концептуализация Другого в онтологии : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / Д. А. Алексеева ; Моск. гос. ун-т. – М., 2005. – 20 с.
7. Майборода, Д. В. Summa dialogica: диалогическая парадигма как фундаментальная философская программа / Д. В. Майборода. – Минск : МГЛУ, 2018. – 175 с.
8. Диалогическая этика : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Армавир, 26–27 сент. 2017 г. / науч. ред. Ю. П. Ветров ; отв. ред. А. Д. Похилько. – Армавир : РИО АГПУ, 2017. – 308 с.

9. Бубер, М. Я и Ты / М. Бубер // Два образа веры / пер. В. В. Рынкевича. – М. : Республика, 1995. – С. 16–92.
10. Библер, В. С. Культура. Диалог культур (опыт определения) / В. С. Библер // Вопр. философии. – 1989. – № 6. – С. 31–42.
11. Гусейнов, А. А. Этика : учебник / А. А. Гусейнов, Р. Г. Апресян. – М. : Гардарики, 2000. – 472 с.
12. Рикёр, П. Я сам как Другой / П. Рикёр ; пер. с фр. Б. М. Скуратова ; под общ. ред. И. С. Вдовиной. – М. : Изд-во гуманитар. лит., 2008. – 416 с.
13. Шевырёва, М. И. Диалог с Другим как моральная проблема современности / М. И. Шевырёва // Философия и о-во. – 2021. – № 2. – С. 107–118.
14. Бильченко, Е. Этика Другого и этика того же: отличия и сходство / Е. Бильченко // Филос. полилог. – 2021. – Вып. 1 (9). – С. 25–38.
15. Проскурина, А. С. Становление дискурсивной этики: теоретические положения к анализу коммуникативной практики : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.01 / А. С. Проскурина ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений. – М., 2020. – 141 л.

REFERENCES

1. Dorogavceva, I. S. Problema Drugogo v zapadnoj kul'turie : avtorief. dis. ... kand. kul'turologii : 24.00.01 / I. S. Dorogavceva ; Zabajkal. gos. gumanitar.-ped. un-t im. N. G. Chiernyshevskogo. – Chita, 2006. – 24 s.
2. Gasparian, D. E. Problema «Ja» i «Drugogo» v filosofskom i psikhologichieskom rakursakh: ot Giegielia k Lakanu / D. E. Gasparian // Filos. nauki. – 2015. – № 10. – S. 61–77.
3. Zhuk, Ye. I. Ontologija drugogo v prostranstvie filosofsko-kul'turologichieskikh issliedovanij / Ye. I. Zhuk // Filosofskie issliedovaniya : sb. nauch. tr. – 2023. – Vyp. 10. – S. 249–259.
4. Sartr, Zh.-P. Bytije i nichto. Opyt fienomienologichieskoj ontologii / Zh.-P. Sartr ; pier. s fr., priedisl., primiech. V. I. Koliadko. – M. : Riespublika, 2004. – 639 s.
5. Moral' i univiersal'nost' : sb. nauch. st. / Ros. akad. nauk, In-t filosofii ; pod ried. R. G. Apriesiana. – M. : Gumanitarij, 2018. – Vyp. 1. – 216 s.
6. Alieksiejeva, D. A. Konceptualizacija Drugogo v ontologii : avtorief. dis. ... kand. filos. nauk : 09.00.01 / D. A. Alieksiejeva ; Mosk. gos. un-t. – M., 2005. – 20 s.
7. Majboroda, D. V. Summa dialogica: dialogichieskaja paradigma kak fundamental'naja filosofskaja programma / D. V. Majboroda. – Minsk : MGLU, 2018. – 175 s.
8. Dialogichieskaja etika : materialy III Miezhdunar. nauch.-prakt. konf., Armavir, 26–27 sient. 2017 g. / nauch. ried. Yu. P. Vietrov ; otv. ried. A. D. Pokhil'ko. – Armavir : RIO AGPU, 2017. – 308 s.
9. Buber, M. Ja i Ty / M. Buber // Dva obraza viery ; pier. V. V. Rynkievicha. – M. : Riespublika, 1995. – S. 16–92.
10. Biblier, V. S. Kul'tura. Dialog kul'tur (opyt opriedielienija) / V. S. Biblier // Vopr. filosofii. – 1989. – № 6. – S. 31–42.
11. Gusiejnov, A. A. Etika : uchiebnik / A. A. Gusiejnov, R. G. Apriesian. – M. : Gardariki, 2000. – 472 s.
12. Rikor, P. Ja sam kak Drugoy / P. Rikor ; pier. s fr. B. M. Skuratova ; pod obshch. ried. I. S. Vdovinoj. – M. : Izd-vo gumanitar. lit., 2008. – 416 s.
13. Shevyrioja, M. I. Dialog s Drugim kak moral'naja problema sovriemiennosti / M. I. Shevyrioja // Filosofija i o-vo. – 2021. – № 2. – S. 107–118.
14. Bil'chienko, Ye. Etika Drugogo i etika togo zhe: otlichija i skhodstvo / Ye. Bil'chienko // Filos. polilog. – 2021. – Vyp. 1 (9). – S. 25–38.
15. Proskurina, A. S. Stanovlienije diskursivnoj etiki: tieoretichieskije polozhenija k analizu kommunikativnoj praktiki : dis. ... kand. sociol. nauk : 22.00.01 / A. S. Proskurina ; Mosk. gos. in-t miezhdunar. otnoshenij. – M., 2020. – 141 l.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 24.10.2024

УДК 130.2:316.773.2

Светлана Михайловна Комисарук

канд. филос. наук, доц. каф. гуманитарных наук

Гродненского государственного аграрного университета

Svetlana KomisarukCandidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities
of Grodno State Agrarian Universitye-mail: ysm76@mail.ru**ТРАНСФОРМАЦИЯ КРЕСТА КАК СИМВОЛА: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

Осуществлен философский анализ процесса трансформации креста как символа. Рассмотрены наиболее значимые подходы западных и отечественных ученых к его осмыслению. Раскрыта сущность и механизм изменения смысловых значений данного символа в европейской, в т. ч. белорусской культуре от древнейших времен до современности. В результате исследования выделены три взаимосвязанных периода существования значений креста: древний, воплощающий мифологические представления о строении Мировоздания; христианский, отражающий религиозную картину мира; современный, в свернутом виде содержащий два предыдущих, но акцентирующий эстетические качества символа. Обоснован вывод, что крест как символ отражает картину мира, господствующую в тот или иной исторический период. Вместе с тем, являясь наиболее многозначной символической формой, он имеет универсальные значения, воплощающие общезначимые гуманистические ценности: гармонию человека и мира, ценность жизни как таковой. Сделано заключение, что они могут стать основой для возрождения сакральной функции креста как символа в современной культуре.

Ключевые слова: философия культуры, историко-культурная трансформация, крест как символ, мифологическое мировоззрение, христианская картина мира, современная культура, гуманистические ценности.

Transformation of Cross as a Symbol: Philosophical Analysis

The philosophical analysis of the transformation process of cross as a symbol is carried out. The most significant approaches of Western and Domestic scientists to its understanding are considered. The essence and mechanism of the variation of semantic values of the given symbol in European, including Belarus culture from the most ancient times up to the present is opened. As a result of research three interconnected periods of existence of the cross values are allocated: 1) ancient – embodying mythological concepts about the structure of the Universe; 2) christian – reflecting the religious picture of the world; 3) modern – in a converted form containing two previous, but emphasizing the aesthetic qualities of the symbol. The conclusion is justified that cross as a symbol reflects the picture of the world dominating during this or that historical period. At the same time, being the most polysemantic symbolic form, it has universal meanings that embody the generally significant humanistic values: the harmony of man and world, the value of life as such. The conclusion is made, that they can become the basis for revival of the sacred function of cross as a symbol in contemporary culture.

Key words: philosophy of culture, historical and cultural transformation, cross as a symbol, mythological worldview, christian picture of the world, contemporary culture, humanistic values.

Введение

Одной из самых актуальных проблем современной философии культуры является проблема трансформации культурозначимых символов. Прежде всего нас интересует генезис и историческая динамика символических форм, которые имеют первостепенное значение для белорусской культуры. Такой формой, безусловно, является крест – основной символ как для европейской, так и для отечественной культуры.

Крест представляет собой сложную семантическую конструкцию, заключенную, во-первых, в форме понятия, а во-вторых, в форме визуального образа. Крест как

символ является ключевым культурным феноменом, который воплощает, сохраняет и передает основополагающие для общества идеи и ценности. Трансформация этого символа отражает историческую смену мировоззренческих оснований культуры, что, в свою очередь, связано с изменениями идейно-ценностной структуры общества.

Предпринятое автором данной публикации исследование проблемы профанации символов в обществе позволило прийти к важным заключениям [1, с. 26–27]. В современном мире происходит интенсивный процесс искажения культурозначимых символических форм. Это приводит к

разрушению традиционных символов и замещению их чужеродными, что нарушает целостность культуры, угрожает потерей ментальной опоры человека. Отсюда возникает потребность в формировании символической системы современной культуры, которая воплощала бы высшие духовные ценности и стала бы прочной нравственной основой жизнедеятельности общества. При этом она может использовать символические формы предыдущих эпох, обогащая их новыми смысловыми значениями. Такой формой, безусловно, может стать образ креста.

Для осуществления этого замысла необходим философский анализ смысловых значений креста на основе изучения мифологических, религиозных, эстетических представлений, существовавших в европейской и отечественной культуре. Большая часть этих значений восходит к языческим временам и воплощает мифологическое мировоззрение первобытного общества и древних цивилизаций. Распространение христианства привело к утверждению в европейском регионе новой системы религиозной символики. Однако в отечественной культуре эволюция символических форм шла по пути не полной смены, а наслаивания одних значений на другие. В этом процессе проявилась такая ее специфическая черта, как синтезность – стремление к гармоничному объединению разных культурных традиций.

Философский анализ смысловых значений любого исторического символа наталкивается на ряд трудностей. Адекватное понимание символов прошлого предполагает исследование историко-культурного контекста, в котором они функционировали. Однако нужно иметь в виду, что это исследование осуществляется в другом историко-культурном контексте, сквозь призму современных представлений и специфику определенной культуры. Для адекватной интерпретации исторических символов необходимо обладать глубоким культурологическим знанием, а также быть ценностно нейтральным, руководствоваться принципом уважения других культур.

В философии культуры накоплен богатый материал для осмысления сущности и принципов функционирования символов. Наиболее влиятельные символические кон-

цепции, о чем мы уже писали, были созданы в неклассической и постнеклассической философии XX в. [2, с. 114–116]. Проблему трансформации символов в своих трудах исследовали такие выдающиеся западные философы, как К. Г. Юнг, Ж. Бодрийар, Ж. Делёз, Р. Барт, П. Бурдьё. Среди российских авторов наиболее обстоятельными исследованиями проблемы символа являются работы Н. Н. Рубцова, О. А. Кармадонова, С. Г. Сычевой. Проблема трансформации символа затронута в докторской диссертации Ю. П. Тен «Символ в межкультурной коммуникации» [3, с. 29–38].

Белорусские ученые И. И. Мячикова, О. Г. Жевняк, Э. К. Дорошевич осуществили серию исследований различных проблем функционирования символов в европейском культурном контексте [4–6]. Их труды содержат детальный анализ мифологических корней белорусской символики, в т. ч. креста. Однако проблема трансформации данного символа в них не ставилась. Анализ научной литературы показывает, что эта проблема не получила концептуального оформления, о чем и свидетельствует отсутствие посвященных ей монографий.

Таким образом, целью настоящей работы является философский анализ процесса трансформации креста как символа. Объектом исследования определяется феномен трансформации данного символа, предметом исследования – философский анализ изменений его смысловых значений в европейском историко-культурном контексте. Методологической основой работы избран системный подход, согласно которому культура рассматривается как связанная содержательно и функционально символическая система. Его дополняет историко-генетический метод, который наиболее продуктивен при изучении происхождения и исторического изменения символической системы культуры.

Основная часть

Символы появляются в первобытном обществе, когда формируется мифологическое мировоззрение, создающее целостную картину мира. Основу мифологического мировоззрения составляют представления об основных закономерностях природы и о месте человека в ней. Первобытные люди обладали глубокими знаниями о сути

процессов, происходящих в окружающем мире и в духовном мире человека. С помощью символов они фиксировали важнейшие принципы организации Мироздания. Мифологические символы были ориентированы на объяснение сущности явлений природы, жизни человека и общества. Это знание имело эзотерический характер и в полном объеме было доступно узкому кругу посвященных. Оно разъяснялось различным социальным группам в той мере, которая была необходима для поддержания социального порядка в первобытном обществе.

Выдающийся исследователь символических форм культуры Э. Кассирер полагает, что появление у человека способности к символизации стало начальным этапом становления человеческой культуры. Эту способность он считает основной функцией сознания и отличительной чертой «*homo symbolicum*». Символ он определяет как априорную структуру, выстраиваемую человеческим сознанием с целью освоения внешнего и внутреннего мира. Продолжая эту мысль, исследователи символов К. Г. Юнг, а затем С. Лангер, А. Сторр уточняют, что символическая способность человека является его естественной потребностью, поскольку символ выступает посредником между субъективной реальностью человека и объективной реальностью окружающего мира [2, с. 114–115].

Белорусский ученый И. И. Мячикова полагает, что в период расцвета древних цивилизаций ввиду однотипности земледельческих культур наблюдается подобие по формальным и семантическим признакам и их символики [5, с. 48]. По этой причине понимание значения символов белорусской культуры невозможно без изучения основных символов европейской культуры, имевших широкое временное и пространственное распространение. Генезис креста как символа приводит к расширению исследования до рамок индоевропейской общности, поскольку столь распространенные символы очень древнего происхождения – от 5 до 7 тыс. лет культового использования. Символика креста формируется в соответствии с общеевропейскими мировоззренческими принципами в рамках целостной мифологической системы.

В мифологии европейского населения, в т. ч. балтских и славянских племен,

обитавших на белорусских землях, выделяются четыре архетипа. Они универсальны, но именно на их основе происходило формирование символики креста. Первый архетип воплощает триединство мира: мир людей – это область взаимодействия высших и низших сил. Мироздание построено на борьбе светлого начала с темным, существующих в неподвластных познанию человека сферах. В результате сфера, в которой протекает земная жизнь, являет собой их неустойчивое равновесие. Второй архетип представлял мир как единство четырех стихий – огня, воздуха, воды и земли. Согласно ему, любой предмет сочетает характерные для данных стихий свойства с преобладанием одного из них. О внутренней организации предмета можно судить в соответствии с принципами определенной стихии.

Третий архетип воплощает анимистические представления о мире, согласно которым живой душой наделяются все предметы и явления. Эти представления обусловлены объяснением закономерностей природных процессов по аналогии с проявлениями человеческой жизни. Отсюда происходит возможность магического воздействия на них. Четвертый архетип осмысляет мир как результат взаимодействия мужского и женского начал. Согласно ему, все, что существует в Мироздании, произошло от любви неба как мужского начала и земли как начала женского. Поэтому на небе обитают мужские божества, которые создают небесные тела и силы. На земле находятся женские божества, которые формируют земные объекты и явления.

На основе данных архетипов возникли многочисленные образы европейской мифологии, самым емким воплощением которых является крест. Образ креста наглядно символизирует единство основных элементов Мироздания: высшего и низшего, божественного и человеческого, мужского и женского. Крест – наиболее распространенный символ, центральный элемент мифологических систем практически всех культур мира. Вероятно, это один из первых символических образов, который начал использовать человек. При этом необходимо отметить, что чем сложнее форма символа, тем конкретнее его значение. Простая форма, такая как крест, может воплощать большой ряд идей и представлений. Поэтому

сейчас невозможно точно определить, какой именно сокровенный смысл в него вкладывался первоначально. Анализ существующих разновидностей креста показывает, что через ту или иную его форму можно передать почти любое значение.

Теория архетипов К. Г. Юнга утверждает, что символы могут иметь универсальные значения, поскольку в разных культурах существуют схожие мировоззренческие представления. На протяжении истории своего существования мифологическое мировоззрение выработало устойчивую систему символов, долговечность которых объясняется их архетипическими основами. Исследователь первобытной культуры К. Леви-Стросс, также рассматривая мифологию как систему символов, обнаружил в различных культурах повторяющиеся символические элементы, связанные скрытой логикой. Он объяснял это универсальным принципом «символического сверхрационализма», присущим человеческой культуре в целом. Эти теории предполагают возможность моделирования общезначимого символического языка [2, с. 115–116].

Прежде всего необходимо исследовать значение «симметричного креста», который и по форме, и по содержанию является прообразом всех остальных его разновидностей.

В семантике «симметричного креста» выделяются два основных значения, вокруг которых формируются сложные системы смыслов. Во-первых, он символизирует макрокосмос как «мировое дерево», воплощает строение Мироздания. Во-вторых, он символизирует микрокосмос, олицетворяет природу человека.

Крест как «мировое дерево» представляет собой мифическую ось мира. В его устройстве выделяются пространственный и производительный аспекты: это канал связи различных его сфер, а также сама жизнь как результат взаимодействия мужского и женского начал. Крест может символизировать пересечение высшего и низшего миров; соотношение сторон света – севера, юга, запада, востока; слияние природных стихий – воздуха, огня, воды, земли. Кроме того, крест воплощает участие в создании всего живого двух начал: мужского, активного, выраженного вертикалью, и женского, пассивного, выявленного гори-

зонталью. Взаимодействие вертикали и горизонтали означает зарождение жизни, т. е. символ ребенка [5, с. 65–67].

Символику «мирового дерева» дополняют другие разновидности крестов. Крест с разветвлениями на концах символизирует расцвет жизни по всем направлениям. «Могущественный крест» с ограничениями на концах является символом солнца. Направленность лучей отражает солнечную фазу: по часовой стрелке – это символ западного, заходящего солнца, против – восточного, встающего [4, с. 63].

Крест как символ человека показывает соотношение в нем божественно заданного (вертикаль) и социально реализуемого (горизонталь). Верхняя часть вертикали фиксирует высшее, светлое начало в человеке, воплощенное в разуме и сердце. Нижняя часть – низшее, темное начало, связанное с плотскими желаниями. Правая часть горизонтали креста акцентирует праведные, благоразумные социальные действия, управляемые светлыми духовными силами. Левая часть горизонтали – неправедные, эгоистичные поступки, побуждаемые темными силами [5, с. 65–67].

Подобная символизация человека воплощена в ближайшей трансформации креста – т. н. «развилке». Она символизирует двойственную природу человеческих поступков: правая ветвь определяет влияние сил добра, а левая – сил зла. При этом человек сам выбирает, служению чему подчинить свою деятельность. До определенного этапа жизни он следует божественной предопределенности, но в решающий момент оказывается перед выбором дальнейшего пути. Наконец, это символ человеческих устремлений. Правая ветвь «развилки» олицетворяет путь совершенствования человеком своей высшей духовной природы, левая – удовлетворения низменных материальных потребностей [5, с. 94].

В мифологии славян, в частности белорусов, Мироздание состояло из трех миров: высшего – доброго, низшего – злого и среднего – мира людей. Поэтому «мировое дерево» изображалось как вертикаль, пересеченная двумя горизонталями. Трансформация этого символа привела к образованию двух других: «верхний крест» – господство над миром высшего, доброго начала, «нижний крест» – темного, злого. Мир,

в котором живут люди, образован слиянием двух начал в результате взаимодействия пассивного земного элемента – с одной стороны, с активным элементом добра, а с другой – с активным элементом зла. Поэтому в мире людей и в отдельном человеке эти два начала находятся в противоречивом единстве [5, с. 67].

При христианизации славян «верхний крест» стал основным атрибутом веры. Его образ символизирует победу светлых сил над темными, в результате чего и возникает жизнь. Имея глубокие корни в мифологическом мировоззрении, этот крест был легко воспринят в качестве объекта поклонения. Символ «латинского креста» – вертикальная линия, пересеченная в верхней части горизонтальной, – акцентирует несколько иное значение. Он воплощает преобладание мужской стихии над женской и символизирует человека, отказавшегося от земной жизни и устремленного к Богу. Поэтому «латинский крест» становится символом Иисуса Христа и означает установление божественного порядка на земле [5, с. 70–71].

В религиозной философии крест понимается как принцип взаимосвязи мира человеческого и божественного. Средневековые мыслители (Дионисий Ареопагит, Фома Аквинский) рассматривают земное бытие как множественный символ единого Бога. В идеалистической философии немецкой классики разрабатывается понимание символа как способа познания скрытых тайн бытия. Так, И. Кант полагает, что благодаря символу человек может постигнуть сакральные основы Мироздания и получить интуитивный опыт общения с Абсолютом. Русские религиозные философы (П. А. Флоренский, А. Ф. Лосев) определяют символ как проявление божественного откровения в земном мире. С. Н. Булгаков утверждал, что символизм необходим для внутренней работы человеческого духа, поскольку с его помощью наглядно фиксируются спасительные для человека истины [2, с. 114–115].

Православие трансформировало христианский символ в «восьмиконечный крест» для воплощения единства Святой Троицы. Этот символ также отражает представление об устанавливающем законы Мироздания Всевышнем и о живущем по Божьим законам человеке. Верхняя черта «восьмиконечного креста» символизирует Бога Отца, от-

ветственного за формирование умственного начала в человеке (мозг, дух). Средняя черта – Бога Сына, отвечающего за его нравственное развитие (сердце, душа). Нижняя черта – Бога Святого Духа, формирующего способность человека понимать и передавать сущность божественного устройства мира (жизненная энергия). Наклон нижней черты, вероятно, отражает подвижность Святого Духа, ответственного за распространение христианских идей [6, с. 62, 89].

Сложную семантическую структуру имеет также «иерусалимский крест» – большой крест соотносится с образом Христа, а четыре маленьких в каждом квадрате большого – с четырьмя канонизированными Евангелиями, описывающими религиозную картину мира. Данный крест в целом символизирует христианское учение и христианскую церковь. Его отдельные элементы воплощают сложную систему религиозного мировоззрения. Они раскрывают представление о том, что власть Христа на земле осуществляется посредством господства христианской церкви в духовной жизни общества. В четырех Евангелиях описываются принципы данной власти, организующие земную жизнь людей [4, с. 64].

В христианской культовой архитектуре повсеместно была распространена сложная конфигурация креста: нижним концом он опирается на чашу, в перекрестии имеет окружность с лучами, на концах – маленькие крестики. Чаша, вероятно, символизирует неиссякаемый божественный источник всего живого. Окружность с лучами – солнце, освящающее зарождение и развитие жизни. Маленькие крестики (по аналогии с распускающейся почкой) символизируют расцвет жизни по всем направлениям. Религиозную семантику этого креста можно расшифровать следующим образом: он символизирует рождение Христа из лона Девы Марии и его бесконечное царствование над миром людей после своей земной гибели [5, с. 77–79].

Христианское значение креста доминировало в европейской культуре вплоть до XX в., когда начался процесс профанации культурнозначимых символов. В процессе профанации символы утрачивают свои исконные сакральные основы и перестают воплощать высокие религиозные, этические и эстетические ценности.

Наиболее показательна эта тенденция в использовании десакрализованных религиозных символов в продуктах массовой культуры. Тем самым происходит девальвация фундаментальных для европейской цивилизации христианских идей.

Причины профанации символов обусловлены системной трансформацией культуры, прежде всего ее идейно-ценностной сферы. А именно – переориентацией культуры с высоких духовных ценностей в сферу материальных интересов [1, с. 26].

В связи с этим в социогуманитарном знании XX в. многократно возрастает интерес к проблеме символа. В социальной философии символизация утверждается одним из наиболее значимых принципов организации общества. Выдающийся социолог Э. Дюркгейм считает, что общество существует тогда, когда являет собой символическую целостность. Согласно концепции символического интеракционизма, человек осваивает мир посредством символов. Ее основатель Г. Блумер полагает, что символы наделяют значениями все объекты физического и социального мира, благодаря чему становится возможным социальное взаимодействие. Теория межкультурной коммуникации считает символ основным средством межкультурного общения. Представители данной теории Я. Ким и У. Гудикунст разрабатывают проблему адекватной интерпретации значений символов в коммуникативном процессе [2, с. 115, 117]. Пересечение научных интересов различных сфер знания воплощает одну и ту же идею силы символизации.

В современной культуре выделяются три основные сферы функционирования креста как символа – это наука, медицина и искусство. В них в свернутом виде содержатся предшествующие значения данного символа. Его мифологические корни сохранились в знаках «плюс» и «минус». Горизонтальная черта символизирует пассивное начало, землю, вертикальная – активное начало, стебель растения, олицетворяющий новую жизнь. Следовательно, «плюс» – это символ прибавления нового, новых свойств и характеристик объекта. «Минус» во взаимоотношении с каким-либо объектом для порождения нового требует приложения определенных сил, отбирает какие-то свой-

ства и характеристики, уменьшает силу объекта [6, с. 59].

В медицине применение образа креста отсылает одновременно к мифологическому и к религиозному значениям. Опираясь на предшествующие традиции, его можно интерпретировать как символ защиты жизни и проявления милосердия. Он начал использоваться с середины XIX в. как эмблема военных медиков, позднее – международной организации Красного Креста. Сегодня это символ, защищающий пострадавших и оказывающих помощь, а также разрешающий осуществлять гуманитарную деятельность. Однако его религиозная «наполненность» постоянно приводила к проблемам использования в странах с нехристианской культурой. Поэтому в начале XXI в. в дополнение к символу «красного креста» стал использоваться конфессионально нейтральный «красный ромб».

В искусстве использование образа креста зависит от уровня художественного творчества. На уровне элитарного искусства, создаваемого образованной частью творческой интеллигенции, этот символ может воплощать все те мифологические и религиозные значения, о которых говорилось выше. На уровне массового искусства, тиражируемого коммерчески ориентированной частью дизайнеров, данный символ превратился в популярную эстетическую конструкцию, не имеющую никаких смысловых значений. Его сакральный смысл полностью утрачен, внимание сконцентрировано на его эстетических качествах. Таким образом, в продуктах современного массового искусства крест как символ десемантизировался, девальвировался, превратился в «орнамент».

Это объясняет применение образа креста в многочисленных логотипах различных брендов. С одной стороны, они опираются на смутные воспоминания древних архетипов, воплотивших фундаментальные представления человека о Мироздании. С другой стороны, они используют удачную для коммерческих целей эстетическую конструкцию, не задумываясь о ее многовековой истории. Многозначность креста как символа намеренно употребляется при создании рекламной продукции. Идея, заложенная в рекламе, оформляется в узнаваемую символическую форму, которая

наполняется любым необходимым для определенных целей содержанием. В результате символ профанируется и утрачивает функцию передачи значимой социокультурной информации.

Одним из первых в неклассической философии проблему профанации символов обозначил К. Г. Юнг. Он полагал, что развитие капитализма и сциентизма приводит к разрушению символов, воплотивших многовековое содержание мифологического и религиозного мировоззрения. Это ведет к мировоззренческому хаосу и дестабилизации духовной жизни общества [7, с. 297–299].

Ведущий представитель постмодернизма Ж. Бодрийар для объяснения изменений в символической системе культуры второй половины XX в. использует понятие «симулякр». Он полагал, что в современном обществе любой предмет наделяется любым значением, а символ становится пустой формой – «симулякром». Он утверждал, что способом выражения современного мира является ничего не выражающий символ. Однако отсутствие смысловой определенности означает, что мир распадается на части, не связанные никакими трансцендентными ценностями. Символы, некогда служившие воплощением высоких идей и устремлений, оказываются вовлеченными в сферу экономических отношений, что девальвирует фундаментальные для европейской культуры, прежде всего религиозные ценности [8, с. 126–127].

Философ-постмодернист Ж. Делёз, исследуя феномен симулякра, утверждает, что в современном обществе символ как онтологический феномен утрачивает свои позиции, а социальная действительность определяется властью симулякров. Симулякр отражает утрату системы культурных смыслов и связанной с ней системы ценностей. В итоге Делёз определяет симулякр как деструктивный онтологический феномен, который выполняет функцию разрушения системной иерархии универсума [9, с. 161]. Объясняя этот процесс, выдающийся исследователь постиндустриального общества П. Бурдьё пишет, что история западной культуры может быть понята как история изменений символических функций социальных институтов, когда они из воплощения высших духовных ценностей трансформируются в отношения производства, обра-

щения и потребления символической продукции [10, с. 49].

Заключение

Подытоживая, необходимо объяснить сущность и механизм процесса исторической трансформации символов. В символе заключены два аспекта: эзотерический – внутренний, тайный, и экзотерический – внешний, явный. При стабильном существовании культуры они находятся в равновесии. При смене эпох происходит преобразование старой символической системы и формирование новой, при этом на первый план выходит экзотерическая сторона символа, поскольку его эзотерическое значение искажается либо утрачивается. История любой культуры может быть представлена как смена символических систем, отражающая трансформацию идейно-ценностной структуры общества.

В процессе исторического развития меняются мировоззренческие основания культуры, в связи с чем некоторые значения символа оказываются устаревшими, не отражающими новую картину мира. Однако ввиду чрезвычайной прочности символической системы эти значения не сразу покидают структуру символа. Вначале они выводятся из его семантического центра на периферию. Экзотерическая сторона начинает преобладать над эзотерической. Затем, с укреплением новой традиции старые значения утрачивают свою силу, а их место занимают новые. Такая постепенная смена значений позволяет символу выполнять социальные функции. Однако в результате этого связь между его исконным сакральным смыслом и внешним поверхностным искажается либо совсем утрачивается.

От поколения к поколению сакральный смысл символа забывается, а внимание переносится на его эстетические качества.

Белорусский исследователь И. И. Мячикова предлагает для объяснения этого процесса следующую схему трансформации символов: информационный знак – магический символ – эстетическая конструкция [6, с. 92–94]. На начальном этапе символ выступает как информационный знак, воплощающий особенности символизируемого явления. Он выполняет социальную функцию создания определенного эмоционального настроя и мобилизации общества.

По мере укрепления символической системы на первый план выходит магическая функция символа как воплощения связи между миром людей и сверхъестественными силами, как средства привлечения этих сил на пользу человеку.

Наделение символа магическими свойствами приводит к ритуализации его использования, а также к его широкому распространению на окружающих человека предметах. Он выполняет охранительную функцию, становится оберегом. В процессе развития символ формирует многообразные связи и отношения, включается в структуру сложных символических систем.

На каком-то этапе исторической динамики он может обесцениться при выполнении магических функций, утратить общественную роль, превратиться в орнамент. Со временем сакральный смысл символа полностью забывается и внимание акцентируется на эстетических качествах его формы.

Проанализировав процесс трансформации креста как символа, мы приходим к следующим выводам. В длительном существовании различных смысловых значений креста с древнейших времен до современности можно выделить три взаимосвязанных этапа: древний, воплощающий мифологические представления о строении Мировоздания; христианский, отражающий религиозную картину мира; современный, в свернутом виде содержащий два предыдущих, но акцентирующий его эстетические качества. На каждом этапе наполнение символа новым содержанием отражает естественный синтез традиционного и нового социального опыта, постоянно происходящий в недрах культуры.

На первом этапе, в рамках первобытной и древней культуры, значение креста как символа формируется в соответствии с принципами мифологического мировоззрения. В нем наиболее полно воплощены основные архетипы европейской мифологии, в т. ч. мифологии балтских и славянских племен, обитавших на белорусских землях. Основными символическими значениями креста в данный период являются макрокосмос как «мировое дерево», микрокосмос

как сущность человека и жизнь как результат единства мужского и женского начал.

На втором этапе, в рамках христианского мировоззрения, значение креста как символа отражает религиозную картину мира, преобладающую в европейской, в т. ч. и белорусской культуре на протяжении длительного периода: от начала христианизации вплоть до XX в. Крест становится главным атрибутом христианской веры. Основными символическими значениями креста в данный период являются установление в Мировоздании божественного порядка, господство над миром Иисуса Христа, власть на земле христианской церкви, устремление человека к воссоединению с Богом.

На третьем этапе, в рамках современной культуры, выделяются три основные сферы функционирования креста как символа (наука, медицина и искусство), в которых в свернутом виде содержатся его предшествующие значения. Однако доминирующей является тенденция десакрализации данного символа. Его сакральный смысл утрачивается, и внимание переносится на эстетические качества его формы. Он десемантизируется, девальвируется, превращается в «орнамент». Наиболее показательна эта тенденция в современной массовой культуре.

Таким образом, крест как символ воплощает картину мира, господствующую в тот или иной исторический период. Вместе с тем, являясь наиболее многозначной символической формой, он имеет универсальные значения, поскольку в разных культурах существуют схожие мифорелигиозные представления и социокультурные ценности. Фиксируя шкалу универсальных ценностей, данный символ обеспечивает ориентацию человека в мире, его отношение к обществу и к самому себе. Наиболее фундаментальные символические значения креста, воплощающие общезначимые гуманистические ценности, – гармония мира и человека, ценность жизни как таковой – могут стать основой для возрождения его сакрального смысла в современной культуре.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Комисарук, С. М. Проблема профанации символов в обществе: философский анализ / С. М. Комисарук // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2022. – № 2. – С. 20–27.
2. Комисарук, С. М. Основные подходы к проблеме символа в философии культуры: опыт систематизации / С. М. Комисарук // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 1, Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2021. – Т. 13, № 3. – С. 112–118.
3. Тен, Ю. П. Символ в межкультурной коммуникации : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.13 / Ю. П. Тен. – Ростов н/Д., 2008. – 333 л.
4. Символы в контексте культуры : сб. науч. ст. – Минск : БГЭУ, 2001. – 91 с.
5. Мячикова, И. И. Индоевропейские корни белорусской символики / И. И. Мячикова, О. Г. Жевняк. – Минск : БГЭУ, 2002. – 119 с.
6. Мячикова, И. И. Методологические основы символиковедения / И. И. Мячикова. – Минск : БГЭУ, 2002. – 119 с.
7. Юнг, К. Г. Проблемы души нашего времени / К. Г. Юнг. – М. : Прогресс : Универс, 1994. – 336 с.
8. Бодрийар, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийар. – М. : Добросвет, 2000. – 387 с.
9. Делёз, Ж. Различие и повторение / Ж. Делёз. – М. : Петрополис, 1998. – 384 с.
10. Бурдые, П. Рынок символической продукции / П. Бурдые // Вопр. социологии. – 1993. – № 1. – С. 49–62.

REFERENCES

1. Komisaruk, S. M. Problema profanacji symbolow v obshchiestvie: filosofskij analiz / S. M. Komisaruk // Viesn. Bresc. un-ta. Sier. 1, Filasofija. Palitalohija. Sacyjalohija. – 2022. – № 2. – S. 20–27.
2. Komisaruk, S. M. Osnovnyje podkhody k problemie simvola v filosofii kul'tury: opyt sistematizacii / S. M. Komisaruk // Viesn. Hrodzien. dziazrh. un-ta imia Janki Kupaly. Sier. 1, Historyja i arkhieaolohija. Filasofija. Palitalohija. – 2021. – T. 13, № 3. – S. 112–118.
3. Ten, Yu. P. Simvol v miezhkul'turnoj kommunikacii : dis. ... d-ra filos. nauk : 09.00.13 / Yu. P. Ten. – Rostov n/D., 2008. – 333 l.
4. Simvoly v kontiektstie kul'tury : sb. nauch. st. – Minsk : BGEU, 2001. – 91 s.
5. Miachikova, I. I. Indojevropiejskije korni bielorusskoj simvoliki / I. I. Miachikova, O. G. Zhevniak. – Minsk : BGEU, 2002. – 119 s.
6. Miachikova, I. I. Mietodologichieskije osnovy simvolikoviedienija / I. I. Miachikova. – Minsk : BGEU, 2002. – 119 s.
7. Jung, K. G. Problemy dushi nashego vriemieni / K. G. Jung. – M. : Progress : Univers, 1994. – 336 s.
8. Bodrijar, Zh. Simvolichieskij obmien i smiert' / Zh. Bodrijar. – M. : Dobrosviet, 2000. – 387 s.
9. Delioz, Zh. Razlichije i povtorienije / Zh. Delioz. – M. : Petropolis, 1998. – 384 s.
10. Burd'je, P. Rynok simvolichieskoj produkcii / P. Burd'je // Vopr. sociologii. – 1993. – № 1. – S. 49–62.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 02.12.2024

УДК 796.011:796.332-057.177.1

Уладзімер Паўлавіч Люкевіч*канд. філас. навук, дац., дац. каф. спартыўных дысцыплін і методык іх выкладання
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна***Uladzimir Lukievic***Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Sports Disciplines and Methods of their Teaching
of Brest State A. S. Pushkin University
e-mail: lucul@brsu.by***ФІЛАСОФІЯ ФУТБОЛА. ПРЭЗІДЭНТЫ ФІФА. ДЭНІЭЛ ВУЛФАЛ**

Артыкул падрыхтаваны на падставе дэскрыптыўнага падыходу з мэтай правесці феномена-лагічны аналіз дзейнасці другога прэзідэнта ФІФА Дэнэла Вулфала па развіцці футбола. Яго намаганні ўвасобіліся ў сацыяльную рэчаіснасць з дапамогай метадалогіі па інтэнсіфікацыі працэсу распаўсюджвання гэтай гульні ва ўсім свеце. Як і ў кожным відзе актыўнасці, роля асобы ў дадзеным выпадку мела ключавое значэнне, што далей і адбілася ў працэсе фарміравання шэрага арганізацыйных структур на міжнародным узроўні, таму што пасада прэзідэнта ФІФА з'яўляецца адной з найважнейшых у сістэме кіравання. Немалаважным аспектам у працэсе будучага наступальнага станаўлення футбола было яго філасофскае абгрунтаванне. Суадносіны тактыкі і стратэгіі ўяўляліся вельмі важнымі. Падчас прэзідэнтуры Дэнэла Вулфала гэта садзейнічала выкананню місіі па стварэнні наднацыянальнага футбольнага органа, набыцці міжнароднага аўтарытэту, максімальна шырокім уплыве арганізацыі ў розных напрамках.

Ключавыя словы: спорт, футбол, ФІФА, Дэнэла Вулфал, тактыка, стратэгія, міжнароднае супрацоўніцтва.

Philosophy of Football. FIFA Presidents. Daniel Woolfall

The article is prepared on the basis of the descriptive approach with the aim of conducting a phenomenological analysis of the activities of the second FIFA President Daniel Woolfall on the development of football. His efforts were embodied in social reality with the help of the methodology for intensifying the processes of spreading this game throughout the world. As in every type of activity, the role of the individual in this case was of key importance, which was further reflected in the process of forming a number of organizational structures at the international level. Because the post of FIFA President is one of the most important in the management system. An important aspect in the process of the future progressive development of football was its philosophical justification. The relationship between tactics and strategy seemed very important. During the presidency of Daniel Woolfall, this contributed to the fulfillment of the mission to create a supranational football body, gain international authority, and the widest possible influence of the organization in various directions.

Key words: sports, football, FIFA, Daniel Woolfall, tactics, strategy, international cooperation.

Уводзіны

Футбол як сацыякультурны феномен напачатку XX ст. толькі пачынаў сваё імклівае развіццё. Увогуле гэта быў перыяд, калі адбываўся працэс станаўлення цэлага шэрага міжнародных спартыўных арганізацый, сярод якіх футбол яшчэ не выглядаў самым перспектыўным відам спорту ў тагачасным грамадстве. Калі ў 1904 г. па ініцыятыве 28-гадовага французскага журналіста і спартыўнага функцыянера Рабэра Герэна (Robert Guérin) была заснавана галоўная сусветная арганізацыя гэтага віду спартыўнай дзейнасці – ФІФА (FIFA, фр. *Fédération Internationale de Football Association*; англ. *International Federation of Association Foot-*

ball), мала хто мог уяўляць сабе, як далей будуць развівацца падзеі ў гэтым накірунку. Першымі ўдзельнікамі новай асацыяцыі разам з прадстаўнікамі Францыі сталі дэлегаты з Бельгіі, Галандыі, Швейцарыі, Даніі. Пазней да іх далучыліся федэрацыі Іспаніі і Швецыі.

Зразумела, што пасада прэзідэнта ФІФА з'яўляецца адной з найважнейшых у сістэме кіравання, дарэчы, як і ў кожнай самадэятэльнай арганізацыі. І сапраўды, яна вымагала ад Рабэра Герэна шматлікіх намаганняў у фарміраванні функцыянальнай структуры па развіцці футбола і яго распаўсюджванні па ўсім свеце. Немалаважным аспектам было пытанне стварэння

філасофскай асновы будучага паступальнага станаўлення гэтай гульні. Яму неабходна было падтрымаць наваствораны рух у замацаванні футбола на міжнародным узроўні і вызначыць адпаведны фармат спаборніцтваў паміж нацыянальнымі зборнымі. Суадносіны тактыкі і стратэгіі з'яўляліся найважнейшымі. Але не ўсё выглядала проста і адназначна. Перш за ўсё заставаліся напружанымі адносіны з прадстаўнікамі футбольных асацыяцый Брытаніі, дзе футбол у параўнанні з кантынентальнай Еўропай знаходзіўся на значна больш высокім узроўні развіцця як у арганізацыйным і тэхнікатактычным планах, так і адносна матэрыяльнай базы. Затым працяглы час заставаліся нявырашанымі пытанні арганізацыі міжнародных футбольных турніраў на ўзроўні нацыянальных зборных. Гэта, а таксама шэраг іншых прычын прымусілі Герэна ў 1906 г. пакінуць свой пост.

Наступны этап у дзейнасці Міжнароднай федэрацыі футбола пачаўся тады, калі на пост прэзідэнта гэтай арганізацыі заступіў Дэніэл Бёрлі Вулфал (Daniel Burley Woolfall). У перыяд да выбарнага на гэтую пасаду Дэніэл Вулфал быў членам Англійскай футбольнай асацыяцыі ад Блэкбэрна, ён асабіста кантраляваў англійскі футбол і частку французскіх клубаў, якія ўваходзілі ў названую структуру.

Афіцыйна абранне Дэніэла Вулфала прэзідэнтам адбылося ў 1906 г. на III Кангрэсе ФІФА ў Берне, калі ён у складзе дэлегацыі прадстаўнікоў з Англіі, Ірландыі, Шатландыі і Уэльса прыняў удзел у гэтым мерапрыемстве. Неабходна ўлічыць, што галоўнай матывацыяй пакінуць пасаду кіраўніка Міжнароднай федэрацыі футбола француз Рабэра Герэна стала тое, што ўсе яго намаганні арганізаваць першыя міжнародныя спаборніцтвы скончыліся нічым.

На пасадзе прэзідэнта ФІФА Вулфал займаўся ўніфікацыяй правіл футбола, прымаў удзел у арганізацыі футбольных турніраў летніх Алімпійскіх гульняў 1908 і 1912 гг. Акрамя міжнародных правілаў футбола, ён таксама распрацаваў асноўныя палажэнні дзейнасці ФІФА, частка з якіх застаецца актуальнай і сёння. Міжнародныя спаборніцтвы былі падзеленыя на клубныя і нацыянальныя. Пры гэтым удзел членаў ФІФА ў іншых міжнародных камерцыйных турнірах забараняўся. Да таго ж

Дэніэл Вулфал актыўна займаўся распаўсюджваннем уплыву ФІФА і пашырэннем яе геаграфіі. Праз яго намаганні да міжнароднай федэрацыі далучыліся Паўднёва-Афрыканская Рэспубліка, Аргенціна, Чылі і Злучаныя Штаты Амерыкі.

Сын сантэхніка з Блэкбэрна, Дэніэл Вулфал стаў адным з выдатных футбольных адміністратараў. Калі ён яшчэ вучыўся ў гімназіі, то з дапамогай некалькіх вучняў у 1875 г. стварыў футбольны клуб «Blackburn Rovers». І менавіта Вулфал пазней быў прызначаны ў 1881 г. прадстаўніком гэтага клуба ў Футбольнай асацыяцыі Ланкашыра, а праз чатыры гады ён ужо працаваў у футбольнай асацыяцыі акругі. Пасля атрымання адукацыі бухгалтара яму прыйшлося выконваць адпаведныя абавязкі ў якасці падатковага інспектара ў Блэкбэрне, у 1901 г. ён быў прызначаны скарбнікам Футбольнай асацыяцыі. Потым Дэніэл Вулфал займаў пасады ў кіраўніцтве Ланкашырскай футбольнай асацыяцыі і ў Футбольнай асацыяцыі да сваёй смерці ў 1918 г. [3].

Але самая важная падзея ў жыцці Дэніэла Вулфала адбылася 4 чэрвеня 1906 г., калі ён быў абраны другім прэзідэнтам ФІФА і адначасова стаў першым англічанінам, які заняў гэтую пасаду.

Мэта працы. Напісанне артыкула на аснове дэскрыптыўнага падыходу мае на мэце зрабіць фенаменалагічны аналіз дзейнасці другога прэзідэнта ФІФА Дэніэла Вулфала па развіцці футбола, а менавіта яго намаганняў па ўвасабленні ў сацыяльную рэчаіснасць новай метадалогіі па інтэнсіфікацыі працэсаў распаўсюджвання гэтай гульні па ўсім свеце. Як і ў кожным відзе дзейнасці, роля асобы ў дадзеным выпадку мела вырашальнае значэнне, што далей і адбілася на працэсе фарміравання іншых арганізацыйных структур на міжнародным узроўні.

Метады даследавання. Філасофская рэфлексія патрабуе вызначыцца з шэрагам адпаведных метадаў даследавання, сярод якіх вылучаюцца такія, як назіранне, апісанне, параўнанне, аналіз і інтэрпрэтацыя навуковых, публіцыстычных і дакументальных крыніц. Важным таксама падаецца вывучэнне і крытычнае асэнсаванне адкрытай у доступе інтэрнэт-інфармацыі. Выяўленыя механізмы і тэндэнцыі ў працэсе апрацоўкі

разнастайных фактаў і фактараў дазваляюць сфармуляваць шэраг заключэнняў.

Вынікі і абмеркаванне

Напачатку свайго станаўлення ФІФА сутыкнулася з мноствам праблем, якія неабходна было вырашыць у першую чаргу. Для некаторых іншых арганізацый гэтыя праблемы засталіся непераадольнымі, і таму лёс тых структур быў прадвырашаны: яны так ніколі і не дасягнулі ні грамадскага, ні фінансава-эканамічнага поспеху. У першыя гады свайго функцыянавання Міжнародная федэрацыя футбольных асацыяцый сканцэнтравалася на тым, каб замацаваць сваю легітымнасць у свеце спорту і па магчымасці пашырыць колькасць членаў у вызначаным асяроддзі для таго, каб сфарміраваць такую цэласную структуру, якая была б у стане ўзначаліць футбольны рух і далей кіраваць ім на ўсіх кантынентах. Неабходна падкрэсліць, што гэтыя задачы ўсведамляліся даволі дакладна. Таму новая маладая арганізацыя спрабавала зарэкамендаваць сябе як мага хутчэй у якасці аўтарытэтнага футбольнага органа ва ўсім свеце.

Згодна з распрацаванай ФІФА стратэгіяй, напачатку неабходна было атрымаць прызнанне з боку дасведчаных футбольных дзяржаў, і найперш Вялікабрытаніі. Справа ў тым, што менавіта Англійская футбольная асацыяцыя з яе традыцыямі, шырокім уплывам на футбол на кантыненте і ўвогуле ў свеце разглядалася як несумненны ўзор і аўтарытэт. Аднак нежаданне Англіі далучацца да навастворанай структуры не спрыяла паспяховаму развіццю маладога праекта. Ваганне Англійскай футбольнай асацыяцыі было ў значнай ступені звязана з занепакоенасцю ў тым, што перадача кантролю міжнароднаму органу можа паменшыць веру грамадскасці ў тое, што нязменным стандартам застаецца менавіта англійскі футбол. Таму пэўны час ФІФА не мела падтрымкі з боку Англіі, якая выпрацавала дастаткова дакладныя абрысы сучаснага футбола [6].

На станаўленне Міжнароднай федэрацыі футбола ўплывалі не толькі складаныя адносіны з брытанскімі асацыяцыямі. Трэба браць пад увагу таксама той факт, што ў кожнай краіне былі свае асаблівасці, калі выходзіць з паняцця разнастайнасці футбольных культур, бо былі ўжо сфарміра-

ваны свае ўласныя падыходы да гульні. Гэта тычылася не толькі яе стылю, але і ўзроўню прафесіяналізму. Аб'яднаць гэта пад эгідай адной арганізацыі было нялёгкай справай. Асаблівая дыскусія выклікала пытанне стаўлення да прафесіяналізму. Напрыклад, у Англіі супярэчнасці вырашаліся з моманту заснавання футбольнай лігі, дзе ігракам сталі плаціць. Аднак у большасці еўрапейскіх краін футбол па-ранейшаму заставаўся аматарскім, і сама ідэя прафесіяналізацыі гэтага віду спорту сустрэла супраціўленне.

Нягледзячы на ўсе пералічаныя вышэй праблемы, кіраўніцтва ФІФА было цвёрда настроена на рэалізацыю сваіх амбіцыйных планаў, каб выканаць сваю місію, набыць аўтарытэт і максімальна пашырыць уплыў арганізацыі. Тут неабходна аддаць належнае Дэніэлу Вулфалу, пад кіраўніцтвам якога ФІФА стала скрупулёзна выконваць тую працоўкі і праекты, якія дазволілі ўсталяваць сваю дамінантную ролю ў футбольным свеце. Брытанец з высокім узроўнем адміністрацыйнай дасведчанасці вызначыўся прагматычным падыходам у сваёй дзейнасці, сканцэнтраванай увагу на пашырэнні колькасці краін у складзе арганізацыі, зрабіў яе больш фармалізаванай. Намаганні ў гэтым накірунку стварылі асновы для ўзнікнення глабальнага спартыўнага саюзу, што не толькі падкрэсліла яго легітымнасць, але таксама ў пэўнай меры забяспечвала адносную фінансавую стабільнасць. Пры гэтым кожны новы ўдзельнік нес з сабой дадатковыя магчымасці для развіцця міжнародных спаборніцтваў і стандартызацыі правіл. Стратэгія развіцця і распаўсюджвання футбола, якая была распрацавана Вулфалам, прадугледжвала рост колькасці членаў ФІФА не толькі за кошт еўрапейскіх краін. Каб стаць паўнаважным сусветным лідарам, неабходна было мець прадстаўніцтва з іншых кантынентаў. Так і здарылася, калі на працягу 1910–1913 гг. у склад ФІФА былі прынятыя першыя нееўрапейскія краіны, а менавіта Паўднёва-Афрыканская Рэспубліка, Аргенціна, Чылі і ЗША, што стала пачаткам пашырэння арганізацыі ў Афрыцы і Амерыцы. Гэта быў найважнейшы сігнал пра тое, што выбраныя тактыка і стратэгія запрацавалі ў патрэбным накірунку, і футбол пачаў

ператварацца з чыста спартыўнай з’явы ў сацыякультурны феномен.

Аднак на фоне адносных поспехаў трэба звярнуць увагу на камунікацыйныя і матэрыяльна-тэхнічныя цяжкасці каардынацыі з краінамі на розных кантынентах, якія здаваліся яшчэ больш складанымі ў спалучэнні з рознымі ўзроўнямі развіцця футбола ў гэтых рэгіёнах. Узніклі самыя разнастайныя перашкоды – ад моўных бар’ераў да недахопаў адпаведнай адміністрацыйнай практыкі. Але такое становішча не перапыняла справы па пабудове разгалінаванай сусветнай футбольнай супольнасці. Чым больш краін далучалася да ФІФА, тым хутчэй арганізацыя ператваралася ва ўплывовы цэнтр міжнароднага футболу.

Дэніэл Вулфал таксама ініцыяваў на высокім узроўні сувязі з Міжнародным алімпійскім камітэтам. Гэта дало магчымасць далучыць футбол да праграмы Алімпійскіх гульняў, што, у сваю чаргу, стварыла платформу для дэманстрацыі яго на міжнароднай арэне. З часоў правядзення летніх Алімпійскіх гульняў у Лондане ў 1908 г. футбол нязменна прыцягваў вялікую ўвагу з боку шырокіх колаў насельніцтва. Дарэчы, першы алімпійскі турнір праходзіў з удзелам толькі еўрапейскіх каманд і праводзіўся па правілах аматараў. Але гэта для ФІФА было значным крокам наперад. Турнір прадэманстраваў здольнасць сусветнай футбольнай федэрацыі да арганізацыі і каардынацыі пры правядзенні міжнародных спаборніцтваў і распаўсюджванні гэтага віду спорта ва ўсім свеце.

Яшчэ адной найважнейшай задачай, якая стаяла перад ФІФА ў першыя гады станаўлення, была стандартызацыя футбольных правіл. Адсутнасць іх дакладнай трактоўкі і інтэрпрэтацыі працяглы час заставалася асновай для блытаніны і спрэчак. Прагрэс арганізацыі на міжнародным узроўні залежаў ад таго, наколькі хутка мог быць прыняты агульны стандарт адносна правіл гульні, з якімі пагадзіліся б усе краіны-члены. Працэдура стандартызацыі здавалася складанай і супярэчливай. Як адзначалася, кожная федэрацыя ў сваёй дзейнасці кіравалася сваімі традыцыямі і нярэдка па-свойму інтэрпрэтавала асобныя моманты, а пошук агульных падыходаў патрабаваў далікатных, дыпламатычных кантактаў. Пытаннем, якое выклікала найбольш вострыя дыс-

кусіі, было трактаванне правіла афсайду, бо яно часам істотна адрознівалася. Напрыклад, па версіі Англійскай футбольнай асацыяцыі, тры абаронцы павінны былі знаходзіцца паміж сапернікам і брамай. Але, на думку шэрага іншых прадстаўнікоў, такое становішча абмяжоўвала дынаміку самой гульні. Іншыя федэрацыі прытрымліваліся больш вольнай трактоўкі. Зразумела, што Дэніэл Вулфал павінен быў нейкім чынам спыніць гэтыя рознагалоссі. Ён быў добра знаёмы са спецыфікай англійскага футбола, добра разумеў важнасць кампрамісу. Трэба было ініцыяваць шэраг сустрэч паміж членамі ФІФА па абмеркаванні правіл, каб дасягнуць пэўнага кансэнсусу. Дыскусіі часам праходзілі даволі эмацыянальна, таму што кожны бок імкнуўся абараніць свой ва-рыянт. Але неабходнасць стандартызацыі кодэкса правілаў міжнароднага ўзроўню была прызнана ўсімі, і ў выніку кампраміс быў знойдзены.

Дэніэл Вулфал высока ацэньваў патэнцыял дзейнасці Міжнароднага алімпійскага камітэта, з якім быў зацікаўлены супрацоўнічаць. У выніку на летніх Алімпіядзе 1908 г. у Лондане футбол дэбютаваў у якасці афіцыйнага алімпійскага віду спорта. Неабходна падкрэсліць, што гэта было першае буйное міжнароднае афіцыйнае спаборніцтва, якое прайшло пад эгідай ФІФА, і здарылася яно ўсяго праз чатыры гады пасля ўтварэння самой арганізацыі. Гэта, несумненна, трэба залічыць у актыў крэатыўнай дзейнасці Вулфала не толькі як сведчанне яго лідарскіх і дыпламатычных здольнасцей у вызначэнні месца футбола ў праграме Алімпійскіх гульняў, але і як красамоўны паказчык паскарэння працэсу распаўсюджвання ўплыву Міжнароднай федэрацыі футбола на краіны і кантыненты.

Правядзенне алімпійскага турніру ў Лондане, а затым у 1912 г. і ў Стакгольме адназначна стала вялікім поспехам. Дэманстрацыя здольнасці кіравання міжнародным футболам стварыла неабходныя ўмовы не толькі для далейшага росту папулярнасці самой гульні, але і для таго, каб да арганізацыі сталі далучацца іншыя нацыянальныя федэрацыі.

Аднак футбол, як, дарэчы, і спорт у цэлым, не пазбегнуў адной з самых вострых і балючых канфрантацый – супрацьборства паміж аматарамі і прафесіяналамі, прычым

прафесіяналы сталі дамінаваць. Трэба заўважыць, аднак, што па палажэннях, якія былі распрацаваныя МАК, у Алімпіядах маглі ўдзельнічаць выключна аматары. Гэта яшчэ больш павялічыла напружанасць паміж аматарамі і прафесіяналамі, якая набірала сілу і стала галоўнай праблемай у працэсе арганізацыі ўласнага міжнароднага турніру пад эгідай ФІФА.

Тэндэнцыі дамінавання Міжнароднай федэрацыі футбола і яе ўплыў на адпаведныя структуры па ўсім свеце не засталіся па-за ўвагай спартыўнай супольнасці. Найбольш негатыўнае стаўленне да гэтага працэсу зыходзіла ад Англійскай футбольнай асацыяцыі, якая разам з асацыяцыямі Ірландыі, Уэльса і Шатландыі былі прызнанымі аўтарытэтам і гэтай галіне. Трапіць пад кантроль ФІФА для брытанцаў бачылася недапушчальным. Таму трэба адзначыць, што пасля ўтварэння ФІФА ў 1904 г. чатыры брытанскія футбольныя асацыяцыі (Англіі, Ірландыі, Шатландыі і Уэльса) не далучыліся адразу да навастворанага саюза і станоўча не адрэагавалі на запрашэнне заснавальнікаў ФІФА далучыцца да асацыяцыі, у якой былі прадстаўнікі Бельгіі, Галандыі, Даніі, Іспаніі, Францыі, Швейцарыі, Швецыі [1, с. 245–250]. Неаднаразова намаганні Рабэра Герэна па далучэнні прадстаўнікоў Туманнага Альбіёна заставаліся марнымі. Снабзм і фанабэрыстасць брытанцаў пераважалі: яны ўпарта заставаліся на пазіцыі, што футбол на астравах не мае канкурэнцыі. Але адносіны пачалі мяняцца пасля сустрэчы ў Берне ў 1905 г., калі падчас перамоў з членамі-заснавальнікамі брытанцы прынялі мэты ФІФА і пагадзіліся супрацоўнічаць. Сам Вулфал прытрымліваўся думкі, каб Англійская футбольная асацыяцыя і іншыя еўрапейскія футбольныя структуры зразумелі важнасць стварэння міжнароднай арганізацыі, якая, з свайго боку, павінна выкарыстоўваць свой уплыў для рэгулявання футбола на кантыненте як чыстага віду спорту і наладжваць плённае супрацоўніцтва з усімі іншымі асацыяцыямі на падставе шматгадовай брытанскай дасведчанасці. Пасля таго як брытанцы прынялі мэты ФІФА і пагадзіліся супрацоўнічаць, задача Даніэла Вулфала стала заключацца ў тым, каб гэтая дасведчанасць Футбольнай асацыяцыі Англіі стала даступнай для ўсіх кантынентальных асацыяцый [4].

Такім чынам, сітуацыя стала паляпшацца толькі тады, калі Даніэл Вулфал наладзіў дыялог паміж двума бакамі. Яго прагматычны падыход да вырашэння спрэчных пытанняў дапамог знайсці ўзаемапаразуменне паміж ФІФА і брытанскімі асацыяцыямі. У якасці саступкі прыйшлося пайсці на кампраміс у вырашэнні праблемы стандартызацыі правіл. Так, у 1912 г. праўленне Вулфала дазволіла асобнае членства ўсім чатыром брытанскімі асацыяцыям, хоць гэта відавочна не адпавядала статуту. Ён ўпарта настойваў на прыярытэце захавання законаў гульні ў руках брытанскага органа, а менавіта Міжнароднай рады, якая павінна кантраляваць усталяванне правіл гульні. Такім чынам, прадугледжвалася наступнае: незалежна ад магчымай нестабільнасці адносін ФІФА і футбольных федэрацый Вялікабрытаніі важна было стварыць нерэпрэзентатыўную прысутнасць брытанскага футбола ў міжнародным кантэксце і ўлічыць надзвычай працяглы ўплыў брытанцаў на правілы і законы спорту. У выніку адным з найважнейшых дасягненняў Даніэла Вулфала з'яўляецца яго асабісты актыўны ўдзел у рабоце Міжнароднай рады футбольных асацыяцый (англ. IFAB, International Football Association Board), якая дагэтуль пазіцыяніруецца як галоўная арганізацыя, што займаецца вядзеннем і рэгуляваннем правіл гульні ў футбол. Гістарычна ў яе ўваходзяць прадстаўнікі Англіі, Ірландыі, Шатландыі і Уэльса [7].

Неабходна дадаць, што сама рада была заснаваная яшчэ ў 1886 г. для ўсталявання стандартызаваных правіл або прыцыповых законаў гульнявога працэсу пры правядзенні міжнародных спаборніцтваў і з тых часоў дзейнічае ў якасці асноўнага захавальніка гэтых вызначальных правіл. Трэба падкрэсліць, што ФІФА – галоўны орган кіравання міжнародным футболом – прызнае юрысдыкцыю ІФАБ над сваімі законамі з моманту ўзнікнення. Пры гэтым кожная з чатырох брытанскіх футбольных асацыяцый мае свой голас.

Варта таксама прыняць да ведама, што футбольныя асацыяцыі Ірландыі, Шатландыі і Уэльса доўгі час не маглі атрымаць згоды на членства галоўным чынам з-за таго, што Аўстрыя і Германія выступілі супраць такога рашэння, бо названыя асацыяцыі належалі да адной краіны – Злучанага

Каралеўства. Толькі ў 1912 г. было знойдзена паразуменне (і Дэніэл Вулфал меў да яго самае непасрэднае дачыненне), згодна з якім тры брытанскія футбольныя асацыяцыі былі прынятыя ў ФІФА, хоць гэта супярэчыла статуту самой арганізацыі. Тут таксама неабходна адзначыць асабістую пазіцыю Вулфала па валявым прыняцці рашэнняў на дазвол брытанскім футбольным асацыяцыям вызначаць, трактаваць і інтэрпрэтаваць правілы гульні. Дарэчы, такое становішча захавалася і да цяперашняга часу [4].

Аўтарытэт Дэніэла Вулфала на чале кіраўніка ФІФА паспрыў таму, што Міжнародная рада футбольных асацыяцый (IFAB) дагэтуль з'яўляецца галоўнай арганізацыяй, якая займаецца вядзеннем і рэгуляваннем правіл гульні ў футбол і пастаянна складаецца з прадстаўнікоў Англіі, Паўночнай Ірландыі, Шатландыі і Уэльса з улікам таго, што падзел Ірландыі на дзве часткі адбыўся ў 1921 г. Цяпер – гэта Ірландская Рэспубліка як незалежная дзяржава і Паўночная Ірландыя як частка Злучанага Каралеўства. Нягледзячы на тое, што правілы гульні адначасова публікуюцца на англійскай, іспанскай, нямецкай і французскай мовах, уплыў Футбольнай асацыяцыі Англіі праяўляецца ў трактоўках тэксту: калі маюцца нейкія разыходжанні і непаразуменні, то прыярытэтным з'яўляецца варыянт англійскай мовы. Брытанскія асацыяцыі (Англія, Паўночная Ірландыя, Уэльс і Шатландыя) маюць у ІФАБ па адным голасе кожная. У той жа час ФІФА, якая ахоплівае астатнія 207 нацыянальных асацыяцый, мае чатыры галасы. Такім чынам, усе пяць органаў забяспечваюць захаванне законаў гульні з павагай да футбольных традыцый, а таксама да міжнароднай рэальнасці. Для прыняцця рашэння па прапанове патрабавання большасць у тры чвэрці, г. зн. шэсць галасоў з васьмі. Місія ІФАБ – служыць свету футбола ў якасці незалежнага ахоўніка правіл гульні. Як адзіны орган, што ўпаўнаважаны прымаць рашэнні і ўзгадняць змены ў правілах, члены рады пільна сочаць за адпаведнасцю фармальных палажэнняў з улікам іх сутнаснага ўвасаблення з мэтай паляпшэння і развіцця самой гульні для яе ўдзельнікаў, афіцыйных асоб і балельшыкаў, каб абараніць і замацаваць дух і праслату футбола [5]. Празрыстасць, падсправа-

здачнасць і інклюзіўнасць – гэта тыя галоўныя каштоўнасці, на якіх базіруецца ІФАБ. Уся сусветная футбольная супольнасць прымае выпрацаваныя дэмакратычным шляхам падыходы і меркаванні, накіраваныя на захаванне сутнасці гульні.

Канцэптуальная матрыца стварэння, фарміравання, развіцця і распаўсюджвання футбола складаецца з шэрага канструктыўных элементаў, якія ўдала спалучыліся ў адзіны пазл у адпаведным часе і адпаведнай прасторы. Гэты від спорту са зразумелымі правіламі імкліва прыцягнуў да сябе ўвагу мільёнаў людзей. Удзел у гульні не патрабаваў ніякай верыфікацыі па крытэрыях нацыянальнасці, веравызнання, адукацыі, узросту, памеру маёмасці і г. д. Для мноства людзей футбол ператварыўся ў сапраўдную рэлігію і разглядаецца як сацыякультурны феномен, які не толькі істотна ўплывае на здзейнасць індывіда, але і мае вялікае значэнне для эканамічнага і палітычнага функцыянавання грамадства [2, с. 44–53].

Заклучэнне

Адміністратар Англійскай футбольнай асацыяцыі з Блэкбэрна Дэніэл Берлі Вулфал быў абраны прэзідэнтам 4 чэрвеня 1906 г. Галоўнай мэтай падчас яго прэзідэнцтва было выкананне місіі па стварэнні наднацыянальнага футбольнага органа, умацаванні міжнароднага аўтарытэту, максімальным пашырэнні ўплыву арганізацыі па розных накірунках. Таксама ён адыграў важную ролю ў распрацоўцы новай канстытуцыі ФІФА. Несумненным поспехам Вулфала з'яўляецца пагадненне з брытанскімі футбольнымі асацыяцыямі, што ў выніку прывяло да дасягнення кампрамісу ў трактоўцы адзіных правіл футбола на міжнародным узроўні. Ён жа ўсяго праз два гады пасля ўступлення на пасаду прэзідэнта змог арганізаваць першыя вартыя ўвагі міжнародныя футбольныя спаборніцтвы, а менавіта Алімпійскія гульні 1908 г. у Лондане. Яго праўленне ў якасці кіраўніка федэрацыі прывяло да з'яўлення першых нееўрапейскіх членаў ФІФА з Паўднёвай Афрыкі, Аргенціны, Чылі і ЗША. Але, на жаль, усё было спынена пачаткам Першай сусветнай вайны...

Прэзідэнцтва Вулфала скончылася па прычыне яго заўчаснай смерці ў 1918 г. Менавіта ў гэты перыяд надышла да

заканчэння і Першая сусветная вайна. Яе вынікі істотна паўплывалі на ФІФА, зрэшты, як і на ўсе міжнародныя спартыўныя арганізацыі таго часу. Разбурэнні, што былі выкліканы вайной, у спалучэнні з фінансавымі і матэрыяльна-тэхнічнымі праблемамі пасляваеннага перыяду пакінулі ФІФА ў цяжкім становішчы. Працяг функцыянавання Міжнароднай федэрацыі футбола ў нейкі перыяд быў нават пад пытаннем, бо шмат якія з яе членаў былі занятыя аднаўленнем эканомікі сваіх краін і не мелі дастаткова

часу і рэсурсаў, каб пачаць займацца футбольнымі справамі.

Месца лідара, якое засталася пасля смерці Дэніэла Вулфала, неўзабаве было занятае Жулем Рыме (Jules Rimet), які ў далейшым стаў адной з самых уплывовых постацяў у гісторыі ФІФА. І ўжо пад яго непасрэдным кіраўніцтвам быў праведзены першы чэмпіянат свету па футболе ў 1930 г. ва Уругваі. Але існуе шмат пацверджанняў, што першапачатковая ідэя падобнага роду спаборніцтва належала Дэніэлу Вулфалу.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Люкевіч, У. П. Філасофія футбола. Прэзідэнты ФІФА. Рабэр Герэн / У. П. Люкевіч // *Ценности, традиции и новации современного спорта : материалы III Междунар. науч. конгресса, Минск, 14–15 нояб. 2024 г. : в 3 ч. / Белорус. гос. ун-т физ. культуры ; редкол.: С. Б. Репкин (гл. ред.) [и др.]*. – Минск : БГУФК, 2024. – Ч. 3. – С. 245–250.
2. Люкевіч, У. П. Футбол як сацыякультурны феномен: філасофскія і сацыякультурныя аспекты / У. П. Люкевіч // *Вестн. Брэсц. ун-та. Сер. 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія*. – 2022. – № 2. – С. 44–53.
3. Biographical information [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.olympedia.org/athletes/1202335>. – Date of access: 20.08.2024.
4. Daniel Burley Woolfall [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.oxford-reference.com/display/10.1093/oi/authority.20110803124705223>. – Date of access: 15.08.2024.
5. Laws of the Game 23/24 / The International Football Association Board. – Zurich : IFAB, 2023. – 230 p.
6. The Formation of FIFA in 1904 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://footballbh.net/2024/08/19/formation-of-fifa-1904/>. – Date of access: 12.11.2024.
7. The IFAB Background [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.theifab.com/background/>. – Date of access: 21.11.2024.

REFERENCES

1. Liukievich, U. P. Filasofija futbola. Prezidenty FIFA. Rabert Gieren / U. P. Liukievich // *Cen-nosti, tradicyi i novacyi sovremennogo sporta : matierialy III Miezhdunar. nauch. kongressa, Minsk, 14–15 nojab. 2024 g. : v 3 ch. / Bielorus. gos. un-t fiz. kul'tury ; riedkol.: S. B. Riepkín (gl. ried.) [i dr.]*. – Minsk : BGUFK, 2024. – Ch. 3. – S. 245–250.
2. Liukievich, U. P. Futbol jak sacyjakul'turny fienomien: filasofskija i sacyjakul'turnyja aspiekty / U. P. Liukievich // *Viesn. Bresc. un-ta. – Sier. 1, Filasofija. Palitalohija. Sacyjalohija*. – 2022. – № 2. – S. 44–53.
3. Biographical information [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.olympedia.org/athletes/1202335>. – Date of access: 20.08.2024.
4. Daniel Burley Woolfall [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.oxford-reference.com/display/10.1093/oi/authority.20110803124705223>. – Date of access: 15.08.2024.
5. Laws of the Game 23/24 / The International Football Association Board. – Zurich : IFAB, 2023. – 230 p.
6. The Formation of FIFA in 1904 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://footballbh.net/2024/08/19/formation-of-fifa-1904/>. – Date of access: 12.11.2024.
7. The IFAB Background [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.theifab.com/background/>. – Date of access: 21.11.2024.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 08.12.2024

УДК 13

Ольга Васильевна Финслер*канд. филос. наук, доц., доц. каф. философии и экономики
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина***Olga Finsler***Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Philosophy and Economics
of Brest State A. S. Pushkin University**e-mail: olfi@bk.ru***ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА
РУССКОГО ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА XIX в.**

Выявляется и рассматривается философско-антропологическая проблематика русского изобразительного искусства XIX в. на примере живописных полотен А. Иванова, И. Крамского, И. Репина, В. Сурикова и др. В них нашли отражение темы духовного возрождения и подвижничества, нравственного выбора, сострадания и жертвенности, цикличности жизни, истории и времени. В полотнах русских художников показан образ народа как единой цельной духовно-нравственной личности, сочетающей в себе волю к достижению справедливости (Суриков), раскрывается вера в духовное единство людей (Иванов), философская рефлексия о временности бытия, об ушедшем (Левитан, Репин) и наивная сказочная мечтательность (Васнецов), что дает возможность убедительно говорить об антропологическом содержании искусства данного периода.

Ключевые слова: искусство, философия, живопись, антропология, русское изобразительное искусство.

Philosophical and Anthropological Problems Russian Fine Art of the XIXth Century

The author of the article identifies and examines the philosophical and anthropological problems of Russian fine art of the 19th century using the example of paintings by A. Ivanov, I. Kramskoy, I. Repin, V. Surikov and others. They reflected the themes of spiritual rebirth and asceticism, moral choice, compassion and sacrifice, the cyclical nature of life, history and time. The canvases of Russian artists reveal the image of the people as a single integral spiritual and moral personality, combining the will to achieve justice (Surikov), faith in the spiritual unity of people (Ivanov), philosophical reflection on the temporality of existence, on the past (Levitan, Repin) and naive fairy-tale dreaminess (Vasnetsov), which makes it possible to speak convincingly about the anthropological content of the art of this period.

Key words: art, philosophy, painting, anthropology, Russian fine arts.

Введение

Актуальность исследовательской темы состоит в обосновании антропологической проблематики русского изобразительного искусства XIX в., под которой автор понимает рассмотрение человека с точки зрения «соборности» (включение «я» в «мы»), подвижничества (заклученного в служении обществу), нравственного выбора и эстетической реализации. Это, в свою очередь, позволяет осознать нравственно-этические, духовные искания, свойственные как каждому отдельному человеку, так и целому народу (на примере представителей русского менталитета). Выбор темы исследования также определяется потребностью современного человека обратиться к духовной и художественной культуре за ценностно-смысловым наполнением, что

позволит обрести мировоззренческую устойчивость в постоянно меняющемся мире.

Философская антропология, несомненно, является одной из важнейших сфер в философии, поскольку осмысливает человека с разных сторон, стремясь ответить на важные вопросы о том, кто такой человек, в чем смысл его индивидуальной и коллективной жизни. Человек – это творец культуры, через формы и символы которой он транслирует свое мировосприятие. Соответственно, искусство – это одна из форм познания окружающей действительности, где посредством образной составляющей максимально ярко и глубоко может быть представлена антропологическая тематика.

Философия и искусство как значимые формы культуры близки в своем антропологическом векторе развития: это проблемы

смысла бытия человека, нравственного выбора и т. д. И если художественный образ занимает ведущее положение в искусстве, то в философии это рациональная рефлексия и концептуальность. «С искусством философию роднит то, что она является творчеством и стихией свободы, предполагает одаренность и связана с личностью творца» [1, с. 3]. Поэтому философия и искусство представлены уникальным результатом отдельных творцов – авторскими философскими теориями и результатами художественного творчества.

Целью данной статьи является выявление философско-антропологической проблематики русского изобразительного искусства XIX в., что созвучно идеям русских мыслителей данного периода времени (соборности, всеединства, христианской антропологии). Это позволит сформулировать отличительные черты русской художественной культуры данного периода, такие как ориентация на реализм как универсальное художественное направление, на нравственное служение обществу (народу), на признание ценности человека во всех его проявлениях. Русская литература, живопись, поэзия пронизаны философской рефлексией, из которой и вырастает самобытная русская философия.

Философско-антропологические основания русской культуры

Философско-антропологические основания в русской культуре весьма разнообразны и самобытны. Несмотря на противоречивость социальных аспектов в жизни России XIX в., тема человека всегда занимала достойное место в русской философской мысли.

«Проблема человека в истории русской философии была представлена в многочисленных мировоззренческих и идеологических положениях: от основателя антропологической традиции Г. С. Сковороды, философии человека А. Н. Радищева, «человековедения» А. И. Галича, философии славянофилов и западников, позитивизма и материализма Н. Г. Чернышевского и народников, до философии всеединства В. С. Соловьева, христианской антропологии Н. А. Бердяева, учения о непостижимом С. Л. Франка, концепции И. А. Ильина и др.» [1, с. 4]. Русские философы видели в чело-

веке глубинные предпосылки в постижении тайн бытия [2].

А. Ф. Лосев считал, что русской философской мысли не присуще системное абстрактно-интеллектуальное постижение мироздания, а больше свойственно мистическое, интуитивное проникновение в сущность бытия посредством образов и символов. В живописных полотнах русских художников поднимаются глубокие антропологические темы, связанные с нравственным выбором и духовным преображением, также близка тема единства человека и природы, а в литературных произведениях Гоголя, Достоевского, Толстого рождаются и вырастают основные философско-экзистенциальные вопросы, которые получают достойное оформление в собирательных художественных образах.

Русская философская антропология пронизана религиозным и этическим содержанием. Это дает основание рассматривать человека не как биологическое природное существо, а прежде всего как личность с большим духовным опытом, что дает основание примирения индивидуального и коллективного бытия.

Если для западноевропейской философии было характерно интеллектуальное постижение реальности, то русская философская мысль опиралась на живой опыт духовных поисков смысла жизни человека. Познание неизбежно зависело от этики. И. Киреевский писал, что истина не дается нравственно ущербному человеку. Отсюда обращенность русской философии к социальным, этическим вопросам [3].

Если вспомнить антропологическое учение В. Соловьева, можно увидеть суть его идеи всеединства в синтезе религии, философии и науки (веры, опыта и знания). Отсюда рождаются внимание и интерес к проблемам философско-антропологической проблематики: добру и злу, природе и предназначению человека, моральному выбору, смыслу жизни, смерти, бессмертию, самопожертвованию, сочувствию униженным и оскорбленным, защите «маленького человека», нравственному совершенствованию, приоритету общечеловеческих ценностей над индивидуальными. Все эти темы находят отражение в русском искусстве, особенно ярко они звучат в литературном творчестве Достоевского, Чехова, Толстого,

изобразительном искусстве художников-передвижников, в музыкальном творчестве Бородина, Глинки и др.

«Анализ антропологической традиции в русской философии показывает, что в ее содержании рассматриваются практически все проблемы, относящиеся к предметному полю философской антропологии, начиная с сущности человека и заканчивая вопросом о перспективах его существования. В русской философии имеют место важнейшие типы философских учений о человеке (например, космоцентризм, теоцентризм, социоцентризм).

Можно сказать, что русская философия человека в своем содержании стремится к полноте его мысленного образа. Это означает восприятие человека как явления многомерного, целостного, многоликоеднного, как формы универсума. Многомерность человека принимается и как норма его собственной природы, и как его идеальное состояние» [4, с. 13–14].

В русской философии и искусстве сформировались особые черты антропологической проблематики: выведение этики на уровень основы бытия; рассмотрение человека как целостного существа, способного к самопожертвованию, к нивелированию своего «я» в целое «мы», что созвучно понятию «соборность» и «хоровая картина»; особенный интерес к социальным и эстетическим вопросам. И хотя антропология зародилась изначально в западной культуре, именно в русской культуре антропологическая проблематика получила системное выражение в различных сферах культуры. Особенность русского антропологизма в том, что он разворачивается в системе «мы», где отдельная личность соотносится с народом, государством и общей историей. Уникальность русской антропологической мысли в том, что она создала образ человека, смысл жизни которого – в нравственном служении государству и народу. «Русская интеллигенция и ее духовное подвижничество – явление национальное» [4, с. 26]. Достаточно вспомнить музейную и выставочную деятельность русских меценатов и политических лидеров, а также феномен критики и самокритики: писатели – не только писатели, а критики, граждане, общественные деятели.

Русское изобразительное искусство XIX в.: философско-антропологическая проблематика

Русская живопись в полной мере соответствовала философии и литературе в их антропологическом устремлении.

Исторические события России (отмена крепостного права, интерес к наследию национальной культуры, идея соборности) повлияли на сюжеты, которые художники стремились донести до зрителя. Остро звучащий в русском изобразительном искусстве социальный подтекст все равно был обращен к духовности. Уникальность русского искусства всегда заключалась в том, что творцы соединяли технологии и достижения европейского искусства с исконно русским драматичным глубинным восприятием жизни.

Если до XVII в. русское изобразительное искусство носит религиозный характер, а в XVIII в. подражает французскому классицизму, то именно XIX в. стал временем национального духовного пробуждения. Интерес к внутреннему миру человека и его чувствам (романтизм, символизм), а также его включенность в преобразование социального контекста (критический реализм) дают опыт становления уникальной личности героя в русском искусстве. Но помимо интереса к отдельной личности, русское искусство проявляет интерес к обобщенному образу судьбы народа, страны, в этом проявляется идея «соборности» – духовной общности.

В. Боровиковский, В. Тропинин, А. Венецианов – представители русского сентиментализма, романтизма и классицизма XIX в. В работах художников за классической формой и выверенной композицией читается уважительное отношение к чувствам и действиям простого русского человека. Так, В. Тропинин стал создателем жанрового портрета («Девушка с горшком роз», «Кружевница», «Старик, обстригающий костыль»), в котором выявляет главное о человеке через его непосредственное занятие своим делом. В этих работах есть романтический подтекст, поскольку герои Тропинина, являясь несвободными крестьянами, показаны людьми, трепетно и страстно относящимися к своим трудовым обязанностям. Но важное отличие русского жанрового портрета от западноевропейской

живописи XIX в. (Курбе, Милле) заключается в том, что русские художники показывают не типичного безликого маленького человека, а акцентируют внимание на его взгляде на зрителя, что способствует вовлечению зрителя в судьбу этого человека, делая его сопричастным. Герои Тропинина, Боровиковского, Кипренского пристально смотрят на зрителя и, несмотря на их простое происхождение, в их взглядах чувствуется индивидуальность, читается уникальность внутренних переживаний [5]. В то же время через индивидуальное начало художники выводят на первый план общечеловеческие ценности, присущие всем людям независимо от социального происхождения. Их взгляд объединяет зрителя с героем и рождает чувство близости. Когда мы смотрим на героев французских художников Милле или Курбе, мы считываем общий социальный контекст, но он не порождает в нас чувство «мы», а делает просто наблюдателями. Русская живопись, как и литература, и философия, создает пространство общего культурного поля, в котором через общечеловеческие ценности (христианские, нравственные) формируется общее переживание духовного единства.

А. Венецианов, создавая классические полотна «На пашне», «Кормилица с ребенком», стремился к обобщенности и эстетизации повседневного момента. В этом видна переключка с Античностью и цикличностью жизни, что гармонично встраивает человека в природу, делая его ее частью.

В работах художника есть правдивость, искренность, которые он дистанцирует от зрителя посредством эстетизации (идеализации) бытового момента. Поэтому зритель вовлечен в правдивый реалистичный сюжет, но при этом он очарован его гармонией и красотой. Эта безопасная дистанция дает возможность испытывать зрителю «катарсис».

К. Брюллов и А. Иванов – русские художники первой половины XIX в. – создавали масштабные полотна на исторические, религиозные, нравственные темы. Даже в одиночных портретах и небольших группах считывается обобщающая «духовная идея». «Явление Христа народу» – единственная знаковая картина в творчестве А. Иванова, которая соединила в себе идею соборности в духовном братстве всего

человечества, основываясь на христианской нравственности. Стремление объединить единичное эгоистичное начало в каждом отдельном человеке на основе общечеловеческой нравственности – основа смысла этого полотна. Люди живут в ожидании Мессии, новой жизни, связанной с духовным преображением, и именно это общее переживание веры в лучшее объединяет людей. В картине представлены разные герои: старики, молодые, бесстрашные и боязливые, богатые и бедные, пытливые и безразличные – это собирательный образ человечества, но при этом все едины на фоне явления фигуры Христа (веры, спасения, надежды). Иванов стремится внушить зрителю это невероятно сильное чувство «мы».

К. Брюллов в своей легендарной картине «Последний день Помпеи» рисует достаточно эмоционально образ человечества. Его сюжет, который выводит восприятие зрителя в плоскость общечеловеческих ценностей, посвящен не одному герою, а трагедии целого народа. Это делает картину актуальной во все времена. Интересно, что художник выбрал в качестве сюжета не идеализированный придуманный сюжет, а реальный исторический факт, позволивший зрителю прочувствовать атмосферу приближающейся катастрофы, на фоне которой обнажаются настоящие человеческие страдания. Именно страх смерти, ужас и боль потери близких являются объединяющим фактором, а также показывается невозможность человека управлять стихией природы, что подчеркивает его единство с законами мироздания. Иванов и Брюллов через собирательный образ человечества и обобщенные чувства (веру, надежду, страх, сострадание) выводят образ человека, высшие этические ценности на уровень бытийных вопросов.

П. Федотов, как настоящий представитель критического реализма, высмеивает пороки и недостатки отдельных персонажей его картин («Сватовство майора», «Завтрак аристократа», «Разборчивая невеста»), однако в этом есть глубинный смысл, поскольку он не изображает, по сути, конкретных существующих людей, а создает собирательный образ типажей отдельных личностей, которые концентрируют в себе негативный социальный подтекст. Однако через социальную проблематику художник

стремится донести до зрителя ценность высших духовных истин, которые становятся большой редкостью в обществе. И снова мы видим обращенность не к отдельной личности, а желание создать образ духовного сильного человека, противостоящего общественным порокам.

На примере известных картин двух великих художников этого времени (В. Сурикова «Утро стрелецкой казни» и И. Крамского «Христос в пустыне») можно наглядно, в живописных образах увидеть характерные черты антропологической проблематики русской культуры: главный герой – «народ», воспринимаемый «как великая личность» и «великая личность проводника народа» – Христа; главная идея – духовное подвижничество, реализуемое в неизменном интересе к жизни и истории народа, страны через поиск «правды-справедливости», этических оснований личности. При этом именно реализм как универсальный художественный способ, в рамках которого возникали новые синтетические жанры: «хоровая картина», «полифонический роман», говорит о целостности русской культуры, основанной на антропологической проблематике.

И. Репин – мастер реалистического портрета, а также запечатленного момента. Он поднимал в своем творчестве вечные темы человеческого бытия, прекрасно показывал динамику, психологическое состояние героев, неуловимость тончайших эмоциональных нюансов, а также создавал масштабные полотна на исторические сюжеты с галереей портретов его современников. «Запорожцы» с их шумным смехом и гулом и одновременно «Иван Грозный» с тонким показом психологических состояний героев либо многоголосое шествие «Крестный ход в Курской губернии». Известно также, что обращение к евангельским сюжетам сопровождало всю творческую жизнь художника. Не только русская философия существовала в тесном содружестве с религией, но и русское изобразительное искусство XIX в. развивалось в контексте христианских ценностей. Момент наивысшего проявления человеческих чувств, вечные ценности человеческого бытия – жизни и умирания, сомнения и веры, отчаяния и надежды – это представляло неразрывное единство в творчестве Репина.

Интересно сравнить образ человека в западноевропейской и русской живописи. В этом заключено существенное отличие русской антропологической мысли от европейской. Европейские художники, начиная с эпохи Возрождения, позже продолжая в традициях северного искусства и голландской живописи, французского реализма, показывали человека двояко – либо возвышали его до уровня божественного (Боттичелли, Рафаэль), либо выявляли теневые стороны личности (Брейгель, «малые голландцы»). Во всех этих крайних проявлениях человек был представлен как единичный образ (одиноким индивидуализм Рембрандта) без духовной связи с другими людьми. Русские художники искали за внешними социальными связями духовное единство одного человека с другим, отсюда и проявляли интерес к нравственной религиозной проблематике.

В связи с этим сравнением хотелось бы показать на примере разной подачи переживания времени в западноевропейской и русской художественной культуре антропологический контекст. «Переживание и ощущение времени в европейском искусстве пронизано динамикой. Герои картин западноевропейских художников XIX в. (Делакруа «Свобода, ведущая народ», Жерико «Скачки в Эпсеме») пронизаны динамичным движением, моментом, в котором заключен концентрат энергии и динамики. “В застывшем на полотне силуэте заключено невероятное напряжение всех его физических и духовных сил, когда линии, упираясь в кульминационную точку лишь на мгновение, продолжают свое динамичное движение” [7, с. 98]. Другой путь, ведущий к переживанию времени, к его эмоциональному переживанию, был избран русской живописью. Возможности этого пути наметил уже А. Иванов. Его “Явление Христа народу” не случайно показывает приближение Мессии издали: оно наполнено напряженным чувством ожидания не только в смысле расстояния в пространстве, но еще больше в смысле дистанции во времени. В этом случае мы имеем дело с остановкой, предвосхищением, когда ожидаем свершения или разворачивания определенного события в своем воображении. Неспешный темп временного разворачивания таких художественных полотен располагает

к вдумчивому рассмотрению сюжета, а символы выступают в роли маяков прошлой или будущей событийности» [6, с. 56].

Таким образом, философско-антропологическая проблематика русского изобразительного искусства тесно связана с переживанием времени как рефлексией прошлой или будущей событийности, что находит отражение в темах, связанных с раздумьем, нравственным выбором, долгом, поиском ответов на вечные вопросы. Русские художники, словно философы, подвергают изображенное событие рефлексии и тем самым, «замораживают» восприятие внешнего движения в картине, обращая внимание зрителя вглубь к вечным образам и темам.

Если рассмотреть русскую пейзажную живопись, то можно увидеть глубокий символизм, затрагивающий темы смысла жизни и надежды. У русских пейзажистов совершенство и правильность классицизма не в моде: им нужны изъяны. Русских живописцев манят не внешние красивые виды, а жизнь природы как душевное переживание. Неприметность природной повседневности позволяет зрителю проникнуться настоящей жизнью, ее пробуждением. Достаточно вспомнить философские картины Левитана «Над вечным покоем», «Вечер» и «Грачи прилетели» Саврасова. В них есть ощущение величия природы, единства всех ее элементов и одновременно ее угасания, словно идет сопоставление с жизнью человека. Стремление открыть красоту в безобразном, неприглядном – особенность русских пейзажистов. Впервые русские живописцы применяют необычные ракурсы – либо вид сверху, который позволяет автору устраниваться от оценки и вовлечь зрителя в философские раздумья о смысле жизни («Над вечным покоем»), либо вид снизу, где небольшой трухлявый пенек на фоне лужи и прекрасного заката («Вечер» Саврасова) говорит о цикличности мироздания, когда прекрасное и безобразное соседствуют рядом. В. Максимов в картине «Все в прошлом» через сопоставление обветшалой усадьбы и цветущей сирени возле крепкой деревенской избы усиливает ощущение тоски и печали по прошлому [7]. И. Шишкин в своих пейзажных работах «В лесу», «Дождь в дубовом лесу» изображает в основном хвойный лес, не лиственный, который чаще связан с изменчивостью, скоро-

течностью жизни через опавшие желтеющие листья, а именно устойчивый, словно вневременной образ леса, подобный храму. При этом на полотнах Шишкина лес настолько глухой, без просветов, перспективы, воздуха и горизонта, что создается ощущение закрытого пространства.

Природа – это храм для Шишкина, он сам неоднократно говорил, что лес – это что-то подобное храмовому пространству, которое живет по своим законам, независимо от человека.

В. Васнецов впервые вывел сказочно-былинный жанр в ранг высокого искусства. В работах «Три богатыря», «Аленушка», «Иван царевич и серый волк» и др. живописец вводит зрителя в сказочный символический мир, в котором через фольклорные образы зритель может прикоснуться к неочевидным философским размышлениям. Художник обращается к образам былинных героев, тем самым воспевая силу и духовную мощь Древней Руси, проецируя ее на будущее русской культуры. Васнецов обращался к русским сказкам, былинам, древнерусской мифологии. В своих полотнах он создавал самобытные образы, которые пробуждали душу русского народа и вызвали гордость. Смысл сказочных образов как раз заключается в том, что через волшебство, чудеса и наивность расширяется пространство реальности зрителя (наполняется новыми смыслами) и таким образом нравственные характеристики русских былинных героев приобретают усиленное звучание. Диалектическое единство смысловых противоположностей, которое мы встречаем в сказочных образах художника (добро – зло, жизнь – смерть), на самом деле существует для того, чтобы привести наше восприятие жизни к целостности. И эта идея прекрасно выражена в образах Васнецова. Сказки становятся полноценным способом философского осмысления жизни, а значит, являются способом аккумуляции антропологических смыслов. Так, в картине «Сирин и Алконост. Песнь радости и печали» Васнецовым отражена человеческая душа, которая соединяет в себе добро и зло, радость и неизбежность смерти. Отчасти через сказочные и мифологические образы Васнецов не только отражал ценностные аспекты жизни русского человека, но и транслировал свою любовь к родной культуре.

Впоследствии, несмотря на то что художник не принял новую социалистическую эпоху, тем не менее он не покинул Родину, оставаясь верным ценностям и идеалам русской культуры.

Если говорить о средствах художественной выразительности, которыми пользуются художники в передаче смыслов, то необходимо отметить композиционные нововведения (пространство-воздух, многоплановость, многослойность, полифоничность планов, мягкость округлость линий, эстетизация момента, работа с малыми группами, простой геометрией в больших группах, усложненный ритм, цветовые контрасты в создании психологической динамики). Именно эти средства художественной выразительности усиливают смысл и антропологическую проблематику сюжетов русских художников.

Заклучение

Философско-антропологическая проблематика русского изобразительного искусства XIX в. проявляется через темы духовного возрождения и подвижничества, нравственного выбора, сострадания и жертвенности, цикличности жизни, истории и времени. Художники в своем творчестве, как и философы, раскрывают духовные основы человеческого бытия, специфику русской национальной культуры, что говорит о целостности самого феномена русской культуры.

В полотнах русских художников также раскрывается образ народа как единой

цельной духовно-нравственной личности, сочетающей в себе волю к достижению справедливости. На примере художественных работ Иванова, Сурикова, Репина мы встречаемся с понятием «хоровая картина», где индивидуальное звучание голосов героев сливается в общем хоре. В этом заключается не только художественное мастерство творцов, а в первую очередь раскрывается вера в духовное единство людей.

В русском изобразительном искусстве проявлена философская рефлексия о временности бытия, об ушедшем через образы природы (Левитан) и диалектическое единство смысловых противоположностей, которое мы встречаем в сказочных образах Васнецова, Билибина (добро – зло, жизнь – смерть), которое на самом деле существует для того, чтобы привести наше восприятие жизни к целостности. Изображение временности предметов и явлений природы (обветшалость, неприглядность, цикличность) свидетельствует о единстве человека и природы, о целостности мироздания.

Поскольку автором проводилось сопоставление искусства с философскими воззрениями мыслителей указанного периода, можно утверждать о наличии особой философско-антропологической проблематики и в содержании художественных полотен русских творцов XIX в., в которых образ человека вырастает из высоких нравственных ценностей и идеалов, основанных на служении Богу, Родине и народу.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Скотникова, Н. С. Антропологическая парадигма русской культуры второй половины XIX века: философия и искусство : дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 / Н. С. Скотникова ; Мордов. гос. ун-т им. Н. П. Огарева. – Саранск, 2010. – 149 л.
2. Гуревич, П. С. Философия человека : в 2 ч. / П. С. Гуревич. – М. : Ин-т философии РАН, 2001. – Ч. 2. – 209 с.
3. Воронина, Н. Ю. Философия: в поисках себя : ввод. курс лекций. – Самара : Самар. гуманитар. акад., 2001. – С. 62–74.
4. Горбачев, В. Г. Универсальный антропологизм как традиция в русской философии / В. Г. Горбачев // Среднерус. вестн. обществ. наук. – 2010. – № 1. – С. 7–14.
5. Никитина, И. Философия искусства / И. Никитина. – М. : Омега-Л, 2010. – 559 с.
6. Финслер, О. В. Феномен паузы в изобразительном искусстве: гносеологические и темпоральные аспекты / О. В. Финслер // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2022. – № 1. – С. 53–60.
7. Виппер, Б. Р. Введение в историческое изучение искусства / Б. Р. Виппер. – М. : В. Шевчук, 2010. – 368 с.

REFERENCES

1. Skotnikova, N. S. Antropologichieskaja paradigma russkoj kul'tury vtoroj poloviny XIX vieka: filosofija i iskusstvo : dis. ... kand. filos. nauk : 24.00.01 / N. S. Skotnikova ; Mordov. gos. un-t im. N. P. Ogariova. – Saransk, 2010. – 149 l.
2. Gurievich, P. S. Filosofija chielovieka : v 2 ch. / P. S. Gurievich. – M. : In-t filosofii RAN, 2001. – Ch. 2. – 209 s.
3. Voronina, N. Ju. Filosofija: v poiskakh siebia : vvod. kurs liekcij. – Samara : Samar. gumanitar. akad., 2001. – S. 62–74.
4. Gorbachiov, V. G. Univiersal'nyj antropologizm kak tradicija v russkoj filosofii / V. G. Gorbachiov // Sriednieres. viestn. obshchestv. nauk. – 2010. – № 1. – S. 7–14.
5. Nikitina, I. Filosofija iskusstva / I. Nikitina. – M. : Omega-L, 2010. – 559 s.
6. Finslier, O. V. Fienomien pauzy v izobrazitel'nom iskusstvie: gnosieologichieskije i tiemporal'nyje aspiekty / O. V. Finslier // Viesn. Besc. un-ta. Ser. 1, Filasofija. Palitalohija. Sacyjalohija. – 2022. – № 1. – S. 53–60.
7. Vippiier, B. R. Vviedienije v istorichieskoje izuchienije iskusstva / B. R. Vippiier. – M. : V. Shevchuk, 2010. – 368 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 18.11.2024

УДК 59.9:355.1

Вадим Олегович Кошевой

аспирант 1-го года обучения каф. философии

Гродненского государственного университета имени Янки Купалы

Vadim Koshevoy1-st Year Postgraduate Student of the Department of Philosophy
of Yanka Kupala State University of Grodnoe-mail: geo.kashavoy@mail.ru**МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ:
РОЛЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ**

С целью теоретического осмысления проблемы отражения в общественном сознании военно-политических процессов предпринята попытка анализа концепций военно-политического и оборонного сознания. Рассмотрены следующие основные механизмы формирования военно-политического сознания личности и общества: подражание, ассоциация, стереотипизация, мифологизация, создание дегуманизованного образа врага. Показана ключевая роль средств массовой информации в данном процессе. Предложена трехуровневая вертикальная структура военно-политического сознания. Сформулированы авторские определения понятий «военно-политический миф» и «военно-политический образ». Сделан вывод о необходимости нейтрализации военно-политических мифов и фейков, внедряемых деструктивными силами в общественное сознание посредством неподконтрольных государству медиаресурсов, об актуальности активного продвижения государственной военно-политической повестки, формирования у белорусского общества оборонного сознания в интересах обеспечения национальной безопасности страны.

Ключевые слова: военно-политическое сознание, оборонное сознание, образ врага, военно-политический образ, стереотипизация, дегуманизация, информационная война, военно-политический миф.

Mechanisms of Formation of Military-Political Consciousness: the Role of Mass Media

In order to theoretically understand the problem of reflection of military-political processes in public consciousness, the author attempted to apply the concepts of military-political and defense consciousness. The following main mechanisms of formation of military-political consciousness of an individual and society are considered: imitation, association, stereotyping, mythologization, creation of a dehumanized image of the enemy. The key role of mass media in this process is shown. A three-level vertical structure of military-political consciousness is proposed. The author's definitions of the concepts of «military-political myth» and «military-political image» are formulated. A conclusion is made about the need to neutralize military-political myths and fakes introduced by destructive forces into public consciousness through media resources not controlled by the state, about the relevance of active promotion of the state military-political agenda, the formation of defense consciousness in the Belarusian society in the interests of ensuring the national security of the country.

Key words: military-political consciousness, defense consciousness, image of the enemy, military-political image, stereotyping, dehumanization, information war, military-political myth.

Введение

В современном обществе проблема духовной безопасности личности стоит очень остро и напрямую связана с обеспечением безопасности всего государства. Современный уровень развития информационных технологий позволяет осуществлять передачу информации различного характера и направленности на любые расстояния в кратчайшие сроки, фактически

в онлайн-режиме. Это одновременно создает множество перспектив для развития общества, но и новые угрозы для его безопасности. Процесс информатизации общественных отношений, расширяя перспективы развития социума и способствуя повышению уровня его благополучия, одновременно с этим приводит к увеличению возможностей использования современных информационных технологий для манипуляции общественным сознанием с целью дестабилизации социально-политической обстановки как в отдельной стране, так и в мире в целом. В связи с этим возрастает потребность теоретического осмысления проблемы отражения в общественном сознании

Научный руководитель – Снежана Здиславовна Семерник, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы

современного общества происходящих военно-политических процессов и актуализируется концепция оборонного сознания.

В обновленном варианте Концепции национальной безопасности Республики Беларусь в качестве внутренних источников военных угроз рассматриваются ослабление в обществе чувства патриотизма, готовности граждан Республики Беларусь к вооруженной защите Отечества, а также распространение в белорусском обществе идей гражданского противостояния, ведущих к вооруженному мятежу [1, с. 15]. Активное привлечение деструктивными силами молодежи, в т. ч. детей школьного возраста, не единожды было апробировано организаторами т. н. «цветных революций». Кроме того, дети и молодежь являются наиболее активными пользователями социальных сетей, мессенджеров и других виртуальных платформ и, следовательно, одной из крупнейших целевых аудиторий различных интернет-площадок, на которых осуществляется распространение деструктивного, зачастую экстремистского контента, в т. ч. политической и военно-политической направленности. Например, по мнению И. А. Медведева, именно молодежь является главной движущей силой любых цветных революций и одновременно их жертвой [2, с. 3]. В этом контексте актуализируется рассмотрение безопасности личности, общества и государства через призму концепции оборонного сознания.

Само понятие «оборонное сознание» активно вводится в научный оборот в конце 1980-х гг. в рамках военной социальной философии. Так, одним из первых предложил определение этому феномену А. А. Кокорин. По его определению, оборонное сознание является отражением в массовом сознании людей происходящих в современном мире реальных военно-политических процессов [3, с. 42].

Современный исследователь оборонного сознания Н. В. Роткин понимает оборонное сознание более широко: как совокупность идей, понятий, взглядов, убеждений, эмоций, настроений, представлений, чувств, состояний, которые отражают вопросы организации защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешней и внутренней агрессии во всех формах и способах ее проявления [4, с. 255].

Одним из разработчиков концепции «военно-политического сознания» является В. В. Чебан, который предложил определить военно-политическое сознание как специфическую форму общественного сознания, объектом которого выступает военно-политическая сторона общественного бытия [5, с. 24]. Оборонное сознание В. В. Чебан рассматривал как составную часть военно-политического. В статье мы будем придерживаться этого подхода, рассматривая оборонное сознание как частный случай военно-политического сознания общества, наравне с пацифистским и милитаристским типами военно-политического сознания общества.

Несмотря на то, что понятие оборонного сознания является абстракцией, разработанной в рамках военной социальной философии, процесс формирования и управления феноменом оборонного сознания возможно описать также с позиций психологической науки, т. к. речь идет о ментальных явлениях. Поэтому решение проблемы механизмов формирования и управления оборонным сознанием является актуальной задачей, имеющей непосредственное отношение к психологии индивидуального и массового сознания, а также социальной философии. Цель статьи – выявить основные механизмы формирования военно-политического сознания, определив место и роль средств массовой информации в этом процессе.

Основная часть

Одним из механизмов формирования военно-политического сознания является ассоциативный механизм. Данный механизм основан на отражении в сознании военно-политических образов и предполагает наличие и установление связей между происходящими военно-политическими процессами и его отдельными составляющими и их отражение в военно-политическом сознании граждан. Именно ассоциации выступают в качестве самых ранних военно-политических представлений, на основе которых выстраивается военно-политическая картина мира. Для того чтобы вербализировать отдельные компоненты военно-политического сознания военнослужащих российский исследователь Р. А. Кафтанов принял попытку построения ассоциативно-вербальной модели профессиональной

идентификации российского военнослужащего на примере курсантов одного из новосибирских высших военных учебных заведений. В ходе исследования были установлены, например, такие пары ассоциаций, как «враг» – «США», «война» – «Великая Отечественная» [6, с. 234].

С помощью такой модели представляется возможным детализировать контуры военно-политического сознания личности, выявить ее военно-политические взгляды.

Еще одним значимым психологическим механизмом формирования оборонного сознания является механизм подражания, сущность которого заключается в осознанном или неосознанном повторении общепринятых в социальном окружении индивида образцов поведения. Подражание, формирующее компоненты оборонного сознания, может выступать в качестве позитивно направленного механизма либо может быть использовано силами, заинтересованными в ослаблении военной безопасности страны.

В самом общем понимании подражание как феномен представляет собой копирование, повторение, следование определенному образцу поведения. Таким образом, механизм подражания является деятельностным аспектом формирования военно-политического сознания, связанным с усвоением чужого (позитивного или негативного) опыта. В контексте формирования оборонного сознания, направленного на защиту своего государства, Отечества, в качестве примеров для подражания, образцов патриотического поведения в первую очередь могут быть использованы герои страны – выдающиеся личности, которые внесли свой весомый вклад в обеспечение национальной безопасности, совершив самоотверженный поступок (зачастую самопожертвование) во благо всей страны. Современные СМИ постоянно формируют взгляды, позиции и убеждения у различных категорий населения, в т. ч. среди будущих и действующих защитников Отечества, предлагая аудитории в качестве образцов для подражания своих героев, не всегда отвечающих требованиям патриотизма.

К настоящему времени функцию СМИ стали выполнять лидеры мнений, причем особую роль такие лидеры общественного мнения играют среди детей и молодежи: в детском и юношеском возрасте

стремление подражать и следовать примеру известных и популярных в молодежной среде людей, особенно в информационном обществе, – явление распространенное. В то же время такая подверженность влиянию кумиров молодежи является фактором риска в контексте формирования оборонного сознания у подрастающего поколения, т. к. существует высокая вероятность высказывания такими лидерами мнений позиций, наносящих урон имиджу государства и его вооруженных сил. Ярким примером может служить позиция целого ряда популярных российских артистов по вопросу проведения специальной военной операции. Несомненно, что дети и молодежь, являясь активными пользователями Интернета и социальных сетей, подвержены сильному влиянию тех инфлюэнсеров, которые добились, например, большого числа подписчиков на свои ресурсы среди данной целевой группы.

Таким образом, публикуя свою позицию по военно-политической проблематике, даже не являясь при этом экспертом или специалистом в этой области, блогер-инфлюэнсер способен не только привлечь внимание молодежной аудитории к этой теме, но и сформировать их военно-политические взгляды и суждения. Поэтому работа с лидерами мнений, поддержка среди них патриотически настроенных личностей является неотъемлемым компонентом современной работы со СМИ.

Одним из основных механизмов формирования оборонного сознания является механизм стереотипизации – создание шаблонного заданного образа, носящего ярко выраженный характер, носитель которого наделяется набором качеств, вызывающих определенную эмоцию у потребителя информации. Стереотипная концептуализация военно-политической действительности позволяет сформировать у общества простые архетипические модели отражения военно-политических процессов, уходящие корнями к коллективному бессознательному, которое проявляется в таких формах интерпретаций, как метафора, фольклорные тексты, ритуалы и древние символы. Долговременное прямое или скрытое влияние на массовое сознание путем внедрения в него новых стереотипов, в т. ч. военно-политического характера, является неоднократно апробированным и эффективным

механизмом управления сознанием и поведением как отдельных индивидуумов и социальных групп, так и широких слоев населения.

Большой интерес при изучении оборонного сознания представляет концепция Уолтера Липпмана. Американский ученый считал, что именно стереотипы являются основным содержанием массового сознания, поскольку процесс познания основывается на упорядочивании представлений о мире через системы стереотипов [7, с. 106]. В рамках данной концепции общественное мнение и поведение человека базируется на механизме «стимул – реакция», в котором в качестве внешних стимулов выступают редуцированные, эмоциональные модели внешнего мира – стереотипы. Положительная, отрицательная либо нейтральная эмоциональные реакции, вызванные внедрением в сознание устоявшихся стереотипов, базируются на ассоциациях с уже полученным ранее опытом. Он становится отправной точкой для запуска процесса стереотипизации: информация обобщается и начинает использоваться как шаблон для описания похожих объектов и явлений [8, с. 39]. Таким образом, человек начинает воспринимать конкретные процессы и события, включая военно-политические, под определенным углом, исходя из уже сформированных представлений и установок.

Итак, согласно концепции У. Липпмана, оборонное сознание можно представить как систему образов и стереотипов, трактующих в первую очередь содержание военной организации общества. Поэтому важной задачей в контексте формирования оборонного сознания становится управление образами, создание положительных образов и их продвижение, борьба с негативными образами, прогнозирование их дальнейшего развития.

Стереотипизация как один из механизмов формирования оборонного сознания может быть рассмотрена, с одной стороны, как закономерный психологический процесс, а с другой, как социальное явление. В то же время создание социальных стереотипов обусловлено свойствами человеческой психики и способностью делать обобщения, относить явления, события и объекты к определенным категориям. С одной стороны, это позволяет упрощать сложные картины окружающей действительности,

схематизировать их, ускорять возможность работы с большими объемами информации, а с другой – открываются возможности для различного рода манипулирования.

Таким образом, создаваемые и функционирующие в общественном сознании стереотипы, обладая определенной устойчивостью и повторяемостью, могут становиться весьма привлекательной целью для заинтересованных политических сил. Фактически социальные стереотипы являются мишенями для манипуляции. Одним из важных свойств стереотипов как необходимого человеку инструмента восприятия и мышления является устойчивость.

Поскольку функциональность социальных стереотипов для человека и заключается в том, чтобы воспринимать и оценивать события, факты, явления быстро, не думая, манипулятор может применять их как «фильтры», через которые его «жертвы» видят действительность. Внедренные в общество деструктивные идеи могут незаметно для окружающих постепенно закрепляться на уровне массового сознания, тем самым трансформируя оборонное сознание. Такая стратегия является одной из распространенных в информационной войне и является эффективным средством, т. к. не встречает явного противодействия со стороны манипулируемого объекта.

Долговременное прямое или латентное влияние на массовое сознание путем внедрения в него новых стереотипов, в т. ч. военно-политического характера, является неоднократно апробированным и эффективным механизмом управления сознанием и поведением как отдельных индивидуумов и социальных групп, так и широких слоев населения. Пропаганда социальных стереотипов (как мышления, так и поведения), определенных идей и ценностей позволяет создавать необходимые условия для ведения гибридных войн, осуществления цветных революций, а также позволяет подготовить общественное мнение к проведению реального вооруженного конфликта. Основной целью применения такого механизма формирования военно-политического сознания может являться внедрение в него образов врага и разжигание социальной, национальной, религиозной вражды с целью нарастания дестабилизации и создания предпосылок для начала конфликта.

Важную роль в создании и распространении таких клишированных образов играют СМИ. Именно посредством СМИ происходит тиражирование и «доставка» необходимой выгодоприобретателям информации до максимально возможного количества целевой аудитории. Получатели информации, в свою очередь, усваивают (в основном некритично) полученные из ангажированных источников стереотипы и формируют на основе таких клишированных представлений отношение к тому или иному военно-политическому процессу. Так, наиболее распространенными образами, востребованными у заказчиков подобной информации, являются образы врага, образы союзника, образы войны, образы героя (победителя) и образы жертвы. В статье рассмотрим процесс формирования военно-политического образа на примере образа врага как центрального образа любого конфликта. Военно-политический образ, в свою очередь, можно определить как целенаправленно формируемый у общества образ, который представляет собой результат непосредственного восприятия военно-политического процесса и продвижения его интерпретации в результате PR-деятельности в СМИ. Необходимо подчеркнуть, что большинство военно-политических образов напрямую связано с образами другого государства – потенциального или реального противника или союзника. Это, в свою очередь, обуславливает доминирующую роль СМИ в формировании таких образов, что связано в первую очередь с тем, что образ другой страны у большинства формируется не за счет личных наблюдений (возможности посещать другие страны ограничены объективными причинами), а вследствие «картинки», которую транслируют различные медиа.

Образ другой страны, другого государства, «иностранцев» в самом общем виде можно представить как частный случай образа Другого. Доктор философских наук Е. В. Морозова рассматривает образ Другого через призму двух теоретических моделей: интолерантной («я – другой – чужой – враг») и модели политической толерантности («я – другой – иной») [9, с. 183]. Другой – это в любом случае, противопоставляемый образу «я» или образу «мы», тот, кто имеет другие ценности, идеи и мировоззрение. В интолерантной модели Чужой и Враг яв-

ляются степенями противопоставления, при которой степень антагонизма и противоречий возрастает от Другого к Чужому и Врагу [10, с. 121].

Рассматривая уровневую структуру военно-политического сознания, следует отметить, что наличие образа врага прослеживается на каждом из уровней. Большинство исследователей военно-политического, оборонного сознания, используя классический подход, выделяют два уровня его функционирования: обыденный (массовый) и теоретический, как, например, А. Г. Рекадзе [11, с. 2–3]. К первому уровню относятся первичные военно-политические представления индивидов, а также настроения масс и общества в целом. На теоретическом уровне профессионалами вырабатывается концептуальное отражение военно-политической практики и военно-политических отношений, что находит свое отражение в таких документах, как военная доктрина, концепция национальной безопасности государства, научных трудах ученых, публикациях политиков, видных военных деятелей.

В то же время такой подход не учитывает вклад и не отражает той видной роли, которую играют в процессе формирования военно-политического сознания общества и личности социальные институты (система образования, армия, трудовые коллективы), многочисленные средства массовой информации, политические партии, общественные объединения. Именно на этом уровне ведется основная работа по целенаправленному формированию военно-политического сознания, осуществляется переход от теоретического уровня к массовому, происходит разъяснение обществу происходящих в стране, регионе и мире военно-политических процессов. Поэтому весьма целесообразно по аналогии с уровнями функционирования идеологии выделить программно-политический уровень функционирования военно-политического сознания (наравне с обыденным и теоретическим).

Действительно, в современном мире сложно представить себе создание образа врага и его внедрение в сознание на индивидуальном и массовом уровнях без участия средств массовой коммуникации и информации. В подтверждение того, что в качестве одного из стержневых образов военно-политического сознания выступает образ

врага, можно четко отследить его присутствие на каждом из трех уровней. Например, сами понятия «враг» и «образ врага» присутствуют в Военной доктрине Республики Беларусь [12, с. 4, 14]. На программно-политическом уровне регулярно можно встретить высказывания глав государств о «врагах» и «друзьях», союзниках страны.

Особенностью использования идеологии «враг» и работы по созданию образа врага на программно-политическом уровне является то, что в отличие от теоретического уровня, фундаментально обосновывающего официальные позиции государства на достаточно продолжительный срок и закрепляющего эти позиции в нормативно-правовых актах (таких как Военная доктрина), здесь же употребление понятия «враг» характеризуется гибкостью и во многом зависит от складывающейся политической и военно-политической обстановки, может меняться в зависимости от контекста. Даже в государствах с преобладанием пацифистского военно-политического сознания так или иначе формируется образ врага. Например, в «нулевых» годах в Российской Федерации функцию главного врага выполнял международный терроризм.

Образ врага является одним из центральных образов военно-политического сознания общества в целом, без которого невозможно сформулировать положения о том, что является потенциальными угрозами для социума и предложить обществу возможные ответы на актуальные военно-политические вызовы.

Создание и трансляция образа врага входит в число ведущих механизмов формирования военно-политического сознания. Основанием для его функционирования является классическая дихотомия «мы – они». В качестве психологической основы для распространения таких образов, как правило, выступают уже существующие в обществе национальные, социальные или расовые стереотипы, а также существующая информационно-политическая повестка.

Механизмом, предшествующим созданию образа врага, может выступать механизм «поиска врага» или атрибуции ответственности [13, с. 19]. Суть данного механизма – создание образа «виновника всех бед». Как правило, трансляция этого образа начинается осуществляться одиозными политическими фигурами или СМИ, продвига-

ющими повестку крайних политических спектров. С возрастанием градуса противостояния с «найденным врагом» повестка борьбы с ним начинает продвигаться и через официальные СМИ, через ключевых государственных спикеров. Необходимо отметить, что продвигаемый в массы через СМИ и лидеров мнений образ врага имеет также и запрограммированные траектории развития и «домысливания» потребителями информации. Таким образом происходит увеличение степени враждебности общества к потенциальному врагу.

Политический заказ на формирование в обществе образа врага может иметь зачатую и внутривнутриполитические цели, т. к. актуализация внешней угрозы в общественном сознании приводит к консолидации общества вокруг государства и повышению уровня национально-государственной идентичности. Применительно к военно-политическому сознанию целью формирования образа врага может быть непосредственно политическая мобилизация общества вокруг идеи «борьбы с врагом», делигитимация врага и его сторонников в самом обществе и, конечно, легитимация политического режима, провозгласившего борьбу с врагом.

В качестве одной из крайних форм такой делигитимации, часто применяемых в информационных кампаниях по созданию образа врага, является механизм дегуманизации врага. Дегуманизация, или расчеловечивание противника, – социальная технология, включенная в информационную кампанию, направленную на создание в общественном сознании образа врага (оппонента), лишённого человеческого начала, с целью легитимации проводимой в отношении его военной политики. Создание дегуманизованного образа врага осуществляется посредством гиперболизации характерных для него негативных черт, а также приписывания ему несуществующих свойств (дистраивание образа). Дегуманизация оппонента основана на недоверии и негативных ожиданиях, преобладающих в обществе в отношении реального или потенциального военного противника. Дегуманизация, по мнению Д. А. Лушникова, может быть рассмотрена как три частных механизма: механической (механистической) дегуманизации, анималистической дегуманизации и демонизации (инфернальной дегуманизации) [14, с. 103].

Инфернализация (демонизация) – еще одна технология дегуманизации противника, суть которой состоит в создании образа врага как абсолютного зла с опорой на мистическую, сверхъестественную или религиозную основу.

Наибольшее разнообразие трактовок обнаруживается у технологии механистической дегуманизации. Е. Р. Агадуллина считает, что механистическую дегуманизацию необходимо рассматривать в рамках модели двойной дегуманизации, предложенной Ником Хасламом и его последователями [15, с. 13–14]. Модель основывается на выделении критериев человечности по двум основаниям: группа характеристик, описывающих человеческую уникальность, и группа характеристик, описывающих человеческую сущность (человеческую природу). На основе данного подхода механистическая дегуманизация предполагает отрицание у оппонента черт, присущих самой человеческой природе.

В то же время Д. А. Лушников рассматривает механистическую дегуманизацию как одновременное использование механизмов деперсонификации и реификации [14, с. 103]. Такое понимание технологии приводит к созданию образа бездушного и коллективного зла, не обладающего человеческой природой, из чего следует, что в борьбе с подобным врагом нет места жалости и состраданию, т. к. враг лишается человеческих чувств, эмоций, боли и страха.

Анималистическая дегуманизация в упрощенном виде представляет собой непосредственное отождествление отдельных социальных групп, общностей или целых народов с животными в целях оправдания использования в отношении них насилия и жестокости. В данном контексте основным средством создания анималистического образа врага является широкое использование в отношении его зооморфных метафор и их производных, которые активно продвигаются посредством СМИ, в т. ч. официальных. Например, в ходе Второй мировой войны американцы использовали зооморфную метафору «monkey» (обезьяна) в отношении противостоящих им японцев. В целом для американцев характерна дегуманизация с использованием метафор на основе сравнения Другого с обезьяной. В ходе Вьетнамской войны была введена в оборот зооморфная метафора Yellow Monkey в от-

ношении вьетнамцев, а иракцев американцы пренебрежительно называли Sand Monkey [16, с. 918–919].

Сам феномен создания этнических стереотипов – явление, унаследованное нами из древности. Сохранение этнических стереотипов по-прежнему является мощным конфликтогеном, способным разжигать и провоцировать международные конфликты. В этом контексте, говоря о современных военно-политических конфликтах, Е. В. Морозова подчеркивает, что политические субъекты в разных странах мира не способны противостоять технологиям дегуманизации, а временной промежуток от вербальной агрессии до действий, приводящих к человеческим жертвам, стремительно сокращается [10, с. 127].

Российско-украинский конфликт дал почву к созданию новых и активному использованию старых образов-стереотипов, призванных закрепить образ врага в общественном сознании обеих сторон конфликта, дегуманизируя его. Такое обострение конфликта, имеющего в том числе и этническое измерение, стало возможным ввиду вхождения украинского общества в стадию аномии в результате организованного коллективным Западом Майдана в 2014 г. Например, исследователь современного украинского военного жаргона О. К. Сидько выделяет две группы собирательных названий сторон конфликта: «участников военных действий с украинской стороны» и «врагов украинского войска». Можно обратить внимание, что в этом исследовании речь снова идет об описании образа врага. В первой группе используются следующие выражения: «укропы», «нацисты», «укры», «бандеровцы (бандерлоги)», «хохлы». Вторую группу составляют названия, относящиеся к российской стороне: «русня», «кацапня», «рашисты», «орки», «свинособаки», «ватники», «колорады», «москальи» [17, с. 31–43]. Указанные собирательные названия являются яркими примерами приемов использования вербальной агрессии. Такая практика получила определение «языка вражды» (hate speech), который представляет собой систему слов и выражений, направленных на дегуманизацию врага [18, с. 91].

Распространяясь посредством как официальных, так и неофициальных средств массовой информации, занимая прочные позиции в активном лексиконе

лидеров общественного мнения, «язык вражды» становится неотъемлемой частью общественного сознания и переходит в общеупотребительную практику. «Язык вражды» в отношении другого государства или народа является обязательной составной частью военно-политического сознания общества, находящегося в той или иной стадии конфликта, своеобразной лакмусовой бумажкой общественных настроений и основным способом выражения интолерантности и дискриминации в отношении врага. Читая и декодируя используемый лидерами мнений или любым другим человеком «язык вражды» в отношении какого-либо военно-политического субъекта, мы можем сделать четкий вывод о политической ориентации высказывающегося, его военно-политических взглядах: «Скажи мне, кто твой враг, и я скажу, кто ты».

Подобный процесс дегуманизации приводит к закреплению эффектов деиндивидуализации и стереотипизации образа всех, кто составляет «вражескую группу», в результате чего образ врага начинает шаблонно применяться к каждому социальному субъекту, маркируемому как «враг» (представителю аутгруппы) независимо от его реальных личностных характеристик. В обществе начинают преобладать негативные ожидания, которые заключаются в том, что любым действиям представителей «враждебной» аутгруппы придается негативный и деструктивный по отношению ко всему обществу характер, приписываются только негативные мотивации. «Враг» начинает рассматриваться индивидом как главный источник проблем всего общества.

Ярким примером и подтверждением этого могут служить различные форумы, интернет-сообщества, комментарии к постам в телеграм-каналах, где пользователь легко может столкнуться с кибербуллингом только за принадлежность к «вражеской группе», причем независимо от его политических взглядов и собственного отношения к сложившейся ситуации. Сформировавшийся в обществе образ врага начинает сам по себе воспроизводить конфликтную ситуацию, становится инструментом манипуляции военно-политическим сознанием общества, мощным конфликтогеном.

Создание образа врага является неотъемлемым элементом информационной войны. Сформированный образ врага в рам-

ках проводимой военной политики тем или иным государством позволяет решать не только внешнеполитические задачи, но и целый ряд задач политики внутренней, таким образом выполняя важные функции. Ответственность за накопившиеся социально-экономические, политические проблемы в государстве может быть возложена на образ врага, приписана ему в ходе информационных кампаний по его дискредитации. Как отмечает А. Ю. Дроздов, поиск врага, или атрибуция ответственности, свойственны любой идеологии, а значит, и любому государству как институту, проводящему свою политику в области идеологии [13, с. 19].

Что касается функций образа врага, то создание и трансляция этого военно-политического образа выполняет целый ряд политических задач, решение которых достигается за счет демонизации оппонента, отождествления его с Абсолютным злом, что зачастую может найти отражение даже в нормативно-правовых актах, которые закрепляют стигматизированное положение представителей аутгруппы в конкретном государстве, криминализируя какие-либо проявления их политической деятельности или гражданской позиции. Поэтому одной из главных функций может выступать функция выстраивания в рамках нацистроительства «негативной идентичности» – идентичности, базирующейся на противопоставлении ингруппы и аутгруппы, идентичности, которая зиждется на постулировании отрицательного «Другого», объявленного на государственном уровне экзистенциальным врагом [19]. Враждебная «аутгруппа» большинством общества начинает устойчиво идентифицироваться со «злом», а также восприниматься как угроза для существования самой ингруппы. Так, целый ряд постсоветских и постсоциалистических государств в качестве одного из краеугольных камней своего нацистроительства положили создание образа врага в лице Советского Союза и России как его правопреемницы, а в качестве враждебной аутгруппы – русских и русскоязычных.

И здесь необходимо говорить не только о конструировании образа врага, но и о создании «образа жертвы» – самой ингруппы, которая политически притеснялась аутгруппой в недавнем или отдаленном прошлом в рамках продвигаемого государственного мифа. Таким образом,

действующий политический режим одновременно решает сразу несколько задач: создает предпосылки к социальной солидарности общества, противопоставляя большинство меньшинству или внешнему «врагу», а также мобилизует общество на поддержку проводимой политики, проецируя силу в направлении объявленного врага. В то же время любые социально-политические или экономические проблемы можно списать на «происки врага» или наследие его политического господства. Поддержка проводимого курса достигается за счет формирования образа врага в военно-политическом сознании общества посредством проведения пропаганды и активной манипуляции сознанием. Поэтому транслируемый в СМИ образ врага будет верно называть медиаобразом врага – продуктом пропаганды, ядром которой является ценностное представление о враге, выраженное лексико-семантическими, графическими, аудиовизуальными средствами с целью его дегуманизации.

Противостояние врагу становится одной из главных политических целей, декларируемых обществу, ведь от этого зависит само выживание государства и нации (именно такой военно-политический миф становится политической доминантой такого государства). В результате тотального господства провозглашенного военно-политического мифа среди политических сил общества государство легитимирует проводимую внешнюю политику в отношении врага, а также внутреннюю политику в отношении носителей культуры врага внутри государства. В качестве ключевой меры защиты общества от экзистенциального врага становится выбранный военно-политический курс. Итак, одним из важнейших механизмов формирования и функционирования военно-политического сознания является механизм мифологизации, сущность которого заключается в создании и распространении, в первую очередь посредством СМИ, военно-политических мифов. Военно-политический миф – миф, использующийся в информационно-политическом пространстве с целью легитимации и продвижения военной политики, а также трансляции ценностей оборонного, пацифистского либо милитаристского военно-политического сознания.

Современная военно-политическая мифологизация, в отличие от исторической, не носит спонтанный характер, а выступает в качестве одного из механизмов достижения целей военной политики, в первую очередь в разрезе ведения информационно-психологических войн. Продуманная стратегия продвижения сконструированных военно-политических мифов через сеть подконтрольных или дружественных СМИ в условиях современного информационного пространства позволяет осуществлять операции различного масштаба по манипуляции общественным сознанием.

В этом контексте механизм мифологизации плотно смыкается с другим процессом – манипулированием общественным мнением и сознанием посредством распространения фейков. В первом приближении фейк можно определить как информационный контент, полностью или частично не соответствующий действительности.

Когда речь идет об информации военно-политического характера, особенно когда государство находится в военном конфликте, такие фейки способны чувствительно влиять на сознание общества, отражаясь в т. ч. на военно-политической обстановке. Главным отличием фейка от мифа можно назвать продолжительность функционирования в военно-политическом сознании и скорость распространения.

Заключение

Обобщая, мы можем выделить основные механизмы формирования военно-политического сознания, среди которых обнаруживаются простые механизмы (подражания и ассоциативный), а также сложные – стереотипизации, мифологизации, создания образа врага (его дегуманизации). Таким образом, формирование военно-политического и оборонного сознания общества во многом является контролируемым процессом, который в то же время осуществляется в конкурентной медиасреде, где ведущему актору – государству – могут противостоять деструктивные силы, продвигающие альтернативные нарративы, внедряющие в общественное сознание мифы и фейки и лоббирующие свою военно-политическую повестку, направленную в первую очередь на ослабление национальной безопасности в целом и ее военной составляющей в частности, что делается в

первую очередь в интересах других государств, стремящихся доминировать в мире и спонсирующих подобные «альтернативные медиаресурсы», из чего следует актуальность оперативной и качественной работы государственных структур в медиапро-

странстве по позиционированию работы государства по обеспечению национальной безопасности и формированию военно-политического и оборонного сознания у граждан страны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Решение Всебелорус. нар. собрания, 25 апр. 2024 г., № 5 // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P924v0005>. – Дата доступа: 28.04.2024.
2. Медведев, И. А. Молодежь и «цветные революции»: тенденции взаимодействия в современном обществе / И. А. Медведев // Гуманитар. вестн. – 2019. – № 6. – С. 1–14.
3. Кокорин, А. А. Оборонное сознание: реальность и необходимость / А. А. Кокорин // Воен. мысль. – 1989. – № 6. – С. 39–48.
4. Роткин, Н. В. Оборонное сознание общества как социально-философская категория / Н. В. Роткин // Социология. – 2020. – № 1. – С. 248–258.
5. Чебан, В. В. Военно-политическое сознание общества (социально-философский анализ) : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11 / В. В. Чебан. – М., 1992. – 46 с.
6. Кафтанов, Р. А. Специфика вербальных ассоциаций военных на примере ассоциативного поля «враг» / Р. А. Кафтанов // Сиб. филол. журн. – 2017. – № 1. – С. 228–243.
7. Липпман, У. Стереотипы / У. Липпман // Общественное мнение : пер. с англ. / Т. В. Барчунова ; под ред. К. А. Левинсон, К. В. Петренко. – М., 2004. – С. 95–107.
8. Лукьященко, И. Е. Концепция стереотипов У. Липпмана. Плюсы и минусы / И. Е. Лукьященко // Вестн. КРСУ. – 2018. – Т. 18, № 7. – С. 36–40.
9. Морозова, Е. В. Образ другого/чужого в формировании внешнеполитической идентичности (обзор литературы) / Е. В. Морозова // Ист. и соц.-образовательная мысль. – 2016. – Т. 8, № 6, ч. 2. – С. 183–186.
10. Морозова, Е. В. Дегуманизация как технология формирования образа другого/чужого в политике / Е. В. Морозова // Среднерус. вестн. обществ. наук. Сер.: политология. – 2015. – Т. 10, № 6. – С. 121–128.
11. Рекадзе, А. Г. Современное оборонное сознание: логический аспект / А. Г. Рекадзе // Воен. мысль. – 1990. – № 5. – С. 2–5.
12. Об утверждении Военной доктрины Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Решение Всебелорус. нар. собрания, 25 апр. 2024 г., № 6 // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P924v0006>. – Дата доступа: 28.04.2024.
13. Дроздов, А. Ю. Психологические механизмы геополитического сознания / А. Ю. Дроздов // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. – 2014. – № 167. – С. 14–25.
14. Лушников, Д. А. Основные механизмы конструирования образа врага в массовом сознании / Д. А. Лушников // П.О.И.С.К. (Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура). – 2020. – № 4. – С. 101–107.
15. Агадуллина, Е. Р. Дегуманизация: подходы к оценке не прямых предубеждений / Е. Р. Агадуллина // Соц. психология и о-во. – 2021. – Т. 12, № 2. – С. 5–22.
16. Горшунов, Ю. В. Этнические стереотипы и ярлыки как средство дегуманизации / Ю. В. Горшунов, Е. Ю. Горшунова // Вестн. Башк. ун-та. – 2014. – Т. 19, № 3. – С. 915–920.
17. Сидько, О. К. Современный украинский военный жаргон : квалификац. работа / О. К. Сидько. – Киев, 2023. – 112 с.
18. Василенко, Е. Н. «Язык вражды» как форма проявления конфликтов, основанных на стереотипах / Е. Н. Василенко // Тр. БГТУ. Сер. 4. – 2021. – № 2 (244). – С. 90–97.
19. Новаковский, Е. А. Образ Украины как врага России в сознании российских граждан / Е. А. Новаковский // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та (электрон. журн.). – 2022. – № 1. – С. 149–164. uRL: www.evestnik-mgou.ru.

REFERENCES

1. Ob utvierzhdienii Konceptii nacional'noj biezopasnosti Riespubliki Bielarus' [Elektronnyj riesurs] : Rieshenije Vsiebielorus. nar. sobranija, 25 apr. 2024 g., № 5 // Nac. centr pravovoj inform. Riesp. Bielarus'. – Riezhim dostupa: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=-P924v0005>. – Data dostupa: 28.04.2024.
2. Miedviediev, I. A. Molodiozh i «cvietyje rievoliucii»: tendencii vzaimodiejstvija v sovriemennom obshchiestvie / I. A. Miedviediev // Gumanitar. viestn. – 2019. – № 6. – S. 1–14.
3. Kokorin, A. A. Oboronnoje soznaniye: rial'nost' i nieobkhodimost' / A. A. Kokorin // Vojen. mysl'. – 1989. – № 6. – S. 39–48.
4. Rotkin, N. V. Oboronnoje soznaniye obshchiestva kak social'no-filosofskaja katiegorija / N. V. Rotkin // Sociologija. – 2020. – № 1. – S. 248–258.
5. Chieban, V. V. Vojenno-politichieskoje soznaniye obshchiestva (social'no-filosofskij analiz) : avtorief. dis. ... d-ra filos. nauk : 09.00.11 / V. V. Chieban. – M., 1992. – 46 s.
6. Kaftanov, R. A. Spiecifika vierbal'nykh asociacij vojennykh na primierie asociativnogo polia «vrag» / R. A. Kaftanov // Sib. filol. zhurn. – 2017. – № 1. – S. 228–243.
7. Lippman, U. Stierieotipy / U. Lippman // Obshchiestviennoje mnienije : pier. s angl. / T. V. Bar-chunova ; pod ried. K. A. Lievinson, K. V. Pietrienko. – M., 2004. – S. 95–107.
8. Luk'jashchienko, I. Ye. Konceptija stierieotipov U. Lippmana. Pliusy i minusy / I. Ye. Luk'ja-shchienko // Viestn. KRSU. – 2018. – T. 18, № 7. – S. 36–40.
9. Morozova, Ye. V. Obraz drugogo/chuzhoho v formirovanii vnieshnepolitichieskoj idientich-nosti (obzor litieratury) / Ye. V. Morozova // Ist. i soc.-obrazovatel'naja mysl'. – 2016. – T. 8, № 6, ch. 2. – S. 183–186.
10. Morozova, Ye. V. Diegumanizacija kak tiekhnologija formirovanija obraza drugogo/chuzhogo v politikie / Ye. V. Morozova // Sriednierus. viestn. obshchiestv. nauk. Sier.: politologija. – 2015. – T. 10, № 6. – S. 121–128.
11. Riekadze, A. G. Sovriemiennoje oboronnoje soznaniye: logichieskij aspiekt / A. G. Riekadze // Vojen. mysl'. – 1990. – № 5. – S. 2–5.
12. Ob utvierzhdienii Vojennoj doktriny Riespubliki Bielarus' [Elektronnyj riesurs] : Rieshenije Vsiebielorus. nar. sobranija, 25 apr. 2024 g., № 6 // Nac. centr pravovoj inform. Riesp. Bielarus'. – Riezhim dostupa: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P924v0006>. – Data dostupa: 28.04.2024.
13. Drozdov, A. Yu. Psikhologichieskije miekhanizmy gieopolitichieskogo soznaniya / A. Yu. Drozdov // Izv. RGPU im. A. I. Giercena. – 2014. – № 167. – S. 14–25.
14. Lushnikov, D. A. Osnovnyje miekhanizmy konstruirovaniya obraza vraga v massovom soz-nanii / D. A. Lushnikov // P.O.I.S.K. (Politika. Obshchiestvoviedienije. Iskusstvo. Sociologija. Kul'tura). – 2020. – № 4. – S. 101–107.
15. Agadullina, Ye. R. Diegumanizacija: podkhody k ocienkie niepriamykh priedubiezhdienij / Ye. R. Agadullina // Soc. psikhologija i o-vo. – 2021. – T. 12, № 2. – S. 5–22.
16. Gorshunov, Yu. V. Etnichieskije stierieotipy i jarlyki kak sriedstvo diegumanizacii / Yu. V. Gorshunov, Ye. Yu. Gorshunova // Viestn. Bashk. un-ta. – 2014. – T. 19, № 3. – S. 915–920.
17. Sid'ko, O. K. Sovriemiennyj ukrainskij vojennyj zhargon : kvalifikac. rabota / O. K. Sid'ko. – Kijev, 2023. – 112 s.
18. Vasilenko, Ye. N. «Jazyk vrazhdy» kak forma projavlienija konfliktov, osnovannykh na stierieotipakh / Ye. N. Vasilenko // Tr. BGTU. Sier. 4. – 2021. – № 2 (244). – S. 90–97.
19. Novakovskij, Ye. A. Obraz Ukrainy kak vraga Rossii v soznanii rossijskikh grazhdan / Ye. A. Novakovskij // Viestn. Mosk. gos. obl. un-ta (eliektron. zhurn.). – 2022. – № 1. – S. 149–164. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Рукапіс наступіть у редакцію 22.10.2024

УДК: 101.1:316.3

Wang Zhenqian3-d Year Graduate Student of the Department of Philosophy
and Methodology of Science of Belarusian State University**Ван Чжэньцянь**

соискатель 3-го года обучения каф. философии и методологии науки

Белорусского государственного университета

e-mail: Zhenquanwang608@gmail.com

**SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE SPECIFICITY
OF EDUCATION IN SOCIALIST CHINA**

This article deals with the specifics of the educational process in socialist China. The author gives a brief characteristic of socialist values of the country, fixes their features and influence on the implementation of the educational process. Special attention is paid to such values as «Prosperity, democracy, civilization and harmony», «Freedom, equality, justice and lawfulness», «Patriotism, selflessness, integrity and friendliness». Education is seen as a key element of the development strategy of the Chinese state, called China's «soft power», the source of which is the rich culture of the Chinese nation that enriches the educational process. It is stated that the cultivation and application of basic socialist values requires special approaches in education. Thus, the importance of systematic and step-by-step education is justified, in which the cultivation of socialist values should begin at an early age and continue throughout the entire period of education. Schools, higher education institutions, and all kinds of educational institutions should actively develop students' value identity by teaching the fundamental socialist values of the People's Republic of China.

Key words: socialism, China, values, education, philosophy, society, development.

Социально-философский анализ специфики образования социалистического Китая

Рассматривается специфика процесса образования в социалистическом Китае. Приводится краткая характеристика социалистических ценностей страны, фиксируются их особенности и влияние на реализацию образовательного процесса. Особое внимание уделяется таким ценностям, как «Прогресс, демократия, цивилизация и гармония», «Свобода, равенство, справедливость и законность», «Патриотизм, самоотверженность, принципиальность и дружелюбие». Образование рассматривается как ключевой элемент стратегии развития китайского государства, названной «мягкой силой», источником которой является богатая культура китайской нации, содержательно отражающаяся в образовательном процессе. Констатируется, что культивирование и применение основных социалистических ценностей в образовании требует специальных подходов. Так, обосновывается важность системного и поэтапного образования, в котором воспитание социалистических ценностей должно начинаться в раннем возрасте и продолжаться весь период обучения. Школы, высшие учебные заведения, как и другие виды учреждений образования, должны активно развивать у учащихся ценностную идентичность в образовательном процессе на основе фундаментальных социалистических ценностей Китайской Народной Республики.

Ключевые слова: социализм, Китай, ценности, образование, социальная философия, общество, развитие.

Introduction

In the report of the Chinese Communist Party to the 20th National Congress, which took place from October 16 to 22, 2022 in Beijing, Secretary General Xi Jinping made a report «Holding high the great banner of socialism with Chinese characteristics, united to

fight for the comprehensive construction of a modernized socialist state». In his speech, the Secretary General outlined the path of priority development of a multinational country, clearly indicating that Chinese modernization is based on the specifics of the national culture and has a clearly expressed social orientation. The high-quality development of society is ensured by the harmonization of material and spiritual culture, while the education system is considered one of the main tools in the process of creating a great socialist power. Only with the widespread and practice of applying socialist

Научный руководитель – Анастасия Сергеевна Комаровская, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета

values in all spheres of life can we come to a stable improvement in the quality of life of the people and sustainable social stability. The main socialist values concern ethnic unity, individual development of citizens and general national prosperity. As the ideology of socialism of the Chinese state, which actively defends leading positions in the international arena, is modernized, there is a need to develop and implement effective methods of education that favorably affect the educational ecology and mental state of the nation.

The purpose of the article is to establish an algorithm for the harmonious integration of socialist values into social practice through the education system. The author conducts a study of the specifics of the education process in China, establishes criteria for an effective combination of the country's values and the goals of the education system.

Integrating the socialist values of Chinese society to the education system

The priority position of the People's Republic of China in the modern world has led to a number of changes not only in the field of international relations, but also within the country, where there is a high level of influence of various forms of ideological systems and social movements on the public consciousness of the modern population of China. These circumstances set the government the task of modernizing the education system, which plays a leading role in shaping national identity and creating conditions for the great revival of the Chinese nation.

The foundation of China's modern education system is based on socialist values developed on the basis of traditional values of Chinese culture and modern trends in the party program for the development of society. The students' comprehension of the basic socialist values in the educational process is of great importance for creating a positive social atmosphere and contributes to the preservation of fundamental cultural foundations. It is necessary to realize that the organization of the process of studying basic socialist values is an important task facing the state, for the implementation of which actions are being taken to strengthen the role of education as the basis for personal development.

The system of socialist values consists of a set of theoretical attitudes, the practical

implementation of which contributes to the advancement of the Chinese state along the path of becoming a great Chinese power. Among the basic values of socialism with Chinese characteristics «Prosperity, Democracy, Civilization and Harmony», «Freedom, Equality, Justice and Legality», «Patriotism, Dedication, Integrity and Friendliness» are called. These values reflect the involvement of the Chinese state in the process of universal evolution, China's recognition of the social development priorities of the international community and an open focus on international cooperation. However, it should not be overlooked that the most important priorities of the system of sociological values is the construction of a strong and prosperous Chinese state. «Education is the basis for the cultivation and application of basic socialist values. The education of basic socialist values is an inevitable choice of ideological and political education in schools and universities in the new era» [1, p. 194]. This process is directly related to the future of the party and the country, with the quality of training and the comprehensive development of student youth. Obviously, the upbringing of basic socialist values contributes to the correct functioning of the social system of China and the maintenance of public order, helps to strengthen Chinese society.

China's modern education system aims to cultivate unique and independent personalities who consciously share the high aspirations of communism and the common ideal of socialism with Chinese characteristics, have moral integrity and can take on the great task of reviving the nation. We also note that the upbringing of basic socialist values has not only political, but cultural significance. «Socialist values, realized through education, are key to promoting the soft power of modern Chinese culture; determine the direction and nature of the country's future cultural development. It is for this reason that the spread of excellent traditional Chinese culture and the education of basic socialist values should be strengthened in order to avoid a crisis and the collapse of the ideals of the Chinese nation» [2, p. 2]. Analysis of the specifics of the education process based on the foundation of socialist values allows us to identify three aspects that are present in the educational process and guarantee its effectiveness.

The first aspect is a single structure of value orientations at the national, social and individual levels, the content of which is theoretical. Prosperity, democracy, civilization and harmony are value goals at the national level; freedom, equality, democracy and the rule of law – values at the social level; patriotism, commitment, integrity and friendliness are values at the individual level. The three-stage process of education of values allows you to progressively form the self-awareness of citizens responsible for the stable development of the nation.

The second aspect is related to the logic of the educational process at different levels and in different educational institutions. The characteristic uniform content of the educational process is ensured by a universal orientation towards the socialist values of modern Chinese society and a single educational standard. Note that the values in question are distributed by Chinese society as a code of conduct for a well-educated and educated person [3].

The third aspect is related to the quality of the content of the educational process, a high indicator of which is ensured by the inclusion in the educational process of rich cultural elements selected from three sources: traditional and modern culture of China, as well as world culture. The appeal in the process of education to traditions and innovations in Chinese culture, as well as the appeal to universal human experience, strengthen the attention of students on basic socialist values, improve the practical abilities of students, develop their humanistic spirit, increase cultural consciousness and self-confidence. The importance of avoiding a fragmentary study of socialist values is also noted in isolation from the traditional values of Chinese culture, since this leads to a violation of the consistent formation of the image of social reality and a person's place in it.

The integration of basic socialist values into education is an inevitable choice for the development of the Chinese educational system. It should be noted here that the education of socialist values in Chinese schools has been developing for several years [4]. In order to carry out an in-depth introduction into the educational process of the basic socialist values, it is necessary to include their education in the goals, content, methods of implementing curricula, and actively include the basic socialist

values in the moral education of primary and secondary school students. «It is also necessary to attach great importance to the education of basic socialist values in rural areas, focusing, at the same time, on the features of the local regional culture. It is then that it will be possible to create an effective and durable communication mechanism that will fill the gaps in the national education system not only in urban areas, but also in rural areas» [5, p. 7]. The education of basic socialist values is an important way to maintain and develop socialism with Chinese characteristics in the new era. As noted above in the content of education, the levels of national, social and individual cognition that make up a single system of cognition are distinguished.

However, it should be noted that the education of the basic socialist values of the Chinese Communist Party has not been given due attention yet, and therefore the problem of different interpretations of their content arose. For this reason, a nationwide process of integrating a uniform understanding of the socialist values of modern China into the educational process is unfolding. «The perspective of the education of basic socialist values in schools is gradually enriched, in connection with which the theory and strategy for implementing joint education in the family and in society should be strengthened» [6, p. 133]. Only by fully understanding the importance of fostering basic socialist values will it be possible to increase the enthusiasm and initiative of students in terms of achieving high academic and socially significant results. In the face of a new situation – the rivalry of value orientations in the world of ideological and cultural exchanges, as well as a wide variety of ideologies in the context of the state strategy of reform and openness and the development of a highly efficient socialist market economy – Chinese society is aware of the need to actively cultivate basic socialist values. Of great practical and historical importance in this process is the consolidation of the leading position of Marxism in the field of ideology, the strengthening of the general ideological basis of the unity of the party and the country, the promotion of the comprehensive development of humanity and social progress. All this will help realize the dream of a great revival of the Chinese nation.

Education as the main mechanism for implementing China's «soft power»

The main values of education are to strengthen China's «soft power», the purpose of which is to increase the country's status on the world stage. The main socialist values integrated into the educational process make it possible to achieve this goal, to implement the plan of international cooperation, by increasing national attractiveness.

China's «soft power» concept is an important factor in state greatness and strength. The concept of «soft power» in China has its own specifics, which lies primarily in the mechanisms of implementation. It is of paramount importance to develop and strengthen the country's image by updating the original culture of China. The manifestation of the specifics of culture is manifested at all levels of the implementation of soft power, including the directions of economic and political international cooperation. A strong cultural component ensures the health of the nation, strengthens the national spirit, the position of the ruling party and the ideological foundations of the state, and makes it possible to successfully implement a strategy of peaceful domination. Obviously, «the upbringing of basic values guarantees social development and national prosperity, helping the whole country to demonstrate a stable and healthy development trend» [7, p. 303]. The innovative nature and guiding force of culture is taking its toll on the country's international influence. The stronger the nation and the state, the more attention and recognition they can receive from other countries and the more sustainable external and internal attractiveness the state can form.

Education is a strategically important mechanism for the implementation of «soft power». It is necessary to form the idea of a great nation within the country, to make it available at the level of practice for every citizen of the country. The education of basic socialist values is a way to unite social ideology and cultural foundations. This is an important issue regarding the rejuvenation of the Chinese nation, national unity, prosperity and happiness of people, as well as the ability of the Chinese state to defend its integrity, uniqueness and greatness at the international level. China's «soft power» is a set of measures carried out at the state level for the benefit of the nation. The ideological basis of this process is the struggle

for prosperity, democracy, civilization and harmony at the national level; freedom, equality, justice and the rule of law at the social level; patriotism, selflessness, honesty and friendliness on an individual level. Socialist values embody the national moral ideal, the desire for social morality, unite the great Chinese virtues and achievements of the Chinese people. «The content of China's «soft power» includes two levels of value requirements: to achieve a bright great morality, while maintaining public and strict private morality, and to accept high, public and private morality as a specific content of education. The first is the main content of the second, and the second is a specific manifestation of the first» [8, p. 24]. The specificity of the content of education in China is a single structure of its value orientations at the national, social and individual levels.

«Prosperity, democracy, civilization and harmony» are the pursuit of socialism with Chinese characteristics in economic, political, cultural, social and environmental aspects, marking the prosperity of the country and the rejuvenation of the nation, indicating the great virtue of the Chinese nation. Great virtue refers to a high desire to serve the Motherland and the people. For this reason, it is extremely important to focus on raising people who take responsibility for the revival of the nation. Morality is an important factor in national prosperity and development, is important for strengthening the ideological and moral basis of the modern Chinese spirit.

«Prosperity, democracy, civilization and harmony» (Min Da Dae) – are a demand for the priority of the interests of the country and the people in public policy, when national goals are identical to national ideals.

«Min Da Dae is the basis of the content of socialist values, the practice of their implementation and upbringing, including support for the field of education at the state level and every citizen who goes through the path of education» [9, p. 130]. The set of values of Min Da Dae clearly expresses the bilateral connection between the institutions of the state and citizens, demonstrates their unity in understanding important areas of development.

«Freedom, equality, justice and legality» are the demands and expectations of the broad masses in relation to the state, associated with social stability and indicating the specifics of public morality. China's social ethic is based

on the noble work of citizens to maintain social unity and stability. Compliance with the norms of social ethics is required to maintain social development, public order and strengthen the integrity of the country.

The ideological and moral development of society, the upbringing of basic socialist values, the creation of conditions for scientific and professional growth, the direction of people to strive and achieve life goals will allow maintaining and developing socialism with Chinese characteristics in a new era.

The education of basic socialist values means the promotion of a socially oriented civilization along the path of progress. The functioning of public morality reflects the desire of people for a better education and a better life, enriches and develops the content and essence of socialist value education. Members of society develop freely and comprehensively, share the fruits of reform, innovation and development to improve and optimize society and the state. The upbringing of public morality should strengthen the purposefulness of citizens, qualitatively improve people's ideas about the social community of China, teach citizens to sincerely respect their history, appreciate the possibilities of the modern stage of development of the Chinese state.

«Patriotism, dedication, integrity and friendliness» are the value requirements and moral norms of a socialist country in relation to its citizens. The moral self-discipline of members of society directly affects the social success of a citizen and indicates the proper development of private morality. Private morality refers to the basic norms of severity of members of society in relation to themselves.

The content of private morality requires a person to «do small things well and manage small things well, learn to work, learn to be thrifty, learn to be grateful, learn to help others, learn to be modest, learn to be tolerant, learn to be self-disciplined and promote national development and social unity in everyday life» [10, p. 24]. Currently, schools in China emphasize the education of such qualities as honesty, which is the basis of public order. An understanding of the importance of intercultural communication is formed and a sense of tolerance towards representatives of other cultures is developed, it is assumed that a devel-

oped sense of tolerance should help students in solving interpersonal contradictions. The education system takes the initiative of friendly values in society. However, do not forget that the main content of socialist values is based on strict morality, which fosters a sense of self-importance among the Chinese people.

Conclusion

The results of the study showed that the upbringing of basic socialist values are the requirement of modern Chinese society. The education system plays a strategically important role in cultivating socialist values, thereby contributing to the development and prosperity of the modern Chinese state, strengthening the authority of the Communist Party within Chinese society and the Chinese people in the international arena. The text of the article shows that the education system is a mediator that smooths out possible disagreements between citizens and the state and, at the same time, a universal source that combines the requirements of the state in relation to citizens and the expectations of citizens imposed on the state.

The specificity of the Chinese education system is the progressive upbringing of socialist values and the absolute consistency of educational programs at all levels of education. The purpose of education is to educate citizens aimed at universal progress, capable of leading Chinese society to prosperity and well-being. Primary and secondary schools actively develop students' value identity; contribute to the understanding and development of basic socialist values. Higher educational institutions focus on the connection between the content of socialist values with real practices in the life of each individual person and society. Universal values, discipline and self-respect are characteristic of every modern citizen of the Chinese state, in which all conditions have been created for the improvement of personal qualities.

Modern China is a state with high prestige on the world stage, with a centuries-old history and culture, the popularization of which is a strategically important result of «soft power». The total orientation towards socialist values and the universality of educational methods can be attributed to the specifics of the Chinese education system.

REFERENCES

1. Dubkova, O. V. On the problem of determining basic values in the picture of the world of the Chinese / O. V. Dubkova // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities. – 2020. – Nr 3 (832). – P. 193–204.
2. Xin, Ch. PRC activities for the international promotion of Chinese language and culture / Ch. Xin // Society: philosophy, history, culture. – 2020. – Nr 2 (70). – P. 1–3.
3. Li, J. How talent cultivation contributes to creating world-class universities in China: A policy discourse analysis / J. Li, E. Xue // Educational Philosophy and Theory. – 2022. – Nr 12. – P. 2008–2017.
4. Xiao, Z. Research on the Educational Environment Shaping of Socialist Core Values in Schools / Z. Xiao // School Party Building and Ideological Education. – 2018. – Nr 14. – P. 88–90.
5. Zhang, G. Analysis on the cultural Ecology of Socialist Core Values Education / G. Zhang, Y. Yang // China Special Education. – 2020. – Nr 10. – P. 3–8.
6. Zhou, Y. Cultural Confidence: The Key to Internalizing Socialist Core Values for College Students / Y. Zhou // Heilongjiang Higher Education Research. – 2018. – Nr 9. – P. 132–135.
7. Molan, H. The system of school education in the People's Republic of China / H. Molan // Problems of modern pedagogical education. – 2022. – Nr 74-1. – P. 300–303.
8. Peng, L. Promoting Chinese Ideology Construction with Socialist Core Values / L. Peng // School Party Building and Ideological Education. – 2020. – Nr 17. – P. 22–25.
9. Xue, E. What is the ultimate education task in China? Exploring «strengthen moral education for cultivating people» («Li De Shu Ren») / E. Xue, J. Li // Educational Philosophy and Theory. – 2020. – Nr 2. – P. 128–139.
10. Qu, J. Education of Socialist Core Values for College Students / J. Qu // Journal of Northeast Normal University (Philosophy and Social Sciences Edition). – 2019. – Nr 06. – P. 23–28.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 17.10.2024

УДК 327(476+470)

Игорь Михайлович Авласенко¹, Карина Игоревна Ярмошук²

¹канд. ист. наук, доц., доц. каф. международных отношений
Белорусского государственного университета

²канд. полит. наук, преподаватель каф. международных отношений
Белорусского государственного университета

Ihar Aulasenka¹, Karina Yarmoshuk²

¹Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of International Relations
of Belarusian State University

²Candidate of Political Sciences, Lecturer of the Department of International Relations
of Belarusian State University

e-mail: ¹AvlasenkIM@bsu.by; ²YarmoshukKI@bsu.by

КОНТУРЫ ЕВРАЗИЙСКОГО ПАРТНЕРСТВА В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: МЕСТО И РОЛЬ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА*

Раскрыты особенности формирования партнерства стран Большой Евразии в сфере информационной безопасности. На основе анализа документов Шанхайской организации сотрудничества и других организаций путем сопоставления с концептуальными документами стран Запада определена трактовка термина «международная информационная безопасность» в евразийском контексте, установлена ее взаимосвязь с особенностями системы международных отношений на континенте, выделены основные направления сотрудничества государств Евразии. Показаны место и роль Союзного государства в международном сотрудничестве по вопросам обеспечения информационной безопасности на Евразийском континенте.

Ключевые слова: международная информационная безопасность, Шанхайская организация сотрудничества, Союзное государство, Большое Евразийское партнерство.

Outlines of Eurasian Partnership in the Sphere of Information Security: Place and Role of the Union State

The article reveals the features of the formation of partnership of the countries of Greater Eurasia in the field of information security. The specifics of the interpretation of the term «international information security» in the Eurasian context is determined, based on the analysis of documents of the Shanghai Cooperation Organization and other structures by comparing them with conceptual documents of Western countries. Its connection with the features of the system of international relations on the continent is established, the main areas of cooperation of the Eurasian states are highlighted. The place and role of the Union State in international cooperation on issues of information security on the Eurasian continent are shown.

Key words: international information security, Shanghai Cooperation Organization, Union State, Greater Eurasian Partnership.

Введение

На фоне внешнеполитического развития Минска и Москвы, а также актуализации идеи Большого евразийского партнерства у экспертов и дипломатов-практиков

возник интерес к созданию обновленной системы безопасности на евразийском континенте: ряд материалов на эту тему опубликован на сайте Российского совета по международным делам [1; 2]. О намерении Республики Беларусь принять активное участие в ее формировании свидетельствует проведение Первой и Второй Минских конференций по евразийской безопасности осенью 2023 и 2024 гг. Однако особенности и потенциал партнерства на евразийском континенте по вопросам информационной безопасности в новых условиях изучены

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований в рамках НИР «Трансформация военно-политических, энергетических и социально-гуманитарных аспектов системы европейской безопасности: значение для Союзного государства» (№ госрегистрации 20240046 от 12.01.2024).

недостаточно глубоко, пока слабо артикулирована роль Республики Беларусь и Союзного государства. Ранее отдельные работы, посвященные политическим и юридическим аспектам международной информационной безопасности, были затронуты в трудах Е. С. Зиновьевой, А. Н. Сытник, М. М. Базлуцкой, Н. О. Мороз [3–5].

В последнее время появились публикации, посвященные фактору искусственного интеллекта в региональном и глобальном измерениях информационной безопасности [6, с. 72–81].

Целью статьи является выявление роли и места Союзного государства в рамках формирующегося партнерства в сфере информационной безопасности на пространстве Большой Евразии. Актуальность данного исследования дополнительно обусловлена активизацией интеграционных процессов в рамках Союзного государства, подготовкой обновленной Концепции безопасности Союзного государства, а также утверждением Всебелорусским народным собранием новой редакции Концепции национальной безопасности в апреле 2024 г. [7].

Основными методами для достижения данной цели являются контент-анализ текста документов, метод сравнения, а также структурно-функциональный анализ международных институтов на евразийском пространстве, ответственных за обеспечение информационной безопасности. В качестве ключевых источников были выбраны нормативные правовые акты, которые дают представление в т. ч. и о политических приоритетах государств-участников. В их числе – Соглашение между правительствами государств – членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности от 16 июня 2009 г., Соглашение о сотрудничестве государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности в области обеспечения информационной безопасности от 30 ноября 2017 г., Концепция информационной безопасности Союзного государства (утверждена Постановлением Высшего Государственного Совета Союзного государства Беларуси и России от 22.02.2023, № 1) [8–10].

Основная часть

В Концепции информационной безопасности Республики Беларусь, принятой

в 2019 г., информационная безопасность трактуется как «состояние защищенности личности, общества и государства и их интересов от угроз, деструктивных и иных негативных воздействий в информационном пространстве» [11], а международная информационная безопасность – как «состояние международных отношений, исключающее нарушение мировой стабильности и создание угрозы безопасности государств и мирового сообщества в информационном пространстве» [11]. Практически идентичные определения содержатся в нормативных правовых актах Союзного государства, Шанхайской организации сотрудничества [8; 10]. Однако исследователи обращают внимание на различные интерпретации понятия «информационная безопасность», на его технический и информационно-психологический аспекты [3, с. 37–38].

В концептуальных документах западных стран четкое определение данному понятию не дается, однако можно заметить, что в качестве основного термина там используется «кибербезопасность» («cybersecurity»). В публикациях и научных дебатах два термина нередко взаимозаменяются, однако хотелось бы обратить внимание на отличия в их трактовке.

Кибербезопасность рассматривается прежде всего как техническая защищенность от единичных атак, направленных на информационную инфраструктуру с помощью информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ).

В частности, в Стратегии кибербезопасности ЕС, принятой в 2020 г., отмечается, что «для продвижения и защиты своего видения киберпространства на международном уровне Евросоюзу необходимо активизировать свое участие и проявить лидерство в международных процессах стандартизации, расширить свое представительство в соответствующих международных и европейских органах» [12, р. 20]. Также в этом документе ставится задача безопасного внедрения передовых информационных технологий, в частности интернет-сетей пятого поколения (5G) [12, р. 26].

В Национальной стратегии кибербезопасности США, опубликованной в 2023 г., акцент сделан не только на технических аспектах этого понятия, но и на нарастающем геополитическом факторе, на превращении киберпространства в арену противостояния

великих держав. В этом документе очерчен круг стран, которые Вашингтон считает своими ключевыми противниками: «Правительства Китая, России, Ирана, Северной Кореи и других автократических государств с ревизионистскими намерениями агрессивно используют передовые возможности в киберпространстве для достижения целей, которые противоречат нашим интересам и общепринятым международным нормам» [13, р. 3]. При этом технический аспект безопасности в документе все равно остается преобладающим: фактически геополитическое противостояние трактуется как стремление отдельных участников международных отношений с помощью информационно-коммуникационных технологий нарушить тот глобальный порядок, который за последние десятилетия сформировался под эгидой Вашингтона.

Активизировалось и сотрудничество в рамках Североатлантического альянса в киберпространстве. В текущей редакции Стратегической концепции НАТО 2022 г. отмечено, что кибератака может стать поводом для активации ст. 5 Североатлантического договора о коллективной обороне (п. 25) [14, с. 7]. В п. 24 документа отмечается намерение «ускорить цифровую трансформацию, адаптировать структуру органов военного управления НАТО к информационному веку и укрепить киберзащиту, сети и инфраструктуру» [14, с. 7].

Дальнейший рост напряженности в отношениях между странами Альянса с одной стороны и Российской Федерацией, с другой – существенно снизили возможность диалога в этой сфере и выработки консолидированного общеевропейского подхода к проблемам информационной безопасности. Взаимодействие в отдельных случаях осталось на уровне специальных служб, занимающихся предотвращением атак со стороны террористических организаций, однако в концептуальном плане наметились серьезные расхождения. Кроме того, в рамках специализации стран НАТО в 2008 г. в Таллине был создан Центр передового опыта НАТО в области компьютерной безопасности (NATO Cooperative Cyber Defense Center of Excellence, CCD COE), а в 2014 г. в Риге – Центр передового опыта НАТО в области стратегической пропаганды (NATO Strategic Communication Center of Excellence, STRATCOM COE) [15]. Рез-

кое обострение отношений между странами Запада и Россией в 2022 г., которая в текущей редакции Стратегической концепции названа «наиболее значительной и прямой угрозой безопасности государств – членов НАТО, а также миру и стабильности в евроатлантическом регионе» [14, с. 4], привело к усилению враждебности и переориентации указанных центров на противодействие Москве. Таким образом, усиление политического и санкционного экономического давления со стороны США и Евросоюза на фоне кризисной трансформации системы европейской безопасности подтолкнуло Российскую Федерацию и Республику Беларусь к активизации евразийского вектора внешней политики.

Сотрудничество стран Большой Евразии в отдельных аспектах информационной безопасности практикуется уже два десятилетия. На роль ключевой институциональной основы для этого претендует Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), охватывающая 26 государств: 10 полноправных членов, два наблюдателя и 14 партнеров по диалогу. За это время в организации сформировалась и собственная трактовка понятия «международная информационная безопасность», отраженная в различных документах. Ключевую роль в выработке дефиниций сыграли Российская Федерация и Китайская Народная Республика. В целом в ШОС делается упор на выработку универсальных правил и норм ответственного поведения государств в информационной сфере, выстроенных на принципах уважения государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела других стран. Тем не менее пока преждевременно говорить о формировании завершенной системы безопасности в информационной сфере на континенте, а необходимо наметить контуры формирующегося партнерства государств Евразии и выявить специфику их взаимодействия.

Анализ ряда документов ШОС, в частности Соглашения между правительствами государств – членов ШОС о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности от 16 июня 2009 г. (далее – Соглашение 2009 г.), а также Астанинской декларации 2024 г., позволяет определить специфику трактовки информационной безопасности и выявить

ряд особенностей евразийского партнерства в данной сфере.

Сотрудничество стран Большой Евразии в сфере информационной безопасности прежде всего заключается в противодействии использованию ИКТ преступными и террористическими группировками. В частности, на это повлияла первоначальная функциональная специфика Шанхайской организации сотрудничества, роль которой изначально сводилась к стабилизации ситуации в Центральной Азии после распада СССР. В ее Хартии 2002 г. в качестве основополагающей цели было постулировано «совместное противодействие терроризму, сепаратизму и экстремизму» [16]. Поэтому в Соглашении 2009 г. выделена такая угроза, как «информационный терроризм» (п. 2 Приложения 2), т. е. «использование информационных ресурсов и (или) воздействие на них в информационном пространстве в террористических целях» [8]. В Астанинской декларации 2024 г. особое внимание уделено недопустимости использования информационно-коммуникационных технологий в террористических и экстремистских целях. Государства-члены подчеркнули стремление выработать «документ ШОС о сотрудничестве в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий», а также «добиваться консенсуса по вопросу принятия в рамках ООН всеобъемлющей Конвенции о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях» [17].

В 2002 г. в рамках ШОС была учреждена Региональная антитеррористическая структура (РАТС), основные задачи и функции которой сводятся к таким направлениям, как координационно-оперативное, международно-правовое и информационно-аналитическое.

Особое значение во взаимодействии государств Большой Евразии по вопросам информационной безопасности придается такой угрозе, как дестабилизация общественно-политической обстановки в государствах-участниках с помощью ИКТ. При этом в соглашениях и резолюциях ШОС не акцентируется внимание на злонамеренных кибератаках со стороны конкретных государств. То есть, в отличие от рассмотренных выше концептуальных документов стран Запада, документы Шанхайской организации сотрудничества официально не

постулируют свою направленность против других участников международных отношений. В ее текстах отмечается важность многостороннего сотрудничества в борьбе с неконвенциональными угрозами, с активностью террористических и экстремистских организаций.

Еще одним направлением сотрудничества, которое не вызывает существенных разногласий, является обеспечение защищенности информационной инфраструктуры от катастрофического воздействия техногенных и природных факторов [8, п. 6]. Учитывая сложные природно-климатические условия в отдельных регионах Евразии, взаимопомощь в поддержании стабильности и технической безопасности информационной инфраструктуры государств-участников является актуальной. Этот аспект взаимодействия носит неполитический характер.

Вместе с тем в отличие от концептуального подхода стран Запада, в формирующемся евразийском партнерстве весомая роль отводится социально-психологическим аспектам информационной безопасности. В частности, в это понятие включается защищенность от угрозы нанесения вреда «общественно-политической и социально-экономической системам, духовной, нравственной и культурной среде других государств» [8, п. 5]. Однако сложно определить перечень источников или определенных критериев, которым должна соответствовать информация такого рода для каждого государства Евразии. Поэтому на практике данное положение носит декларативный характер и является, скорее, принципом, характеризующим отказ от вмешательства во внутренние дела друг друга с помощью ИКТ. Как отмечено в Астанинской декларации ШОС 2024 г., «государства-члены подчеркивают ключевую роль ООН в сфере противодействия угрозам в информационном пространстве, создания безопасного информационного пространства, построенного на принципах уважения государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела других стран» [17].

Данный принцип нашел отражение и в инициативе государств ШОС по выработке «Правил поведения в области обеспечения международной информационной безопасности» (A/69/723), которые были представлены в письме Генеральном секретарю

ООН [18]. Как отмечалось на официальном сайте МИД России, в этом документе «закрепляется обязательство государств не применять информационно-коммуникационные технологии в целях нарушения международного мира и безопасности, а также для вмешательства во внутренние дела других государств и подрыва их политической, экономической и социальной стабильности» [19].

Наконец, формирующееся евразийское партнерство в сфере информационной безопасности носит и геополитическое измерение. В Соглашении 2009 г. отмечена такая угроза безопасности, как «использование доминирующего положения в информационном пространстве в ущерб интересам и безопасности других стран» [8]. Хотя члены ШОС имеют разный характер отношений со странами Запада: от партнерских (Индия, Казахстан) до весьма напряженных (Беларусь, Иран, Китай, Россия), все они разделяют тезис о недопустимости монополизации информационной сферы со стороны США и их союзников, поддерживая идею многополярности в мировой информационной сфере.

Этот принцип сотрудничества перекликается с основной идеей инициированного белорусской стороной многостороннего документа под названием «Евразийская хартия многообразия и многополярности», в которой были бы отражены «базовые принципы управления международной жизнью, учитывающие многообразие (подходов к организации политической, экономической и социальной жизни в разных странах) и отвергающие гегемонию» [20, р. 129]. В настоящее время идет концептуальная проработка его названия и содержания. Не исключено, что в случае успешного юридического оформления системы евразийской безопасности в будущем эта Хартия станет одним из основополагающих документов, определяющих принципы ее функционирования.

Таким образом, по сравнению с западными странами, которые во главу угла ставят борьбу с точечными информационными атаками, евразийские государства делают больший акцент на иных (социально-политических) аспектах международной информационной безопасности. Это различие коренится, во-первых, в двойственной природе самого концепта «информационная

безопасность», которая имеет как техническую составляющую, так и информационно-психологическую, связанную с воздействием на человека и на общество в целом.

Во-вторых, ключевой причиной, которая определила использование различных терминов, стало то, что обеспечение «кибербезопасности» подразумевает обмен данными (в т. ч. и чувствительными) между партнерами на международной арене. В странах Запада, уже принадлежавших к военно-политическому блоку – Североатлантическому альянсу, – такое сотрудничество не вызывало особых затруднений.

В Большой Евразии глубина доверия по вопросам безопасности еще весьма далека от этого. Вместе с тем многие страны континента разделяют общие взгляды на развитие политической составляющей мировой информационной среды: среди них сформировался консенсус о необходимости преодоления западной монополии на каналы коммуникации, на монополию западных стандартов в сфере обеспечения информационной безопасности, о недопустимости социально-политической дестабилизации и вмешательства во внутреннюю политику с помощью ИКТ. Поэтому в странах континента общей платформой стало политическое измерение сотрудничества в сфере информационной безопасности. С расширением состава и разнообразия членов ШОС (со второй половины 2010-х гг.) этот уклон в трактовке сохранился и даже усилился.

Таким образом, различное использование терминов «кибербезопасность» и «информационная безопасность» в официальных документах отражает особенности и различия между евроатлантической системой безопасности и евразийским партнерством. В то время как первая построена на принципе коллективной защиты, сотрудничество евразийских государств пока носит характер взаимодействия в отдельных точечных сферах. Невозможность выстроить систему коллективной безопасности в Большой Евразии обусловлена как различными противоречиями между государствами-участниками (например, Индией и Пакистаном), сложностью обмена между ними важной информацией, так и осознанием любым руководством политических рисков, которые влечет за собой взятие обязательств в сфере коллективной обороны. Поэтому на практике такое сотрудничество

сводится главным образом к пресечению информационного сопровождения действий террористического, экстремистского и сепаратистского характера.

Тем не менее в Евразии также есть примеры организаций, построенных на принципе коллективной безопасности.

Во-первых, это Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). В 2017 г. в ее рамках было подписано Соглашение о сотрудничестве государств – членов Организации в области обеспечения информационной безопасности [9].

Во-вторых, это Союзное государство, в котором совместный характер противодействия различным вызовам и угрозам постулирован в уже существующих документах, таких как Военная доктрина 2021 г., а также дополнительно прорабатывается в проектах новых соглашений. В частности, общее понимание содержания, основных угроз и задач по обеспечению информационной безопасности отражено в соответствующей Концепции, которая была утверждена Постановлением Высшего Государственного Совета Союзного государства Беларуси и России от 22.02.2023 № 1 [10].

Специфика сотрудничества в вопросах информационной безопасности между Республикой Беларусь и Российской Федерацией, отраженная в указанном документе, определяется усилением политического и санкционного давления на оба государства в начале 2020-х гг. В связи с этим многие положения Концепции информационной безопасности Союзного государства не только повторяли отдельные тезисы из Соглашения Шанхайской организации сотрудничества 2009 г., но в ряде случаев даже усиливали определенные акценты. Например, с учетом кризисной трансформации системы европейской безопасности в начале 2020-х гг. особое внимание было привлечено к противодействию внешнему вмешательству с помощью ИКТ: «В целях дестабилизации общественно-политической ситуации на территории государств-участников распространяется недостоверная и искаженная информация. В сети Интернет размещаются материалы террористических экстремистских организаций, призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых (публичных) мероприятиях, прово-

димых с нарушением установленного порядка» [10, п. 12].

Также в Концепции 2023 г. значительное место отведено социально-гуманитарному аспекту информационной безопасности и угрозам в этой сфере. В частности, отмечено «активное информационное воздействие, направленное на разрушение национальной самобытности, культурных и традиционных духовно-нравственных ценностей народов России и Беларуси, искажение исторической правды, дискредитацию традиционных нравственных, семейных ценностей и ориентиров» [10, п. 12]. Кроме того, указано, что «по политическим причинам пользователям сети Интернет навязывается искаженный взгляд на исторические факты, процессы и события, происходящие в Российской Федерации, Республике Беларусь и других странах» [10, п. 13]. Противодействие указанным угрозам может быть обеспечено путем гармонизации исторической политики двух государств и государственной политики в гуманитарной сфере.

Эти направления отражают глубину интеграционных процессов в рамках Союзного государства. Безусловно, такое тесное сотрудничество имеет историческую обусловленность и объективные географические ограничения, поэтому преждевременно рассчитывать, что оно охватит большинство государств Большой Евразии.

Тем не менее опыт Союзного государства может оказать как техническую, так и политическую поддержку евразийскому партнерству в области обеспечения информационной безопасности на отдельных направлениях. Во-первых, продвинутый уровень технологического развития Беларуси и России дает возможность реализовать идею строительства «цифрового альянса» с другими заинтересованными сторонами на континенте [21, с. 10]. Построение такого альянса в рамках расширенного информационного сотрудничества на пространстве Большой Евразии позволит снизить эффект санкционного давления на Республику Беларусь и на Российскую Федерацию, преодолеть негативные последствия полного либо частичного блокирования доступа к западным информационным платформам, незащищенность собственных информационных ресурсов, находящихся за пределами Союзного государства. Перспективным представляется и передача опыта Союзного

государства странам-партнерам по координации взаимодействия в рамках расследования преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий.

Во-вторых, общие взгляды руководства Республики Беларусь и Российской Федерации могут оказать поддержку политическому измерению формирующегося широкого евразийского партнерства в сфере информационной безопасности. Минск и Москва продвигают идею «информационного суверенитета», разделяя такие взгляды в отношении управления Интернетом на международном уровне, как «недопущение доступа к Сети как инструмента влияния на другие государства, воздержание государств от действий, направленных на ограничение функционирования или доступа к сети Интернет на территории других государств, суверенные права государств на управление национальным сегментом сети Интернет» [21, с. 24]. Республика Беларусь стала соавтором резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 77/36 «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в сфере международной безопасности», принятой в декабре 2022 г. по инициативе России. В этом документе отражен призыв к государствам-членам в рамках Рабочей группы открытого состава «продолжать обмениваться мнениями о регулярном институциональном диалоге по вопросам безопасности в сфере использования информационно-коммуникационных технологий с целью выработки общего понимания о наиболее эффективном формате будущего регулярного институционального диалога при широком участии государств под эгидой Организации Объединенных Наций, который будет создан по завершении деятельности Рабочей группы открытого состава в 2021–2025 гг.» [22] Таким образом, Союзное государство вносит вклад в реализацию идеи многополярности в информационной сфере на евразийском континенте.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что контуры и содержание формирующегося евразийского партнерства в сфере информационной безопасности в значительной степени определяются особенностями системы международных отношений на континенте, которая характеризуется наличием не только нескольких центров влияния, но и

противоречий между ними. В связи с этим практическая составляющая многостороннего партнерства сводится к отдельным аспектам обеспечения информационной безопасности, в частности к борьбе с информационным терроризмом, экстремизмом, к поддержанию стабильности и технической безопасности информационной инфраструктуры. Вместе с тем противоречия ряда крупнейших государств Евразии (России, КНР, Ирана) в отношениях с США обуславливают все более выраженную артикуляцию политической составляющей, которая сводится к продвижению идей многополярности мирового информационного пространства, информационного суверенитета и невмешательства во внутренние дела других государств с помощью ИКТ.

Союзное государство является примером более глубокого сотрудничества по вопросам информационной безопасности, что обусловлено соответствующим уровнем развития двусторонних отношений Республики Беларусь и Российской Федерации.

Взаимное политическое доверие руководства и общий взгляд на фундаментальные основы современного миропорядка позволяют не только декларировать, но и углубить сотрудничество в социально-гуманитарной сфере, работа в которой также является одним из аспектов обеспечения информационной безопасности. Преждевременно полагать, что такая степень взаимоотношений охватит большинство государств континента в силу их многообразия и сложности некоторых двусторонних взаимоотношений. В то же время Республика Беларусь и Российская Федерация совместно могут сформулировать ряд императивов по формированию контуров будущей системы евразийского партнерства по вопросам евразийской безопасности. Во-первых, сотрудничество в рамках Союзного государства может стать основой для формирования одного из цифровых альянсов в Евразии. Во-вторых, в политическом отношении Минск и Москва являются одними из наиболее активных сторонников идеи многополярного мира в международной информационной среде. Эта идея, как ожидается, будет отражена и в финальном варианте Евразийской хартии многообразия и многополярности, разработку которой инициировала Республика Беларусь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Тимофеев, И. Н. Евразийская структура безопасности: от идеи к практике [Электронный ресурс] / И. Н. Тимофеев // Рос. совет по междунар. делам. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/evraziyskaya-struktura-bezopasnosti-ot-idei-k-praktike/>. – Дата доступа: 10.10.2024.
2. Мельникова, Ю. Ю. Евразийская безопасность как коммуникативная практика: задачи для России и Китая [Электронный ресурс] / Ю. Ю. Мельникова // Рос. совет по междунар. делам. – Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/evraziyskaya-bezopasnost-kak-kommunikativnaya-praktika-zadachi-dlya-rossii-i-kitaya/?sphrase_id=163455540. – Дата доступа: 10.10.2024.
3. Зиновьева, Е. С. Международная информационная безопасность: проблемы двустороннего и многостороннего сотрудничества / Е. С. Зиновьева. – М. : Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, 2021. – 280 с.
4. Базлуцкая, М. М. Игровое пространство «информационного беспорядка» / М. М. Базлуцкая, А. Н. Сытник // Россия в глоб. политике. – 2024. – Т. 22, № 4. – С. 122–136.
5. Мороз, Н. О. Международно-правовое регулирование поддержания информационной безопасности / Н. О. Мороз // Право.by. – 2022. – № 6 (80). – С. 138–144.
6. Русакович, А. В. Проблемы безопасности на постсоветском пространстве в начале 2020-х гг.: глобальный и региональный аспекты / А. В. Русакович. – Минск : РИВШ, 2024. – 170 с.
7. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : утв. Решением Всебелорус. нар. собрания 25.04.2024, № 5 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь : [сайт]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=-12551&p0=P924v-0005>. – Дата доступа: 10.10.2024.
8. Соглашение между правительствами государств – членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности от 16 июня 2009 года (вступило в силу с 5 января 2012 г.) [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/-document/?guid=12551&p0=I00900114>. – Дата доступа: 20.10.2024.
9. Соглашение о сотрудничестве государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности в области обеспечения информационной безопасности [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/-document/?guid=12551&p0=E01700001>. – Дата доступа: 10.10.2024.
10. О Концепции информационной безопасности Союзного государства [Электронный ресурс] : постановление Высшего Государственного Совета Союзного государства Беларуси и России от 22.02.2023, № 1 // Информационно-правовой портал «Гарант». – Режим доступа: <https://base-garant.ru/407406480/>. – Дата доступа: 10.10.2024.
11. Концепция информационной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : утв. постановлением Совета Безопасности Респ. Беларусь 18.03.2019, № 1 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/-document/?-guid=12551&p0=P219s0001>. – Дата доступа: 10.10.2024.
12. Joint Communication: The EU's Cybersecurity Strategy for the Digital Decade [Electronic resource] // European Commission. – Mode of access: <https://ec.europa.eu/newsroom/dae/-redirection/document/72164>. – Date of access: 20.10.2024.
13. National Cybersecurity Strategy (March 2023) [Electronic resource] // The White House. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2023/03/National-Cybersecurity-Strategy-2023.pdf>. – Date of access: 20.10.2024.
14. Стратегическая концепция НАТО 2022 года (принята главами государств и правительств на встрече в верхах НАТО в Мадриде 29 июня 2022 г.) [Электронный ресурс] // Организация Североатлантического договора. – Режим доступа: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/-2022/6/pdf/290622-strategic-concept-ru.pdf. – Дата доступа: 20.10.2024.
15. Centres of Excellence [Electronic resource] // North Atlantic Treaty Organization. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_68372.htm. – Date of access: 20.10.2024.

16. Хартия Шанхайской организации сотрудничества (6 июня 2002 года) [Электронный ресурс] // Президент России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/3450>. – Дата доступа: 20.10.2024.

17. Астанинская декларация Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества (4 июля 2024 г.) [Электронный ресурс] // Шанхайская организация сотрудничества. – Режим доступа <https://rus.sectso.org/20240704/1420683.html>. – Дата доступа: 20.10.2024.

18. Правила поведения в области обеспечения международной информационной безопасности : Приложение к письму постоянных представителей Казахстана, Китая, Кыргызстана, Российской Федерации, Таджикистана и Узбекистана при Организации Объединенных Наций от 9 января 2015 года на имя Генерального секретаря (A/69/723) [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n15/014/04/pdf/n1501404.pdf>. – Дата доступа: 20.10.2024.

19. Об инициативе стран – членов ШОС «Правила поведения в области обеспечения международной информационной безопасности» [Электронный ресурс] // М-во иностр. дел Рос. Федерации. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/mezhdunarodnaa-informacionnaa-bezopasnost/1582268/. – Дата доступа: 20.10.2024.

20. Makei, V. V. Liberal International Order: Can It Be Saved in Today's Non-Hegemonic World? / V. V. Makei // *Russia in Global Affairs*. – 2023. – № 21 (1). – P. 114–130.

21. «Цифра» и искусственный интеллект на службе дипломатии : аналит. докл. / Е. С. Зиновьева [и др.] ; под ред. Е. С. Зиновьевой. – М. : МГИМО, 2024. – 47 с.

22. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 77/36 «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в сфере международной безопасности» : принята 7 декабря 2022 г. [Электронный ресурс] // Национальная ассоциация международной информационной безопасности. – Режим доступа: https://namib.online/wp-content/uploads/2023/01/A_RES_77_36RU%D0%9C%D0%98%D0%91-7.12.2022.pdf. – Дата доступа: 15.10.2024.

REFERENCES

1. Timofiejev, I. N. Jevrazijskaja struktura biezopasnosti: ot idiei k praktike [Elektronnyj resurs] / I. N. Timofiejev // *Ros. soviet po miezhdunar. dielam.* – Riezhim dostupa: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/evraziyskaya-struktura-bezopasnosti-ot-idei-k-praktike/>. – Data dostupa: 10.10.2024.

2. Miel'nikova, Yu. Yu. Jevrazijskaja biezopasnost' kak kommunikativnaja praktika: zadachi dlia Rossii i Kitaja [Elektronnyj resurs] / Yu. Yu. Miel'nikova // *Ros. soviet po miezhdunar. dielam.* – Riezhim dostupa: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/evraziyskaya-bezopasnost-kak-kommunikativnaja-praktika-zadachi-dlya-rossii-i-kitaja/?sphrase_id=163455540. – Data dostupa: 10.10.2024.

3. Zinov'jeva, Ye. S. Miezhhdunarodnaja informacionnaja biezopasnost': problemi dvustoroniego i mnogostoronniego sotrudnichestva / Ye. S. Zinov'jeva. – M. : Mosk. gos. in-t miezhdunar. otnoshenij (un-t) M-va inostr. diel Ros. Fiedieracii, 2021. – 280 s.

4. Bazluckaja, M. M. Igrovoje prostranstvo «informacionnogo biesporiadka» / M. M. Bazluckaja, A. N. Sytnik // *Rossija v global. politike.* – 2024. – T. 22, № 4. – S. 122–136.

5. Moroz, N. O. Miezhhdunarodno-pravovoje riegulirovanije poddierzhanija informacionnoj biezopasnosti / N. O. Moroz // *Pravo.by.* – 2022. – № 6 (80). – S. 138–144.

6. Rusakovich, A. V. Problemy biezopasnosti na postsovietskom prostranstvie v nachalie 2020-kh gg.: global'nyj i regional'nyj aspiekty / A. V. Rusakovich. – Minsk : RIVSh, 2024. – 170 s.

7. Koncepcija nacional'noj biezopasnosti Riespubliki Bielarus' [Elektronnyj resurs] : utv. Riesenijem Vsiebielorus. nar. sobranija 25.04.2024, № 5 // Nacional'nyj pravovoj Internet-portal Riespubliki Bielarus'. – Riezhim dostupa: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P924v0005>. – Data dostupa: 10.10.2024.

8. Soglashenije miezhdu pravitiel'stvami gosudarstv – chlienov Shankhajskoj organizacii sotrudnichestva o sotrudnichestvie v oblasti obiespiechienija miezhhdunarodnoj informacionnoj biezopasnosti ot 16 ijunia 2009 goda (vstupilo v silu s 5 janvaria 2012 g.) [Elektronnyj resurs] // Nacional'nyj pravovoj Internet-portal Riespubliki Bielarus'. – Riezhim dostupa: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=-I00900114>. – Data dostupa: 20.10.2024.

9. Soglasheniye o sotrudnichestvie gosudarstv – chlienov Organizacii Dogovora o kollektivnoj bezopasnosti v oblasti obiespiecheniya informacionnoj bezopasnosti [Elektronnyj riesurs] // Nacional'nyj pravovoj Internet-portal Rjespubliki Bielarus'. – Riezhim dostupa: <https://pravo.by/-document/?guid=12551&p0=E01700001>. – Data dostupa: 10.10.2024.

10. O Konceptii informacionnoj bezopasnosti Sojuznogo gosudarstva [Elektronnyj riesurs] : postanovlenije Vysshego Gosudarstviennogo Sovieta Sojuznogo gosudarstva Bielarusi i Rossii ot 22.02.2023, № 1 // Informacionno-pravovoj portal «Garant». – Riezhim dostupa: <https://base.garant.ru/407406480/>. – Data dostupa: 10.10.2024.

11. Konceptija informacionnoj bezopasnosti Rjespubliki Bielarus' [Elektronnyj riesurs] : utv. postanovlenijem Sovieta Bezopasnosti Rjespubliki Bielarus' 18.03.2019, № 1 // Nacional'nyj pravovoi Internet-portal Rjespubliki Bielarus'. – Riezhim dostupa: <https://pravo.by/document/?guid=-12551&p0=P219s0001>. – Data dostupa: 10.10.2024.

12. Joint Communication: The EU's Cybersecurity Strategy for the Digital Decade [Electronic resource] // European Commission. – Mode of access: <https://ec.europa.eu/newsroom/dae/redirection/document/72164>. – Data dostupa: 20.10.2024.

13. National Cybersecurity Strategy (March 2023) [Electronic resource] // The White House. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2023/03/National-Cybersecurity-Strategy-2023.pdf>. – Data dostupa: 20.10.2024.

14. Strategichieskaja koncepcija NATO 2022 goda (priniata glavami gosudarstv i pravitiel'stv na vstriechie v vierkhakh NATO v Madride 29 ijunia 2022 g.) [Elektronnyj riesurs] // Organizacija Sievieroatlantichieskogo dogovora. – Riezhim dostupa: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/-assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept-ru.pdf. – Data dostupa: 20.10.2024.

15. Centres of Excellence [Electronic resource] // North Atlantic Treaty Organization. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_68372.htm. – Date of access: 20.10.2024.

16. Khartija Shankhajskej organizacii sotrudnichestva (6 ijunja 2002 goda) [Elektronnyj riesurs] // Priezident Rossii. – Riezhim dostupa: <http://www.kremlin.ru/supplement/3450>. – Data dostupa: 20.10.2024.

17. Astaninskaja dieklaracija Sovieta glav gosudarstv – chlienov Shankhajskej organizacii sotrudnichestva (4 ijulia 2024 g.) [Elektronnyj riesurs] // Shankhajskej organizacija sotrudnichestva. – Riezhim dostupa: <https://rus.sectso.org/20240704/1420683.html>. – Data dostupa: 20.10.2024.

18. Pravila poviedienija v oblasti obiespiecheniya miezhdunarodnoj informacionnoj bezopasnosti [Elektronnyj riesurs] : Prilozhenije k pis'mu postojannykh predstaviteliej Kazakhstana, Kitaja, Kyrgyzstana, Rossijskej Fiedieracii, Tadzhikestana i Uzbekistana pri Organizacii Objedinionnykh Nacij ot 9 janvaria 2015 goda na imia Gienieral'nogo siekrietaria (A/69/723) // Organizacija Objedinionnykh Nacij. – Riezhim dostupa: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n15/014/04/pdf/n-1501404.pdf>. – Data dostupa: 20.10.2024.

19. Ob iniciativie stran – chlienov ShOS «Pravila poviedienija v oblasti obiespiecheniya miezhdunarodnoj informacionnoj bezopasnosti» [Elektronnyj riesurs] // M-vo inostr. diel Ros. Fiedieracii. – Riezhim dostupa: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/mezhdunarodnaa-informacionnaa-bez-opasnost/1582268/. – Data dostupa: 20.10.2024.

20. Makei, V. V. Liberal International Order: Can It Be Saved in Today's Non-Hegemonic World? / V. V. Makei // Russia in Global Affairs. – 2023. – Nr 21 (1). – P. 114–130.

21. «Cifra» i iskusstviennyj intielliekt na sluzhbie diplomatii : analit. dokl. / Ye. S. Zinov'jeva [i dr.] ; pod ried. Ye. S. Zinov'jevoj. – M. : MGIMO, 2024. – 47 s.

22. Riezoliucija Gienieral'noj Assamblei OON 77/36 «Dostizhenija v sfierie informatizacii i tieliekommunikacii v sfierie miezhdunarodnoj bezopasnosti» [Elektronnyj riesurs] : priniata 7 diekabria 2022 g. // Nacional'naja asociacija miezhdunarodnoj informacionnoj bezopasnosti. – Riezhim dostupa: https://namib.online/wp-content/uploads/2023/01/A_RES_77_36-RU-%D0%9C%D0%98%D0%917.12.2022.pdf. – Data dostupa: 15.10.2024.

Руканіс наступіў у рэдакцыю 12.11.2024

УДК 329.05

Міхаіл Сяргеевіч Мамекін*аспірант 3-го года абучання ў форме суіскальніцтва каф. паліталогіі,
ст. выкладчык каф. паліталогіі**Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта***Mikhail Mamekin***3-d Year Graduate Student of the of the Form of Suicide of Department of Political Science,
Senior Lecturer of the Department of Political Science**of Belarusian State University**e-mail: mafakoff23@mail.ru***ІНСТЫТУЦЫЯНАЛІЗАЦЫЯ ПАЛІТЫЧНЫХ ПАРТЫЙ У РЭСПУБЛІЦЫ БЕЛАРУСЬ**

Артыкул прысвечаны вызначэнню сутнасці працэсу інстытуцыяналізацыі. Разгледжаны агульныя заканамернасці інстытуцыяналізацыі палітычных партый, а таксама вызначаны асаблівасці субпрацэсаў інстытуцыяналізацыі палітычных партый, у прыватнасці прававой інстытуцыяналізацыі. Вызначаны асноўныя этапы палітычнай інстытуцыяналізацыі партый у Беларусі і вылучана асноўныя формы і напрамкі фарміравання «партыйнага» права ў Рэспубліцы Беларусь.

Ключавыя словы: *палітычны інстытут, палітычная партыя, інстытуцыяналізацыя палітычных партый, канстытуцыяналізацыя палітычных партый, формы і напрамкі прававой інстытуцыяналізацыі партый.*

Institutionalization of Political Parties in Republic of Belarus

The article is devoted to defining the essence of the process of institutionalization. Within the framework of the article, the general regularities of the institutionalization of political parties are considered, as well as the specifics of individual sub-processes of the institutionalization of political parties – in particular, legal institutionalization. The author identifies the main stages of the political institutionalization of parties in Belarus and highlights the main forms and directions of the formation of «party» law in the Republic of Belarus.

Key words: *political institute, political party, institutionalization of political parties, constitutionalization of political parties, forms and directions of legal institutionalization of parties.*

Уводзіны

У сучасных умовах палітычнага жыцця Беларусі пытанне інстытуцыяналізацыі палітычных партый набывае асаблівую актуальнасць. Гэты працэс не толькі адлюстроўвае развіццё палітычнай сістэмы краіны, але і ўплывае на яе стабільнасць і дэмакратычнае развіццё. Улічваючы, што ў Беларусі працэс інстытуцыяналізацыі партый працягваецца, важна вывучыць яго асаблівасці і выклікі, з якімі сутыкаюцца партыі ў сучасных умовах.

Мэтай артыкула з'яўляецца вызначэнне сутнасці працэсу інстытуцыяналізацыі палітычных партый, а таксама аналіз этапаў і асаблівасцей гэтага працэсу ў Беларусі. Дзеля рэалізацыі пастаўленай мэты неабходна выканаць наступныя задачы: вызначыць сутнасць навуковых катэгорый, якія надалей будуць выкарыстаны ў артыкуле; вылучыць складнікі працэсу інстытуцыяналізацыі партый; разгледзіць асаблівасці канкрэтных субпрацэсаў у межах інстытуцыяналізацыі палітычных партый у свеце;

вылучыць асноўныя этапы інстытуцыяналізацыі партый у Беларусі.

Катэгорыяльны апарат даследавання

Катэгорыя «інстытуцыяналізацыі палітычных партый» мае два складнікі. У дачыненні да катэгорыі «палітычная партыя» аўтарам былі зроблены спробы па раскрыцці сутнасці гэтага феномену раней [1]: партыя ёсць арганізаваная група людзей, якая аб'яднана на прынцыпах добраахвотнасці ды валодае агульнымі палітычнымі поглядамі, адлюстраванымі ў праграме партыі, а таксама прадстаўляе інтарэсы пэўных сацыяльных супольнасцей і арыентаваная на дасягненне сваіх мэтаў шляхам атрымання палітычнай улады.

У дачыненні да катэгорыі «інстытуцыяналізацыя» у сучасных сацыяльных навуках няма выразнага і адзінага азначэння. Абумоўлена гэта тым, што катэгорыя «інстытуцыяналізацыя» вытворная ад катэгорыі «інстытут», у дачыненні да якой у айчынай і замежнай навукавай літаратуры няма адзінства меркаванняў. Усе пазіцыі

даследчыкаў адносна вызначэння катэгорыі «інстытут» могуць быць ранжыраваныя на чатыры напрамкі, якія хоць і не ўступаюць у відавочную супярэчнасць, але так ці інакш маюць розныя падставы.

1. Нарматыўны напрамак (М. Вэбэр, Д. Норт, Т. Парсанс, Дж. Шумпетар і інш.), у межах якога інстытут вызначаецца ў якасці набору правілаў, нормаў і працэдур, якія падтрымліваюцца грамадствам ды яго членамі і якія рэгулююць паводзіны людзей у пэўных сітуацыях.

2. Арганізацыйны напрамак (Э. Гідэнс, Р. Даль, А. М. Салаўёў, У. Г. Чарнякін, паводле гэтага напрамку інстытут разумеецца як арганізацыя, структура, аб'яднанне людзей, якое выступае як калектыўны актэр.

3. Інтэракцыйны напрамак (П. Бергер, Т. Лукман, Г. В. Пушкарэва, С. Хантынгтан), у адпаведнасці з якім інстытут разумеюць як калектыўныя, узаемныя дзеянні (практыкі) людзей, якія паўтараюцца зноў і зноў.

4. Комплексны напрамак (А. В. Абрамаў, Г. С. Бондарава, М. С. Бондараў, М. М. Равачкін) – прадстаўнікі гэтага напрамку спрабуюць пераадолець пэўную аднабаковасць трох вышэй апісаных напрамкаў, даўшы ў пэўным сэнсе сінтэтычнае азначэнне катэгорыі «інстытут». Напрыклад, інстытут – сістэма сацыяльных устаноў, якая склалася гістарычна, у якія ўключаны людзі для выканання безасабовых функцый дзеля грамадска значных патрэбаў, і якія забяспечваюць прагрэсіўнае развіццё грамадства праз рэгламентацыю паводзін людзей, а іх абнаўленне напрамую залежыць ад інтэлектуальных магчымасцяў і актуальных патрэбаў канкрэтнага соцыума [2, с. 98].

Уяўляецца, што менавіта чацвёрты напрамак найбольш прадуктыўны і дазваляе нівеліраваць пэўную абмежаванасць трох астатніх. На нашу думку, адной з найбольш удалых «комплексных» дэфініцый палітычнага інстытута з'яўляецца наступная: палітычны інстытут – гэта мадэль адносінаў, якая склалася гістарычна, нарматыўна замацавалася, арганізацыйна аформілася і рэгулярна ўзнаўляецца, а таксама звязана з заваяваннем палітычнай улады, ажыццяўленнем грамадскага кіравання і ўдзелам грамадзян у гэтых працэсах [3, с. 56]. Узяўшы за аснову менавіта такое разуменне палітычнага інстытута, вызначым, што «ін-

стытуцыяналізацыя палітычных партый» – гэта працэс гістарычнага фарміравання і станаўлення, структура-функцыянальнага развіцця, легітымацыі і легалізацыі ў межах палітычнай сістэмы партый як інстытута, які валодае ўласнымі сістэмнымі якасцямі.

Вызначэннем сутнасці і асаблівасцей інстытуцыяналізацыі палітычных партый займаліся многія вядомыя даследчыкі. Так, С. Хантынгтан падкрэслівае, што інстытуцыяналізацыя партый – гэта працэс, з дапамогай якога заканчваецца фарміраванне партый, якія набываюць каштоўнасць і стабільнасць [4, с. 394]. Іншы амерыканскі даследчык К. Джанда пад інстытуцыяналізацыю партый разумеє ступень, з якой партыя матэрыялізуецца ў нешта канкрэтнае ў грамадскай свядомасці, у выніку чаго яна існуе незалежна ад уласных лідараў, рэгулярна ўцягваючыся ў значныя мадэлі паводзін [5, с. 95].

Дж. Лапаламбара вызначыў інстытуцыяналізацыю як «працэс, у выніку якога партыі становяцца ўстойлівымі, прадказальнымі і легітымнымі актэрамі палітычнай сістэмы» [6, с. 15].

А. І. Дзюгурава адзначае, што інстытуцыяналізацыя партый прадстаўляе сабой працэс ператварэння палітычных партый у паўнаважныя канстытуцыйна-прававы і палітычны інстытут [7, с. 13]. Па нашым меркаванні, з улікам разгледжаных вышэй пазіцый і прапанаванага ўласнага азначэння у межах інстытуцыяналізацыі партый можна вылучыць тры субпрацэсы: гістарычнае і структура-функцыянальнае развіццё партый, іх легітымацыя ў межах палітычнай сістэмы, прававая інстытуцыяналізацыя партый.

Гістарычнае і структура-функцыянальнае развіццё партый

Разгледзім асноўныя этапы ў межах першага з азначаных субпрацэсаў, якія характарызуюць якасныя трансфармацыі інстытута партый у гістарычным працэсе:

1) пратапартыйныя групы першабытных грамадстваў: нешматлікія, нерэгулярныя і няўстойлівыя як арганізацыйна, так і ідэйна групы, якія пачынаюць узнікаць ужо ва ўмовах першабытнага грамадства вакол першых органаў кіравання ў межах родаплемяннага ладу;

2) пратапартыйныя саслоўныя групы Антычнасці і Сярэднявечча: розныя слабаарганізаваныя групы, якія не маюць выразнай ідэяльнай арыентацыі і якія ў гэты працяглы перыяд часу складаліся, безумоўна, часцей за ўсё з прадстаўнікоў арыстакратыі, якая мела неабходныя рэсурсы і доступ да ўладных рычагоў (існавалі, аднак, і такія неарыстакратычныя пратапартыйныя групы, як папуляры ў Рымскай рэспубліцы канца II – I ст. да н. э., і гвельфы ў Італіі ў XII–XVI стст.). Гэтыя групы імкнуліся аказваць уплыў на палітычнае жыццё ў розных краінах у вызначаныя эпохі, адстойваючы як саслоўныя, так і часта абмежаваныя групавыя (кланавыя) інтарэсы ці прадстаўляючы нечыя персанальныя інтарэсы ў межах саслоўя арыстакратыі;

3) пратапартыйныя фракцыйныя групы Новага часу: былі прадстаўлены палітычнымі клубамі і саюзамі альбо ж больш устойлівымі палітычнымі саюзамі або клубамі лакальнага характару (напрыклад, Брэтонскі клуб), якія валодалі ўжо пэўнай арганізацыяй у межах парламента, але ўсё яшчэ не мелі выразнай ідэяльнай праграмы і па сваёй сутнасці з'яўляліся закрытымі элітарнымі групамі, адарванымі ад шырокіх пластоў насельніцтва. Можна вылучыць наступныя фактары, якія аказалі ўплыў на ўзнікненне падобных групавых: узмацненне палітычнай канкурэнцыі паміж рознымі сацыяльнымі групамі (паміж феадальнай арыстакратыяй і буржуазіяй, каталікамі і пратэстантамі і інш.); абмежаванне абсалютысцкіх функцый дзяржавы; з'яўленне і развіццё парламентарызму; узнікненне аўтаномнай асобы і яе жаданне актыўна ўдзельнічаць у грамадска-палітычным жыцці і аказваць уплыў на ўладу;

4) сучасныя палітычныя партыі Найноўшага часу: маюць выразную і разгалінаваную арганізацыйную структуру, вызначаную статутам, які быў прыняты на з'ездзе, а таксама зацверджаную на з'ездзе канкрэтную ідэяна-палітычную праграму. Сучасныя партыі арыентаваны на прадстаўніцтва больш шырокіх групавых інтарэсаў, што робіць іх масавымі палітычнымі арганізацыямі. Вылучаюцца два ключавыя фактары ўзнікнення сучасных партый – пашырэнне выбарчага права і ўзнікненне арганізаванага працоўнага руху.

Легітымацыя палітычных партый

У сучасных умовах узровень легітымнасці партый можна вымяраць колькасна: рэйтынгі даверу партыям, вынікі ўдзелу партый у выбарах рознага ўзроўня і г. д. Да Найноўшага часу найбольш выразна ацаніць узровень даверу да пратапартыйных утварэнняў можна праз аналіз палітыка-філасофскіх дактрын і канцэпцый. Доўгі час ў палітычнай тэорыі існавала ўстойлівая традыцыя антыпартызму, г. зн. крытычнага, у лепшым выпадку стрыманага стаўлення да пратапартыйных утварэнняў, аж да адмаўлення іх неабходнасці і карыснасці ў грамадстве. Карані антыпартызму сягаюць у часы Антычнасці. Само слова «партыя», якім ужо ў Антычнасці абазначалі розныя палітычныя групы, паходзіць ад лацінскага «pars», што азначае «частка», паказваючы, што партыя прадстаўляе не агульныя інтарэсы, а інтарэсы пэўнай групы ў грамадстве. Арыстоцель у «Палітыцы» дзяліў полісы на правільныя, дзе кіраўнікі імкнуцца да агульных дабротаў, і няправільныя, дзе яны адстойваюць свае прыватныя інтарэсы. Такім чынам, партыя, арыентаваная на прыватныя інтарэсы, упісваецца ў арыстоцэлеўскую логіку няправільных палітычных структур і асацыюецца з палітычным злом.

У Сярэднявеччы, у эпоху манархій у Еўропе пераважалі кансерватыўныя ідэі аб важнасці адзінства дзяржаўных перакананняў і «гармоніі інтарэсаў» феадальнага грамадства, што выключала існаванне пратапартый у палітыцы і сацыяльнай структуры. У буржуазна-ліберальных дактрынах пратапартыі адхіляліся як носбіты «прыватных інтарэсаў», якія пагражаюць «агульнай волі» народа. Кансерватыўная ідэалогія разглядала пратапартыі як пагрозу традыцыйным структурам і адзінству ўлады.

Аднак з часам узнікла больш памяркоўнае стаўленне да пратапартый, упершыню выказанае Н. Макіявелі і Ф. Бэканам, якія ўбачылі ў іх натуральны вынік палітычнай барацьбы, хоць і прызнавалі, што гэта пагражае дабрабыту і цэласнасці грамадства. Рэалізм у стаўленні да пратапартый праявіўся таксама ў творах «бацькоў-заснавальнікаў» ЗША. Пераход да прызнання партый звязаны з эвалюцыяй дэмакратычных інстытутаў і развіццём саміх партый, што ў XIX ст. прывяло да фарміравання

сучаснага тыпу палітычнай партыі і іх прававой інстытуцыяналізацыі.

Правая інстытуцыяналізацыя партый

Станаўленне любога палітычнага інстытута, у тым ліку і палітычнай партыі, прадугледжвае іх прававое афармленне. Правая ж інстытуцыяналізацыя партый – параўнальна новая з’ява ў сучасным праве. Пад прававой інстытуцыяналізацыяй палітычных партый варта разумець працэс легалізацыі партый у межах палітычнай сістэмы, звязаны з фарміраваннем партыйнага права (фарміравання дзяржавай нарматывных узораў іх дзейнасці). Існуюць розныя аўтарскія пазіцыі наконт азначэння гэтай з’явы. Так, А. В. Курчкін вызначае, што «правая інстытуцыяналізацыя палітычных партый уяўляе сабой працэс трансфармацыі грамадскіх форм асацыяцыі грамадзян (не аформленых у адпаведнасці з патрабаваннямі дзеючага заканадаўства), аб’яднаных агульнай палітычнай мэтай, у палітыка-прававы інстытут шляхам уключэння іх у сферу комплексу адносін, што рэгулююцца правам і што звязаны са стварэннем, арганізацыяй і дзейнасцю палітычных партый» [8 с. 35]. Прычым у межах субпрацэсу прававой інстытуцыяналізацыі навукоўцы вылучаюць уласныя складнікі: канстытуцыяналізацыю, г. зн. уключэнне ў Канстытуцыю асноўных прынцыпаў статусу палітычных партый, і заканадаўчую інстытуцыяналізацыю, у выніку якой прававое становішча партыі атрымлівае далейшае рэгуляванне ў спецыяльных законах і іншых нарматывна-прававых актах, што канкрэтызуюць канстытуцыйныя палажэнні. Умоўна можна вылучыць некалькі этапаў прававога рэгулявання палітычных партый.

У канцы XIX – пачатку XX ст., нягледзячы на структурна-функцыянальнае афармленне партый і іх легітымацыю, права практычна ігнаравала існаванне і дзейнасць палітычных партый.

У міжваенны перыяд у шэрагу краін упершыню замацоўваюцца канстытуцыйныя палажэнні аб дзейнасці палітычных партый (Канстытуцыі Чэхаславакіі, Аўстрыі, Уругвая), аднак гэтыя канстытуцыі абмяжоўваліся толькі кароткім згаданнем аб партыях. Больш шырокая правая рэгламентацыя дзейнасці партый пачынаецца ў

межах выбарчага і парламенцкага заканадаўства.

Пасля Другой сусветнай вайны аб’ектам прававога рэгулявання становіцца увесь комплекс адносін, звязаных са стварэннем і дзейнасцю партый. Галоўнай асаблівасцю гэтага этапу з’яўляецца шырокае канстытуцыйнае прызнанне палітычных партый (пасляваенныя Канстытуцыі Грэцыі, Іспаніі, Італіі, ФРГ і інш.), а таксама прыняцце ў шэрагу краін спецыяльных законаў аб палітычных партыях (ФРГ – 1967 г., Партугалія – 1974 г. і інш.). У выніку да 1960–1970-х гг. была створана досыць разгорнутая правая база дзейнасці палітычных партый. Крушэнне таталітарных і аўтарытарных рэжымаў на мяжы 1980–1990-х гг. паслужыла важным штуршком для далейшага ўдасканалення інстытуцыяналізацыі партый.

Сёння правая інстытуцыяналізацыя партый набывае ўніверсальны характар, пашыраючы межы рэгулявання дзейнасці партый. Асноўныя формы прававой інстытуцыяналізацыі палітычных партый ўключаюць:

1) канстытуцыйнае замацаванне прававога статусу партый, асноватворных прынцыпаў арганізацыі і функцыянавання партый;

2) спецыяльныя нарматывныя акты (законы, дэкрэты, пастановы) аб палітычных партыях, якія развіваюць канстытуцыйныя палажэнні, рэгламентуючы парадак стварэння і рэгістрацыі партый, вызначаючы іх асноўныя задачы і функцыі, пытанні фінансавай дзейнасці і інш;

3) іншыя нарматывна-прававыя акты, якія рэгламентуюць асобныя бакі дзейнасці палітычных партый (законы аб выбарах, аб сродках масавай інфармацыі, падатковы кодэкс, рэгламенты палат парламента);

4) судовыя рашэнні і прэцэдэнты (гэтая форма атрымала досыць шырокае распаўсюджанне ў палітыка-прававой практыцы ЗША, Канады, Англіі і іншых краінах).

У агульным плане можна вылучыць ключавыя напрамкі прававой інстытуцыяналізацыі палітычных партый:

1) замацаванне права грамадзян на аб’яднанне, свабоды стварэння і дзейнасці палітычных партый;

2) рэгламентацыя парадку ўтварэння, прыпынення і спынення дзейнасці партый;

3) вызначэнне месца і ролі партый у палітычнай сістэме, іх задач, функцый, правоў і абавязкаў;

4) рэгламентацыя ўзаемаадносін палітычных партый з іншымі палітычнымі інстытутамі;

5) рэгуляванне фінансавай дзейнасці палітычных партый.

Працэс інстытуцыяналізацыі партый на беларускіх землях рухаўся адпаведна апісаным раней этапам гістарычнага і структурна-функцыянальнага развіцця партый, а таксама іх легітымацыі, хаця і з відавочным адставаннем ад краін Захаду. Партыі як інстытут фарміраваліся на працягу стагоддзяў у выглядзе розных пратэпартыйных групавак (ад шляхецкіх і магнцкіх групавак Радзівілаў, Сапегаў і г. д. да фракцыйных групавак у Соймах Рэчы Паспалітай – патрыятычнай і гетманцкай партый). Сучасныя палітычныя партыі на тэрыторыі Беларусі пачынаюць узнікаць у канцы XIX – пачатку XX ст. (Беларуская сацыялістычная Грамада, Краёвая партыя Літвы і Беларусі, Канстытуцыйна-каталіцкай партыяй Літвы і Беларусі і інш.). Паводле апошніх гістарычных даследаванняў, у Расійскай Імперыі на мяжы XIX–XX ст. з’явілася каля 300 палітычных партый, арганізацый і рухаў, з якіх каля 60 прэтэндавалі на ролю агульнарасійскіх, а астатнія мелі рэгіянальны ці нацыянальны характар. Маніфест ад 17 кастрычніка 1905 г. і прынятыя пасля яго ўказы аб выбарах, скліканні Дзяржаўнай Думы, аб таварыствах і саюзах адзначылі пачатак працэсу прававой інстытуцыяналізацыі ў Расійскай імперыі. Аднак перамога большавікоў прывяла да паступовага адыходу з гістарычнай сцэны астатніх палітычных партый, прыпыніўшы у тым ліку працэс інстытуцыяналізацыі партый.

За час існавання СССР не склаўся вопыт належнага прававога рэгулявання палітычных партый. Агульныя патрабаванні да партый не выходзілі за межы патрабаванняў да грамадскіх аб’яднанняў, а савецкае заканадаўства аб грамадскіх арганізацыях не было глыбокім. Толькі «Палажэнне аб добраахвотных таварыствах і саюзах» ад 1932 г. рэгулявала стварэнне грамадскіх аб’яднанняў. Нормы, якія тычыліся партый, з’яляюцца ў Канстытуцыях СССР пачынаючы з 1936 г. Артыкул 126 Канстытуцыі 1936 г. абвешчаў свабоду аб’яднанняў, але

усталёўваў, што «найбольш свядомыя і актыўныя грамадзяне аб’ядноўваюцца ў Камуністычную партыю». Канстытуцыя 1977 г. вызначыла КПСС ядром палітычнай сістэмы. Аднапартыйнасць не была прама замацавана, аднак фактычна існавала манополія адной партыі. Усё вышэй згаданае ў спалучэнні з бюракратызаванасцю КПСС і стратай ёю легітымнасці не спрыяла інстытуцыяналізацыі партый.

Інстытуцыяналізацыя партый у суверэннай Беларусі

У працэсе інстытуцыяналізацыі палітычных партый у суверэннай Беларусі можна вылучыць некалькі этапаў.

1. Перыяд зараджэння палітычных партый у межах савецкай палітычнай сістэмы (1985–1990 гг.). Гэты пераходны перыяд звязаны з абвешчэннем галаснасці ў савецкім грамадстве, стратай легітымнасці і пануючай ролі КПСС і КПБ, а таксама фарміраваннем першых некамуністычных грамадскіх рухаў (Талака, Тутэйшыя, Мартыралог Беларусі і інш.) і іх пераўтварэннем у палітычныя партыі. У лютым 1990 г. пазачарговы з’езд народных дэпутатаў СССР адмяніў арт. 6 Канстытуцыі СССР, што фактычна азначала легалізацыю прынцыпу палітычнага плюралізму і адкрыла шлях да шматпартыйнасці. 9 кастрычніка 1990 г. быў прыняты Закон СССР «Аб грамадскіх аб’яднаннях», які гарантаваў грамадзянам свабоду стварэння грамадскіх аб’яднанняў і спрасціў працэдуру іх рэгістрацыі. 4 сакавіка 1990 г. адбыліся першыя свабодныя выбары ў БССР, падчас якіх з’явілася апазіцыя КПБ у выглядзе БНФ у Вярхоўным Савеце. У гэты перыяд былі прыняты Пастанова Вярхоўнага Савета БССР ад 28.07.1990 № 222-XII «Аб рэгістрацыі грамадскіх аб’яднанняў у Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспубліцы», Пастанова Савета Міністраў БССР ад 03.10.1990 № 255 «Аб зацвярджэнні Часовага палажэння аб парадку ўтварэння і дзейнасці грамадскіх аб’яднанняў грамадзян у Беларускай ССР», у якіх было замацавана, што заснавальнікамі палітычных партый могуць быць не менш за сто грамадзян краіны, пры гэтым была ўсталявана неабходнасць выплаты дзяржаўнай пошліны ў памеры 10 мінімальных акладаў, што было значнай перашкодай для рэгістрацыі. У гэты перыяд

былі закладзены ўмовы фарміравання партыйнай сістэмы суверэннай Беларусі.

2. Пачатак інстытуцыяналізацыі палітычных партый у суверэннай Беларусі (1991 г. – да парламенцкіх выбараў 1995 г.). Пачынаецца працэс актыўнага партыйнага будаўніцтва і легітымацыі партый у межах палітычнай сістэмы (рэйтынгі папулярнасці канкрэтных беларускіх партый у гэты перыяд дасягаюць самых высокіх пазнак (КПБ на 03.1991 г. – 52,1 %; ПКБ на 11.1995 г. – 34,9 %; БНФ на 11.1991 г. – 18,6 %), разгортваюцца працэсы канстытуцыяналізацыі і заканадаўчай інстытуцыяналізацыі партый у Беларусі. З’яўляюцца важнейшыя палажэнні, якія тычацца дзейнасці палітычных партый у прынятай у 1994 г. Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь (артыкулы 4, 5, 36 і 102). У гэты перыяд прымаецца першы спецыяльны нарматыўны прававы акт, які ўрэгуляваў асновы дзейнасці палітычных партый у Беларусі – Закон Рэспублікі Беларусь «Аб палітычных партыях», у якім лік заснавальнікаў партыі быў павялічаны са 100 да 500 чалавек, адбылося павелічэнне дзяржпошліны за рэгістрацыю да 50 заработных плат. У канцы 1994 – пачатку 1995 г. была праведзена перарэгістрацыя партый. У прынятых на гэтым этапе нарматыўных актах былі закладзены асноўныя напрамкі прававой інстытуцыяналізацыі партый: рэгламентацыя парадку ўтварэння, прыпынення і спынення дзейнасці партый; вызначэнне месца і ролі партый у палітычнай сістэме, іх правоў і абавязкаў; рэгламентацыя ўзаемаадносін палітычных партый з іншымі палітычнымі інстытутамі; рэгуляванне фінансавай дзейнасці палітычных партый і інш. На гэтым этапе з’яўляецца большасць дзеючых да 2023 г. беларускіх партый.

3. Трансфармацыя палітычнай сістэмы Беларусі і прыпыненне працэсу інстытуцыяналізацыі партый (1995–1999 гг.). Палітычны крызіс, якія зараджаецца і дасягае апагею ў гэты перыяд у Беларусі, не мог не аказаць уплыву на працэсы інстытуцыяналізацыі партый. У 1996 г. у Рэспубліцы Беларусь быў праведзены лёсавызначальны рэферэндум, па выніках якога Вярхоўны Савет прыпыніў сваё існаванне і быў утвораны новы двухпалатны Парламент са значна меншымі паўнамоцтвамі. Вялікі ўплыў на працэс інстытуцыяналізацыі пар-

тый аказаў Дэкрэт Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь ад 26 студзеня 1999 г. «Аб некаторых мерах па ўпарадкаванні дзейнасці палітычных партый, прафесійных саюзаў і грамадскіх аб’яднанняў». У адпаведнасці з ім была павялічана мінімальная колькасць членаў партыі, патрэбная для яе рэгістрацыі, з 500 да 1 000 чалавек. У 1999 г. была праведзена чарговая перарэгістрацыя партый, па выніках якой лік дзеючых партый значна скараціўся. Гэты перыяд характарызуецца аб’яднаннямі і шматлікімі расколамі ў шэрагах саміх партый (стварэнне АГП, раскол ПКБ, раскол БНФ).

4. Дэлеgetымацыя і паступовы заняпад партый (2000–2022 гг.). Практычна ўвесь гэты перыяд партыі ў Беларусі знаходзяцца ў нефункцыянальным стане, што было звязана як з пэўнымі асаблівасцямі палітычнай сістэмы Беларусі на гэтым этапе, так і з канкрэтнымі недахопамі ў дзейнасці саміх партый. Напрыклад, неэфектыўнымі формамі працы з насельніцтвам, неактуальнасцю і слабай распрацаванасцю партыйных праграм, слабай матэрыяльна-тэхнічнай базай і нізкай прадстаўленасцю ў СМІ і сацыальных медыя, крызісамі лідарства і іміджавымі стратамі, невысокім кааліцыйным патэнцыялам партый і інш. Пры гэтым працэсы прававой інстытуцыяналізацыі працягваліся. Прымаліся і ўдасканаліся нарматыўна-прававыя акты, якія рэгламентавалі асобныя бакі дзейнасці палітычных партый. Напрыклад, Выбарчы кодэкс (паводле якога партыі валодаюць пэўнымі выбарчымі прывілеямі: вылучэнне кандыдатаў, удзел у фарміраванні выбарчых камісій і г. д.), Закон «Аб сродках масавай інфармацыі» і інш. Рэйтынгі партый паступова пачынаюць падаць (напрыклад, самай рэйтынгавай партыяй у 2008 г. з паказчыкам у 2 % была ЛДПБ, пры гэтым супраць усіх прагаласавалі 22,7 % рэспандэнтаў, а не змаглі даць адказ 63,8 %; у 2010 г. самай рэйтынгавай была БСДГ – 1,6 %; супраць усіх прагаласавалі 21,5 %; не змаглі даць адказ 65,5 %).

5. Трансфармацыя палітычнай сістэмы і магчымы новы этап інстытуцыяналізацыі партый (2023 г. – цяперашні час). У межах новай стратэгіі развіцця беларускай палітычнай сістэмы пасля рэферэндуму 2022 г. быў намечаны новы вектар – далейшае паступальнае развіццё грамадзянскай

супольнасці і рэфармаванне партыйнай сістэмы краіны на аснове традыцыйных аснова-творных каштоўнасцей беларускага народа. Прававой асновай рэалізацыі гэтага вектара стала падпісанне Кіраўніком беларускай дзяржавы 14 лютага 2023 г. законаў «Аб асновах грамадзянскай супольнасці» і «Аб змяненні законаў па пытаннях дзейнасці палітычных партый і іншых грамадскіх аб'яднанняў». Паводле апошняга лік заснавальнікаў, неабходны для стварэння і дзейнасці палітычнай партыі, быў павялічаны з 1 000 да 5 000. Пры гэтым ад кожнай з абласцей і г. Мінска неабходна не менш як 100. Упершыню былі сфармуляваны асноўныя мэты і задачы палітычных партый: забеспячэнне непахіснасці канстытуцыйнага ладу і грамадзянскай згоды; удзел у кіраванні дзяржавай праз сваіх прадстаўнікоў; садзейнічанне рэалізацыі і абароне правоў, свабод і інтарэсаў грамадзян; фарміраванне сталай палітычнай самасвядомасці грамадзян; фарміраванне грамадскай думкі; забеспячэнне сацыяльнай справядлівасці; палітычная адукацыя і выхаванне грамадзян, таксама іншыя мэты і задачы, якія не супярэчаць Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь і актам заканадаўства [9].

Заканадаўчыя змены прывялі да скарачэння ліку зарэгістраваных партый. Сёння ў Беларусі дзейнічаюць чатыры партыі. Пры гэтым паводле сацыялагічнага апытання, праведзенага ў сакавіку 2023 г., давяраюць беларускім палітычным партыям 27,3 % насельніцтва, не давяраюць 31 %, не змаглі даць адказ 41,7 % [10, с. 138]. Упершыню з 1995 г. партыі даволі значна прадстаўлены ў Парламенце: партыя «Белая Русь» (па выніках мінулых выбараў у Палату Прадстаўнікоў – 51 дэпутат, ці 46,4 % месцаў); Рэспубліканская партыя працы і справядлівасці (8 дэпутатаў, ці 7,3 % месцаў); Камуністычная партыя Беларусі (7 дэпутатаў, ці 6,4 % месцаў); Ліберальна-дэмакратычная партыя Беларусі (4 дэпутаты, ці 3,6 % месцаў).

Заклучэнне

На сённяшні дзень можна з упэўненасцю сцвярджаць, што працэс інстытуцыяналізацыі партый у Беларусі не скончаны. Гэтаму спрыяў вялізны шэраг фактараў, якія запавольвалі ці цалкам прыпынялі гэты працэс ад моманту ўзнікнення першых сучасных партый да сённяшняга дня: асабліва сцісці палітычных сістэм, у склад якіх ўваходзілі беларускія землі (абсалютызм у Расійскай імперыі, а затым таталітарная аднапартыйная сістэма СССР); рэвалюцыйныя і ваенныя ўзрушэнні першай паловы XX ст.; слабае развіццё інстытуту парламентарызма і грамадзянскай супольнасці; фарміраванне неактывісцкага тыпу палітычнай культуры і інш. Пасля распаду СССР інстытуцыяналізацыя партый распачалася практычна з пачатку.

Разгледжаныя этапы інстытуцыяналізацыі партый у суверэннай Беларусі сведчаць аб тым, што гэты працэс зноў запаволіўся з сярэдзіны 1990-х г. Сёння відавочнымі з'яўляюцца непаслядоўнасць гэтага працэсу ў параўнанні з агульнасусветнымі тэндэнцыямі, што звязана з асаблівасцямі палітычнай сістэмы нашай краіны і ўкараненнем карпаратыўнай мадэлі прадстаўніцтва інтарэсаў.

Палітычныя партыі як інстытут не атрымалі паслядоўнага гістарычнага і структурна-функцыянальнага развіцця, працэс легітымацыі не завершаны. Пры гэтым прававая інстытуцыяналізацыя ідзе вельмі актыўнымі тэмпамі і рэалізуецца ў розных формах і напрамках, якія адпавядаюць агульнасусветным тэндэнцыям фарміравання партыйнага права. Аднак распачатая ў 2023 г. трансфармацыя палітычнай сістэмы можа стаць неабходным імпульсам да інтэнсіфікацыі партыйнага жыцця і ўзмацнення ролі партый у палітычнай сістэме.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Решетников, С. В. Понятие политической партии и партийной системы: теоретические аспекты / С. В. Решетников, М. С. Мамакин // Труд. Профсоюзы. Общество (МИТСО). – 2022. – № 1 (75). – С. 98–107.

2. Равочкин, Н. Н. Концептуализация понятия «институт» в современном социально-философском дискурсе / Н. Н. Равочкин, Н. С. Бондарев, Г. С. Бондарева // Социодинамика. – 2020. – № 4. – С. 85–98.
3. Абрамов, А. В. Политический институт и политическая институционализация: определение понятий / А. В. Абрамов // Власть. – 2010. – № 5. – С. 53–55.
4. Huntington, S. P. Political Development and Political Decay / S. P. Huntington // World Politics. – 1965. – Vol. 17, nr 3. – P. 386–430.
5. Джанда, К. Сравнение политических партий: исследование и теория / К. Джанда // Соврем. сравнит. политология. – М. : МОНФ, 1997. – С. 84–144.
6. La Palombara, J. Political Parties and Political Development / J. La Palombara, M. Weiner // Political Science. – Princeton University Press, 1966. – 487 p.
7. Дюгурова, А. И. Институционализация партийной системы в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / А. И. Дюгурова. – Казань, 2011. – 23 с.
8. Курочкин, А. В. Особенности правовой институционализации политических партий / А. В. Курочкин // Учен. зап. Казан. гос. ун-та. Гуманитар. науки. – 2008. – Т. 150, кн. 5. – С. 35–44.
9. Об изменении законов по вопросам деятельности политических партий и других общественных объединений [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 14 февр. 2023 г., № 251-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=H12300251>. – Дата доступа: 20.08.2024.
10. Шендик, Т. А. Партийное строительство в Беларуси: сущность, предпосылки, технологии / Т. А. Шендик. – Минск : РИВШ, 2023. – 208 с.

REFERENCES

1. Rieszhetnikov, S. V. Poniatije politichieskoj partii i partijnoj sistiemy: tieorietichieskije aspiekty / S. V. Rieszhetnikov, M. S. Mamiekin // Trud. Profsojuzy. Obshchestvo (MITSO). – 2022. – № 1 (75). – С. 98–107.
2. Ravochkin, N. N. Konceptualizacija poniatija «institute» v sovriemiennom social'no-filosofskom diskursie / N. N. Ravochkin, N. S. Bondariev, G. S. Bondarieva // Sociodinamika. – 2020. – № 4. – С. 85–98.
3. Abramov, A. V. Politichieskij institut i politichieskaja institucionalizacija: opriedielienije poniatij / A. V. Abramov // Vlast'. – 2010. – № 5. – С. 53–55.
4. Huntington, S. P. Political Development and Political Decay / S. P. Huntington // World Politics. – 1965. – Vol. 17, nr 3. – P. 386–430.
5. Dzhandak, K. Sravnienije politichieskikh partij: issliedovanie i tieorija / K. Dzhandak // Sovriemiennaja sravnitel'naja politologija. – M. : MONF, 1997. – С. 84–144.
6. La Palombara, J. Political Parties and Political Development / J. La Palombara, M. Weiner // Political Science. – Princeton University Press, 1966. – 487 p.
7. Diugurova, A. I. Institucionalizacija partijnoj sistiemy v Rossijskoj Fiedieracii : avtorief. dis. ... kand. polit. nauk : 23.00.02 / A. I. Diugurova. – Kazan', 2011. – 23 s.
8. Kurochkin, A. V. Osobiennosti pravovoj institucionalizacii politichieskikh partij / A. V. Kurochkin // Uchion. zap. Kazan. gos. un-ta. Gumanitar. nauki. – 2008. – Т. 150, кн. 5. – С. 35–44.
9. Ob izmienienii zakonov po voprosam diejatiel'nosti politichieskikh partij i drugikh obshchestviennykh objedinienij [Eliektronnyj riesurs] : Zakon Riesp. Bielarus', 14 fievr. 2023 g., № 251-Z // Nacional'nyj pravovoj Internet-portal Riespubliki Bielarus'. – Riezhim dostupa: <https://pravo.by/-document/?guid=3961&p0=H12300251>. – Data dostupa: 23.02.2024.
10. Shendik, T. A. Partijnoje stroitiel'stvo v Bielarusi: sushchnost', priedposylki, tiekhnologii / T. A. Shendik. – Minsk : RIVSH, 2023. – 208 s.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 04.12.2024

УДК 323.22/.28: 351/354

Дмитрий Викторович Драгун
аспирант 3-го года обучения каф. политологии
Белорусского государственного университета

Dmitry Dragun
3-d Year Postgraduate Student of the Department of Political Science
of Belarusian State University
e-mail: dragun.dim@yandex.ru

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАДИКАЛИЗМУ И ЭКСТРЕМИЗМУ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Рассмотрены модели функционирования государственной антиэкстремистской политики и на основе их анализа дана авторская трактовка термина «государственная политика противодействия радикализму и экстремизму». Предложена периодизация эволюции антиэкстремистского законодательства Республики Беларусь, установлены особенности его применения на каждом из этапов. Эксплицированы концептуально-стратегический и оперативно-тактический уровни реализации государственной политики противодействия радикализму и экстремизму, систематизированы направления ее реализации на современном этапе. По результатам анализа механизмов элиминации радикальных и экстремистских вызовов и угроз национальной безопасности Республики Беларусь сформулированы рекомендации по совершенствованию системы антиэкстремистского законодательства.

Ключевые слова: радикализм, экстремизм, государственная политика, противодействие радикализму и экстремизму.

State Policy of Countering Radicalism and Extremism in the Republic of Belarus

The author considers the models of functioning of the state anti-extremist policy and, based on their analysis, gives the author's interpretation of the term «state policy of countering radicalism and extremism». The periodisation of the evolution of anti-extremist legislation of the Republic of Belarus is offered, the peculiarities of its application at each of the stages are established. The conceptual-strategic and operational-tactical levels of implementation of the state policy of countering radicalism and extremism are explicated, the directions of its implementation at the present stage are systematised. The recommendations for improving the system of anti-extremist legislation are formulated in the conclusion based on the results of the analysis of the mechanisms of elimination of radical and extremist challenges and threats to the national security of the Republic of Belarus.

Key words: radicalism, extremism, state policy, countering radicalism and extremism.

Введение

Противодействие радикализму и экстремизму представляет собой одну из ключевых составляющих обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь в политической сфере. В условиях нарастающей конфликтности политического процесса радикализм и экстремизм приобретают статус ключевых вызовов стабильному функционированию политической системы, что актуализирует поиск эффективных мер нейтрализации указанных деструктивных явлений.

Обеспечение защищенности национальных интересов Республики Беларусь от угроз радикального и экстремистского харак-

тера приобрело особую значимость в 2020 г., когда в день проведения президентских выборов и в постэлекторальный период правоохранительными органами были зафиксированы факты радикализации уличных акций протеста и экстремизм отдельных его участников [1]. Так, количество уголовных дел, возбужденных в связи с отдельными проявлениями экстремизма или действий, ему способствующих, выросло с 26 в 2019 г. до 1 390 в 2020 г., достигло пикового значения 6 265 в 2021 г. и снизилось до 1 873 в 2023 г. [2].

Важность усилий по противодействию радикализму и экстремизму неоднократно подчеркивал Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко: «Обеспечение национальной безопасности – это наша общая задача, каждого гражданина Беларуси» [3].

Научный руководитель – Елена Михайловна Ильина, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии Белорусского государственного университета

Зарубежная наука в последние годы уделяет пристальное внимание международно- и национально-правовым аспектам противодействия радикализму и экстремизму. Существенный вклад в разработку этой темы внесли исследования Х. Бернера и Р. Бертранда, В. В. Бондуrowsкого и С. В. Поспелова, С. В. Иванцова, А. В. Кузьмина, В. Л. Назарова, Дж. Дж. Норриса, А. В. Петрянина, С. Н. Фридинского, М. К. Шейх и И. Свенсена, Я. Ямтеа и Р. Эллефсен. Белорусское академическое сообщество также проявляет значительный исследовательский интерес как к теоретическим аспектам радикализма и экстремизма, так и к разработке мер элиминации указанных деструктивных явлений. Подобная проблематика стала предметом исследования Д. К. Безнюка, Г. А. Василевича, А. Е. Гинько, С. В. Голованова, А. В. Данилова, А. Л. Дединкина, В. Ю. Зайцева, Е. А. Коротич, В. В. Кравца, В. С. Михайловского, Д. В. Осипчика, В. Г. Тихини, А. Е. Чернолевского.

Несмотря на значительный объем публикаций по заявленной теме, остается широкий спектр вопросов, требующих дополнительных исследовательских усилий именно с политологических позиций.

Цель статьи – выявить сущность, генезис и направления реализации государственной политики противодействия радикализму и экстремизму в Республике Беларусь.

Основная часть

В условиях радикализации и экстремизации политического процесса противодействие радикализму и экстремизму является осевым элементом стратегической деятельности государства по нейтрализации угроз национальной безопасности Республики Беларусь в политической сфере для обеспечения безопасности общества и государства, защиты прав, свобод и законных интересов личности, конституционного строя и территориальной целостности Республики Беларусь.

Российский политолог Е. Ю. Воронина, говоря о политике противодействия радикализму и экстремизму, рассматривает возможность конструирования нескольких моделей ее реализации. Традиционно-государственная модель для снижения плотности радикальных и экстремистских

проявлений предполагает формирование влиятельного политического центра, деятельность которого направлена на сохранение стабильного течения политического процесса и легитимацию избранного политического курса. Правовая модель центрируется на учреждении системы юридических норм, которые закрепляют противоправность использования ряда методов политической борьбы, квалифицируемых в качестве экстремистских, и устанавливают административные либо уголовные санкции в случае обращения к ним. Модель взаимодействия государства и гражданского общества предполагает привлечение негосударственных акторов к осуществлению механизмов антиэкстремистской направленности [4, с. 26–27].

Применительно к государственной политике противодействия радикализму и экстремизму в Республике Беларусь, ее деление на различные модели представляется нецелесообразным ввиду невозможности функционирования вышеописанных элементов автономно друг от друга: противодействие радикализму и экстремизму осуществляется государством в тесном взаимодействии с институтами гражданского общества строго на правовой основе.

Таким образом, государственная политика противодействия радикализму и экстремизму представляет собой нормативно регулируемый политический процесс целенаправленной, комплексной управленческой деятельности государственных органов и организаций с привлечением институтов гражданского общества по элиминации радикальных и экстремистских проявлений в политической действительности.

Становление и развитие государственной политики противодействия радикализму и экстремизму тесно связано с эволюцией в Республике Беларусь системы антиэкстремистского законодательства, анализ которой позволяет сделать вывод о следующих этапах ее совершенствования.

I. Антитеррористический (2001–2006 гг.). Развертывание целенаправленной государственной политики противодействия экстремизму в Республике Беларусь стало реакцией на обострение террористических угроз на мировом уровне. На данном этапе терроризм признан в качестве угрозы национальной безопасности для Республики

Беларусь на концептуально-стратегическом уровне в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь (2001 г.) и Военной доктрине Республики Беларусь (2002 г.). Для противодействия ему разработан и введен в действие Закон «О борьбе с терроризмом». Для «антитеррористического» этапа характерны акцентуация на терроризме как наиболее опасной форме экстремизма; опосредованное противодействие «внетеррористическим» формам экстремизма в рамках общей системы уголовного преследования; сочетание концептуально-стратегических и оперативно-тактических уровней противодействия.

II. Антиэкстремистский (2007–2011 гг.). Новый этап государственной политики противодействия экстремизму связан с принятием Законов «О противодействии экстремизму» и «Об информации, информатизации и защите информации», а также новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь (2010 г.). Отныне круг деяний экстремистского характера расширен за счет вербальных форм легитимации насилия в качестве инструмента для изменения конституционного строя Республики Беларусь, не связанных непосредственно с планированием, подготовкой и осуществлением террористических актов. Для «антиэкстремистского» этапа характерны законодательная интерпретация экстремизма как деструктивного проявления политической действительности и разработка способов противодействия ему; окончательное формирование специальной системы противодействия вербальным и силовым формам экстремизма; упор на оперативно-тактический уровень противодействия экстремизму при сохранении и воспроизводстве стратегического восприятия экстремизма как угрозы национальной безопасности Республики Беларусь.

III. Координационный (2012–2019 гг.). Триггером начала нового этапа государственной политики противодействия экстремизму в Республике Беларусь выступил теракт в Минском метрополитене 11 апреля 2011 г., продемонстрировавший сохраняющуюся актуальность вопросов противодействия экстремизму и терроризму и необходимость дальнейшего совершенствования государственной системы противодействия указанным явлениям. Для «координацион-

ного» этапа характерны модернизация системы противодействия экстремизму за счет пересмотра компетенций, порядка деятельности и способов координации субъектов противодействия экстремизму; расширение концептуально-стратегических основ государственной политики в условиях информационного общества при сохранении приоритетного внимания к оперативно-тактическим инструментам противодействия экстремизму.

IV. Эскалационный (2020 г. – настоящее время). Начало качественно нового этапа государственной политики противодействия экстремизму является ответом на инспирированные извне массовые беспорядки, направленные против конституционного строя и территориальной целостности Республики Беларусь, прав и свобод граждан, безопасности общества и государства. Для «эскалационного» этапа характерны кардинальное реформирование государственной политики противодействия радикализму и экстремизму и ее адаптация к вызовам и угрозам межгосударственного противостояния; расширение пространства применения государственной политики противодействия радикализму и экстремизму за счет формулирования и интеграции форм взаимодействия государства и гражданского общества, направленных на профилактику деструктивных проявлений; расширение практики концептуально-стратегического закрепления основных направлений противодействия экстремизму при расширении практик применения оперативно-тактического инструментария регулятивного воздействия.

В настоящее время в Республике Беларусь сложилась двухуровневая модель государственной политики противодействия радикализму и экстремизму. На **концептуально-стратегическом уровне** законодателям провозглашаются актуальность противодействия радикализму и экстремизму как основным вызовам политической безопасности Республики Беларусь в современных условиях, а также устанавливаются ключевые векторы профилактики указанных деструктивных явлений.

Конституция Республики Беларусь в ч. 3 ст. 1 определяет, что государство «защищает свою независимость и территориальную целостность, конституционный

строй, обеспечивает законность и правопорядок» [5]. Согласно ч. 3 ст. 5, «запрещается создание и деятельность политических партий, а равно других общественных объединений, имеющих целью насильственное изменение конституционного строя либо ведущих пропаганду войны, социальной, национальной, религиозной и расовой вражды» [5].

Концепция национальной безопасности Республики Беларусь устанавливает «проявления экстремизма в любых его формах, в т. ч. терроризма, расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни, возникновение массовых и иных беспорядков, в результате которых создается опасность жизни и здоровью людей, территориальной целостности и существованию государства» [6] в качестве одной из основных угроз национальной безопасности, нейтрализация которой требует «совершенствования системы контртеррористической и антиэкстремистской деятельности, предупреждения и противодействия проявлениям межконфессиональной, межнациональной, расовой и иной социальной вражды на территории Республики Беларусь» [6].

Военная доктрина Республики Беларусь в п. 34 предостерегает о возможности развязывания внутренних вооруженных конфликтов, направленных на насильственное изменение конституционного строя и территориальной целостности государства, путем «инспирированной извне деятельности террористических и экстремистских организаций по дестабилизации обстановки и обострению внутривнутриполитических противоречий, нарушению национального единства в Республике Беларусь» [7].

Концепция правовой политики предусматривает меры по стимулированию правовой активности граждан и консолидации гражданского общества, которые в соответствии с ч. 2 п. 37 указанного нормативного правового акта призваны «способствовать укреплению национального согласия, предупреждению любых форм экстремизма, формированию непотребительского отношения к государству, высокого уровня правосознания, в т. ч. конституционного, правовой культуры, профилактике правового нигилизма» [8].

Кроме того, в соответствии с ч. 2 ст. 4 Закона Республики Беларусь «Об основах гражданского общества» политическая активность субъектов гражданского общества не может быть направлена «на осуществление пропаганды войны или экстремистской деятельности» [9].

В пункте 56 Концепции информационной безопасности декларируется необходимость недопущения «распространения информации, направленной на пропаганду войны, экстремистской деятельности или содержащей призывы к такой деятельности» [10].

На *оперативно-тактическом уровне* специальными нормативными правовыми актами, определяющими правовые и организационные основы государственной политики противодействия радикализму и экстремизму в Республике Беларусь, являются Закон Республики Беларусь «О противодействии экстремизму» и Закон Республики Беларусь «О борьбе с терроризмом».

Общее руководство деятельностью по противодействию экстремизму осуществляют Президент Республики Беларусь и Совет Министров Республики Беларусь. Субъектами государственной политики противодействия радикализму и экстремизму в Республике Беларусь согласно ст. 6 Закона Республики Беларусь «О противодействии экстремизму» и ст. 6 Закона Республики Беларусь «О борьбе с терроризмом» в пределах своей компетенции являются органы внутренних дел; органы государственной безопасности; органы прокуратуры; органы пограничной службы; таможенные органы; Служба безопасности Президента Республики Беларусь; Следственный комитет; Вооруженные Силы Республики Беларусь; республиканские органы государственного управления в сферах культуры, массовой информации, образования, по делам религий и национальностей; Национальная академия наук Беларуси; органы юстиции; органы финансовых расследований Комитета государственного контроля; местные исполнительные и распорядительные органы [11; 12]. В целях совершенствования координации деятельности государственных органов и иных государственных организаций по противодействию экстремизму и борьбе с терроризмом в Республике Беларусь на республиканском уровне функционирует

Межведомственная комиссия по противодействию экстремизму и борьбе с терроризмом [13].

Государственная политика противодействия радикализму и экстремизму в Республике Беларусь включает в себя следующие направления реализации.

1. Гражданское и патриотическое воспитание, формирование духовно-нравственных ценностей, гражданственности и патриотизма.

Ключевыми точками активности государства в рамках данного механизма являются формирование активной гражданской позиции и критического мышления, развитие чувства ответственности за судьбу своей страны, уважительного отношения к Родине, ее истории, традициям, общечеловеческим моральным нормам и этическим принципам, а также к сложившейся на их основе системе юридических норм.

2. Профилактика радикальной и экстремистской деятельности.

В рамках указанного механизма деятельность государства направлена на элиминацию причин и условий радикализации политического процесса путем минимизации влияния радикальных и экстремистских идейных доктрин; адресного превентивного воздействия на лиц, склонных к вовлечению в радикальную и экстремистскую деятельность; заблаговременного прогнозирования угроз безопасности и обеспечения защиты критически важных объектов инфраструктуры; контроля и пресечения распространения информации о способах совершения противоправных действий экстремистской направленности. Комплекс мер по профилактике радикальной и экстремистской деятельности на нормативном правовом уровне получил толкование в Концепции борьбы с терроризмом в Республике Беларусь.

3. Применение административных мер реагирования.

В качестве подобных мер реагирования, направленных на своевременное выявление и пресечение экстремистской деятельности, Закон Республики Беларусь «О противодействии экстремизму» предусматривает официальное предупреждение и предписание; приостановление деятельности организации, представительства иностранной или международной организации,

индивидуального предпринимателя; признание организации, зарегистрированной на территории Республики Беларусь, экстремистской, запрещение ее деятельности и ее ликвидация, а также признание деятельности индивидуального предпринимателя или группы граждан экстремистской и ее прекращение; запрещение деятельности экстремистских иностранных и международных организаций [11].

4. Привлечение к административной ответственности.

Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях включает ряд составов административных правонарушений, предусматривающих ответственность за деяния, связанные с радикализмом и экстремизмом, а именно статьи 19.8, 19.10–19.13 [14].

5. Привлечение к уголовной ответственности.

Уголовный кодекс Республики Беларусь включает в себя ряд составов преступлений, предусматривающих ответственность за осуществление экстремистской деятельности, а именно статьи 124–128, 130, 130.1, 130.2, 289, 289.1, 290, 290.1–290.5, 292, 293, 341.1, 357, 359, 361, 361.1–361.5, 364–366, 368, 369, 369.1, 369.2, 423.1 [15].

6. Минимизация последствий экстремизма и терроризма.

Минимизация последствий актов терроризма включает в себя спасение жизни, сохранение физического и морально-психологического здоровья людей, пострадавших в результате экстремистской деятельности; снижение экономического ущерба объектам материальной инфраструктуры и природной среды, нанесенного вследствие осуществления актов терроризма, а также ресоциализацию лиц, причастных к противоправной радикальной и экстремистской деятельности [16].

Заключение

В результате проведенного исследования выявлены сущность, генезис и направления реализации государственной политики противодействия радикализму и экстремизму в Республике Беларусь, под которой понимается нормативно регулируемый политический процесс целенаправленной, комплексной управленческой деятельности государственных органов и

организаций с привлечением институтов гражданского общества по элиминации радикальных и экстремистских проявлений в политической действительности.

В Республике Беларусь развертывание целенаправленной широкомасштабной государственной политики противодействия радикализму и экстремизму происходило стадийно и к настоящему моменту система антиэкстремистского законодательства сложилась как на концептуально-стратегическом, так и на оперативно-тактическом уровнях. Государственная политика противодействия радикализму и экстремизму в Республике Беларусь включает в себя следующие элементы: гражданское и патриотическое воспитание, формирование духовно-нравственных ценностей, гражданственности и патриотизма; профилактику радикальной и экстремистской деятельности; применение административных мер реагирования; привлечение к административной и к уголовной ответственности; минимизацию последствий экстремизма и терроризма.

По результатам анализа механизмов реализации государственной политики противодействия радикализму и экстремизму в

Республике Беларусь представляется необходимым:

1) создание при Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму и борьбе с терроризмом или в рамках существующих академических и аналитических учреждений специализированной структуры, в сферу компетенции которой будет включено информационно-аналитическое обеспечение деятельности государственных органов и должностных лиц, осуществляющих в пределах своей компетенции противодействие экстремизму;

2) разработать оперативно-тактические аспекты системы социального партнерства по привлечению к деятельности по противодействию радикализму и экстремизму субъектов гражданского общества;

3) включить Всебелорусское народное собрание, Национальное собрание Республики Беларусь, учреждения образования в перечень субъектов противодействия экстремизму;

4) сформулировать индикаторы (показатели) состояния национальной безопасности Республики Беларусь в части защищенности от угроз радикализма и экстремизма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Радикализация «ненасильственных акций» вынуждает правительства принимать все более жесткие меры [Электронный ресурс] // СБ. Беларусь сегодня. – 2020. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/radikalnyy-uklon44.html>. – Дата доступа: 20.10.2024.

2. Швед на заседании генпрокуроров стран ШОС рассказал о борьбе с экстремизмом в инфосреде [Электронный ресурс] // БелТА. – 2024. – Режим доступа: <https://www.belta.by/-society/view/-shved-na-zasedanii-genprokurorov-stran-shos-rasskazal-o-borbe-s-ekstremizmom-v-infosrede-650232-2024/>. – Дата доступа: 20.10.2024.

3. Заседание Совета Безопасности [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал Президента Респ. Беларусь. – 2024. – 16 янв. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/-events/zasedanie-soveta-bezopasnosti-1705392850>. – Дата доступа: 20.10.2024.

4. Воронина, Е. Ю. Политический радикализм как объект политологического анализа : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.01 / Е. Ю. Воронина ; Рос. гос. соц. ун-т. – М., 2013. – 30 с.

5. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

6. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь : решение Всебелорус. нар. собрания, 25 апр. 2024 г., № 5 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

7. Об утверждении Военной доктрины Республики Беларусь : решение Всебелорус. нар. собрания, 25 апр. 2024 г., № 6 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

8. Об утверждении Концепции правовой политики Республики Беларусь : указ Президента Респ. Беларусь, 28 июня 2023 г., № 196 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

9. Об основах гражданского общества : Закон Респ. Беларусь, 14 февр. 2023 г., № 250-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

10. Об утверждении Концепции информационной безопасности Республики Беларусь : постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь, 18 марта 2019 г., № 1 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

11. О противодействии экстремизму : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2007 г., № 203-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2023 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

12. О борьбе с терроризмом : Закон Респ. Беларусь, 3 янв. 2002 г., № 77-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.01.2024 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

13. О Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму и борьбе с терроризмом : указ Президента Респ. Беларусь, 22 нояб. 2021 г., № 450 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

14. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : Закон Респ. Беларусь, 6 янв. 2021 г., № 91-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 03.04.2024 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

15. Уголовный кодекс Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.03.2023 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

16. Об утверждении Концепции борьбы с терроризмом в Республике Беларусь : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 25 июля 2013 г., № 658 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 27.07.2015 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

REFERENCES

1. Radikalizacija «nienasil'stviennykh akcij» vyznuzhdajet pravitiel'stva prinitat' vsio bolieje zhostkije miery [Elektronnyj riesurs] // SB. Bielarus' siegodnia. – 2020. – Riezhim dostupa: <https://www.sb.by/-articles/radikalnyy-uklon44.html>. – Data dostupa: 20.10.2024.

2. Shvied na zasiedanii ghenprokurorov stran ShOS rasskazal o bor'bie s ekstremizmom v infosriedie [Elektronnyj riesurs] // BielTA. – 2024. – Riezhim dostupa: <https://www.belta.by/-society/view/-shved-na-zasedanii-genprokurorov-stran-shos-rasskazal-o-borbe-s-ekstremizmom-v-info-srede-650232-2024/>. – Data dostupa: 20.10.2024.

3. Zasiedaniye Sovieta Biezopasnosti [Elektronnyj riesurs] // Ofic. internet-portal Priezidenta Riesp. Bielarus'. – 2024. – 16 janv. – Riezhim dostupa: <https://president.gov.by/ru/events/zasedanie-soveta-bezopasnosti-1705392850>. – Data dostupa: 20.10.2024.

4. Voronina, Ye. Yu. Politichieskij radikalizm kak objekt politologichieskogo analiza : avtorief. dis. ... kand. polit. nauk : 23.00.01 / Ye. Yu. Voronina ; Ros. gos. soc. un-t. – M., 2013. – 30 s.

5. Konstitucija Riespubliki Bielarus' [Elektronnyj riesurs] : s izm. i dop., priniatymi na riesp. riefieriendumakh 24 nojab. 1996 g., 17 okt. 2004 g. i 27 fievr. 2022 g. // ETALON. Zakonodatiel'stvo Riespubliki Bielarus' / Nac. centr pravovoj inform. Riesp. Bielarus'. – Minsk, 2024.

6. Ob utvierzhdenii Koncepcii nacional'noj biezopasnosti Riespubliki Bielarus' : rieshenije Vsiebielorus. nar. sobranija, 25 apr. 2024 g., № 5 // ETALON. Zakonodatiel'stvo Riesp. Bielarus' / Nac. centr pravovoj inform. Riesp. Bielarus'. – Minsk, 2024.

7. Ob utvierzhdenii Vojennoj doktriny Riespubliki Bielarus' : rieshenije Vsiebielorus. nar. sobranija, 25 apr. 2024 g., № 6 // ETALON. Zakonodatiel'stvo Riesp. Bielarus' / Nac. centr pravovoj inform. Riesp. Bielarus'. – Minsk, 2024.

8. Ob utvierzhdenii Koncepcii pravovoj politiki Riespubliki Bielarus' : ukaz Priezidenta Riesp. Bielarus', 28 ijunia 2023 g., № 196 // ETALON. Zakonodatiel'stvo Riesp. Bielarus' / Nac. centr pravovoj inform. Riesp. Bielarus'. – Minsk, 2024.

9. Ob osnovakh grazhdanskogo obshchestva : Zakon Rесп. Bielarus', 14 fevr. 2023 g., № 250-Z // ETALON. Zakonodatiel'stvo Rесп. Bielarus' / Nac. centr pravovoj inform. Rесп. Bielarus'. – Minsk, 2024.

10. Ob utvierzhdienii Konceptii informacionnoj bezopasnosti Rеспubliki Bielarus' : postanovlenie Sovieta Bezopasnosti Rесп. Bielarus', 18 marta 2019 g., № 1 // ETALON. Zakonodatiel'stvo Rесп. Bielarus' / Nac. centr pravovoj inform. Rесп. Bielarus'. – Minsk, 2024.

11. O protivodiejstvii ekstriemizmu : Zakon Rесп. Bielarus', 4 janv. 2007 g., № 203-Z : v ried. Zakona Rесп. Bielarus' ot 17.07.2023 // ETALON. Zakonodatiel'stvo Rесп. Bielarus' / Nac. centr pravovoj inform. Rесп. Bielarus'. – Minsk, 2024.

12. O bor'bie s tierrorizmom : Zakon Rесп. Bielarus', 3 janv. 2002 g., № 77-Z : v ried. Zakona Rесп. Bielarus' ot 04.01.2024 // ETALON. Zakonodatiel'stvo Rесп. Bielarus' / Nac. centr pravovoj inform. Rесп. Bielarus'. – Minsk, 2024.

13. O Miezhhviedomstviennoj komissii po protivodiejstviju ekstriemizmu i bor'bie s tierrorizmom : ukaz Priezidenta Rесп. Bielarus', 22 nojab. 2021 g., № 450 // ETALON. Zakonodatiel'stvo Rесп. Bielarus' / Nac. centr pravovoj inform. Rесп. Bielarus'. – Minsk, 2024.

14. Kodeks Rеспubliki Bielarus' ob administrativnykh pravonarushenijakh : Zakon Rесп. Bielarus', 6 janv. 2021 g., № 91-Z : v ried. Zakona Rесп. Bielarus' ot 03.04.2024 // ETALON. Zakonodatiel'stvo Rесп. Bielarus' / Nac. centr pravovoj inform. Rесп. Bielarus'. – Minsk, 2024.

15. Ugolovnyj kodeks Rеспubliki Bielarus' : Zakon Rесп. Bielarus', 9 ijulia 1999 g., № 275-Z : v ried. Zakona Rесп. Bielarus' ot 09.03.2023 // ETALON. Zakonodatiel'stvo Rесп. Bielarus' / Nac. centr pravovoj inform. Rесп. Bielarus'. – Minsk, 2024.

16. Ob utvierzhdienii Konceptii bor'by s tierrorizmom v Rеспublikie Bielarus' : postanovlenie Sovieta Ministrov Rесп. Bielarus', 25 ijulia 2013 g., № 658 : v ried. postanovlenija Sovieta Ministrov Rесп. Bielarus' ot 27.07.2015 // ETALON. Zakonodatiel'stvo Rесп. Bielarus' / Nac. centr pravovoj inform. Rесп. Bielarus'. – Minsk, 2024.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 03.11.2024

УДК 327

Юй Ян*аспирант 2-го года обучения каф. международных отношений
Белорусского государственного университета***Yu Yang***2-nd Year Postgraduate Student of the Department of International Relations
of Belarusian State University
e-mail: yuy251471@gmail.com***СЕВЕРНЫЙ МОРСКОЙ ПУТЬ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ
ДЛЯ СОТРУДНИЧЕСТВА БЕЛАРУСИ, КИТАЯ И РОССИИ**

Рассматриваются новые возможности сотрудничества Беларуси, Китая и России на Северном морском пути. Дается описание политики и отношений трех стран к Северному морскому пути, анализируется реальное положение реки Тумэн на северо-востоке Китая и Дальнем Востоке России, и, принимая во внимание тот факт, что Беларусь будет строить порт в России, а также географическое положение реки Тумэн, автор предполагает, что дальнейшее развитие и использование реки Тумэн может привести к расширению потенциала сотрудничества между Беларусью, Китаем и Россией в области водного, железнодорожного и воздушного транспорта. Подчеркивается, что нынешнее трехстороннее сотрудничество реализуется не полностью и что развитие и использование Северного морского водного пути будет способствовать экономическому росту, а также росту импорта и экспорта товаров между тремя странами.

Ключевые слова: Северный морской путь, река Тумэн, Беларусь, Китай, Россия, трехнациональное сотрудничество.

The Northern Sea Route: New Opportunities for Cooperation between Belarus, China and Russia

The article discusses new opportunities for cooperation among Belarus, China and Russia on the Northern Sea Route. The article describes the policies and attitudes of the three countries towards the Northern Sea Route, analyzes the actual situation of the Tumen River in northeast China and the Russian Far East, and taking into account the fact that Belarus will build a port in Russia and the geographical location of the Tumen River, the authors suggest that the repeated development and use of the Tumen River can lead to huge potential for cooperation between Belarus, China and Russia in the field of water, rail and even air transport. It is emphasized that the current trilateral cooperation is not fully utilized and that the development and use of the Northern Sea Route will promote economic growth as well as import and export of goods among the three countries.

Key words: Northern Sea Route, Tumen River, Belarus, China, Russia, trilateral cooperation.

Введение

Северный морской путь (СМП) – сухоходный маршрут в Российской Арктике. Это кратчайший морской путь между Европейской частью России и Дальним Востоком. Проходит по морям Северного Ледовитого океана и частично Тихого океана. Северный морской путь в соответствии с Федеральным законом 1998 г. «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации» определяется как «исторически сложившаяся национальная единая транспортная коммуникация Российской Федерации в Арктике» [1].

Научный руководитель – Руслан Олегович Есин, доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой комплексного изучения развития КНР Белорусского государственного университета

Северный морской путь до начала XX в. в западной литературе обычно именовался «Северо-Восточный проход». О возможности практического использования Северо-Восточного прохода впервые высказался в 1525 г. русский дипломат Дмитрий Герасимов, который опирался на результаты судоходства поморов с XIII в. [2, с. 54–55].

Первый успешный переход по Северному морскому пути был совершен в 1932 г. экспедицией под руководством Отто Юльевича Шмидта на ледоколе «Александр Сибиряков», а 3 декабря 1959 г. был введен в строй первый атомный ледокол флота СССР – «Ленин». В 1991 г. Северный морской путь был открыт для международного сообщения.

Политические и экономические выгоды от использования и развития Северного

морского пути имеют не только Россия, но и другие страны, расположенные вдоль этого маршрута.

Цель исследования – раскрыть потенциал использования Северного морского пути для межрегионального сотрудничества Беларуси, Китая и России.

Основная часть

Российская сторона считает, что Северный морской путь играет важную стратегическую роль, во-первых, в геополитическом и военно-стратегическом развертывании; во-вторых, Северный морской путь может заменить Суэцкий канал в грузоперевозках, а время транспортировки грузов сократить почти в два раза.

Использование Северного морского пути имеет большое значение для экономического развития России. Изучению истории, особенностей, проблем и перспектив Северного морского пути уделяли внимание многие российские ученые. Так, И. А. Матлахов рассматривает стратегическое значение Северного морского пути для экономического развития России [3]. В. В. Круглов и М. А. Лопатин считают, что Северный морской путь дает стране значительные экономические, военные и политические преимущества и обращают особое внимание на Арктический регион из-за его богатых запасов полезных ископаемых, эффективных транспортных путей и определенного количества военно-стратегических преимуществ [4, с. 92–102]. В. П. Журавель и В. П. Назаров [5], А. Б. Николаева [6], А. Л. Антипин, Л. И. Зеленина [7] провели исследование проблем и перспектив развития Северного морского пути и его значения, подчеркнув его значимость как международного транспортного коридора, а также его значение для экономического развития Российской Федерации.

Следует отметить, что А. Б. Николаева считает, что Северный морской путь может стать международным евразийским маршрутом в интересах Востока и Запада. Маршрут наиболее тесно связан с социальным и промышленным развитием российской Арктики и дальнейшим развитием международной экономической деятельности. Охраняемая территория содержит большой потенциал для международного

сотрудничества и развития российской Арктики [6, с. 108–112].

Арктический регион – это новая область китайско-российского сотрудничества, и внимание китайских ученых к Арктическому региону растет. Некоторые китайские ученые склонны изучать арктические судоходные пути с точки зрения международного сотрудничества, а кризис в Украине изменил геополитическую картину и превратил Арктический регион в новое поле борьбы между Россией, США и европейскими странами. В этом контексте сотрудничество между Китаем и Россией в освоении Северного морского пути способствует развитию многосторонних контактов, стимулирует развитие арктической экономики, открывает новые возможности для развития региона и увеличивает импортно-экспортную торговлю Китая (Юй Ю [8], Пэй Вэйин [9], Ван Хуачунь [10], Дэн Бэйси [11]). Стоит отметить, что Дэн Бэйси считает, что использование Китаем арктических судоходных путей не только способствует диверсификации морских торговых маршрутов, но и снижает зависимость от традиционных судоходных маршрутов в Индийском океане с точки зрения стратегической безопасности [11, с. 1–6].

Современная Россия позитивно относится к развитию Арктики и, в частности Северного морского пути. В марте 2020 г. Президент Российской Федерации утвердил «Основы государственной политики Российской Федерации в отношении Арктической зоны на период до 2035 г.», в августе 2022 г. правительство утвердило Программу развития Северного морского пути на период до 2035 г., которая охватывает поиск товаров для судоходства, строительство морской инфраструктуры, развитие интермодальных перевозок «суша – море» и «море – река», создание ледокольного флота и развитие международного сотрудничества. Программа в основном предусматривает строительство морской транспортной инфраструктуры, развитие морского и речного транспорта, создание ледокольного флота и развитие международного сотрудничества.

В феврале 2023 г. в «Основы государственной политики Российской Федерации в отношении Арктической зоны на период до 2035 г.» были внесены изменения.

31 марта 2023 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин утвердил Концепцию внешней политики Российской Федерации, в которой указывается на развитие Северного морского пути как конкурентоспособной национальной транспортной артерии с возможностью международных перевозок между Европой и Азией. С этой целью Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание установлению взаимовыгодного сотрудничества с «неарктическими» государствами, проводящими конструктивную политику в отношении России и заинтересованными в международном сотрудничестве в Арктике по развитию инфраструктуры Северного морского пути [12].

Владимир Владимирович Путин принял участие в пленарном заседании XXVII Петербургского международного экономического форума и подчеркнул: «Востребованной глобальной артерией становится Северный морской путь. В прошлом году по нему прошло 36 млн т грузов, а в перспективе перевозки могут превысить 150 млн т. Для этого мы продолжим развивать инфраструктуру Северного морского пути, строить транспортные подходы к арктическим портам» [13].

Не только Россия, но и Китай заинтересованы в сотрудничестве в Арктике, развитии и использовании Северного морского пути. В 2017 г. Китай принял «Концепцию морского сотрудничества в строительстве Пояса и пути» [14], в которой подчеркивается, что КНР «готов сотрудничать с... арктическими странами для проведения оценки ресурсного потенциала арктического региона и призывает китайские предприятия... участвовать в устойчивом освоении арктических ресурсов». В 2018 г. Китай выпустил белую книгу «Арктическая политика Китая», в которой подчеркивается готовность Китая опираться на развитие и использование арктических судоходных путей и строить «Шелковый путь во льдах» совместно со всеми сторонами. Китай поддерживает укрепление международного сотрудничества в области строительства и эксплуатации инфраструктуры арктических судоходных путей [15].

Северный морской путь не менее важен и для Беларуси с учетом создания Союза Беларуси и России. Необходимо обратить

внимание на отношение Беларуси к Северному морскому пути. Белорусские ученые А. А. Кислова и Е. А. Сергель проанализировали проблемы развития и перспективы Северного морского пути [16]. М. С. Федорова считает, что Северный морской путь как важнейшая артерия мировой торговли в дальнейшем может позитивно повлиять на экономическую, а значит, и на политическую ситуацию в государствах, имеющих отношение к данному маршруту и заинтересованных в его реализации в целом, и на Республику Беларусь в частности [17, с. 214–217].

В 2024 г. Президент Беларуси Александр Лукашенко подчеркнул, что «для Беларуси очень важно серьезно освоить Северный морской путь, по которому можно поставлять десятки миллионов тонн груза. Тем более актуально это направление после введения санкций со стороны стран Запада и закрытия их портов для отечественных грузов» [18].

Северный морской путь соединяет Запад и Восток России, а также Дальний Восток и является кратчайшим маршрутом, соединяющим Азию и Европу. Президент России Владимир Путин в ходе участия в VIII Восточном экономическом форуме отметил, что «Дальний Восток, как и десять лет назад, остается для России стратегическим приоритетом на весь XXI век» [19].

Дальний Восток граничит с китайскими провинциями Хэйлунцзян и Цилинь. Беларусь, в свою очередь, начала строительство собственных портов в Ленинградской и Мурманской областях, также использует Северный морской путь. Президент Беларуси Лукашенко утверждал, что Беларусь стремится развивать экономическое сотрудничество с Дальним Востоком. Таким образом, развитие и использование Северного морского водного пути открывает новые возможности для межрегионального сотрудничества между Дальним Востоком России, Северо-Восточным Китаем и Беларусью.

Как транспортировать грузы из внутренних районов Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая к морю по водным путям – вот проблема, которую предстоит решить. Стоит отметить, что в верхнем течении река Тумэн, берущая начало в китайской провинции Цилинь, является пограничной между Китаем и Северной

Кореей, а в нижнем течении – между Россией и Северной Кореей и впадает в Японское море.

Международное сотрудничество в районе реки Тумэнь привлекает внимание разных стран, и в 2012 г. Госсовет КНР одобрил создание «Китайской демонстрационной зоны международного сотрудничества в районе реки Тумэнь (Хуньчунь)», что является еще одной важной инициативой для дальнейшего развития регионального сотрудничества в районе реки Тумэнь. В последние годы река Тумэнь вновь стала центральной точкой региона в связи с развитием Северного морского пути.

Но существуют и некоторые практические трудности при реализации международного сотрудничества на реке Тумэнь. Китай не имеет выхода к морю по реке Тумэнь для транспортировки грузов в Японское море, а в конце 1950-х гг. в рамках программы помощи Советского Союза Северной Корее был построен мост дружбы через реку Тумэнь между Северной Кореей и Россией. Высота моста от реки составляет около 11 метров, что серьезно ограничивает выход в море крупных китайских судов. В таких условиях вопрос о том, как использовать реку Тумэнь для грузоперевозок в регионе, требует изучения. Поэтому мы предлагаем следующие идеи и предложения. Во-первых, мост дружбы между КНДР и Россией можно перестроить и увеличить его высоту. Это позволит большим грузовым судам проходить под ним. Во-вторых, если мы считаем, что реконструкция трудно координируется между странами, мы можем рассмотреть возможность подписания или модернизации соглашения об аренде или использовании речной инфраструктуры.

Предполагая, что проблемы, связанные с рекой Тумэнь, решены, следует отметить, что эта водная артерия принесет множество возможностей для экономического развития разных стран. Во-первых, грузы из провинций Хэйлунцзян, Цилинь и Ляонин получают выход к морю, что откроет двери для международного обмена и сотрудничества, сократит расстояние грузоперевозок между тремя провинциями Северо-Восточного Китая, Россией и Беларусью, а также европейскими странами, снизит стоимость перевозок и будет способствовать развитию экономики Северо-Восточного Китая.

Во-вторых, для транспортировки товаров можно задействовать не только Северный морской путь, но и по Байкало-Амурскую железнодорожную магистраль на Дальний Восток и в Северо-Восточный Китай, чтобы затем направлять грузопоток по реке Тумэнь. Таким образом, появится новый способ транспортировки грузов к морю, а одновременно с этим в регион придут железнодорожные линии.

Определенное значение это имеет и для развития в регионе авиации. Использование реки Тумэнь в качестве водной артерии увеличит объем грузов, перевозимых всеми сторонами, а значит, возрастет и объем авиаперевозок. Беларусь начала поставлять свои товары через российские порты, и этот формат сотрудничества будет расширяться. Стоит также отметить, что в 2024 г. губернатор Приморского края Олег Кожемяко после встречи с президентом Беларуси Александром Лукашенко подчеркнул: «В этом году планируем определиться с местом для порта Беларуси в Приморском крае... Мы работаем сейчас над созданием совместного порта, который был бы российским и белорусским. В том числе и Китайская Народная Республика, думаю, охотно бы участвовала как партнер». Данный проект, по его словам, представляет особый интерес и в свете развития Северного морского пути [20]. Таким образом, если белорусский порт в Приморском крае будет успешно построен и задействован в Северном морском пути, то это откроет новые возможности для сотрудничества между Беларусью, Китаем и Россией. Строительство портов требует серьезной финансовой и технической поддержки, а учитывая богатый опыт Китая в строительстве портов и развитии портовой инфраструктуры, опыт Беларуси в области логистики, транспорта и производства, существует большой потенциал для сотрудничества между тремя странами. Учитывая, что данный регион является важным узлом Северного морского пути и важным направлением межрегионального сотрудничества Беларуси, Китая и России, можно рассмотреть возможность создания межрегиональной трехсторонней комиссии по сотрудничеству в этой области. Работа такой комиссии будет способствовать решению проблем в процессе межрегионального сотрудничества трех стран, повысит

эффективность перевозок, приведет к росту грузопотока и развитию межрегиональной экономики.

Заключение

Важность Северного морского пути для международных перевозок становится все более очевидной. Как отметил В. В. Путин, развитие Северного морского пути для России – один из приоритетов в политическом плане. Китайское правительство опубликовало Белую книгу о своей арктической политике и активно участвует в сотрудничестве по освоению Северного морского пути. Беларусь также осознает его потенциальное политическое значение, и, как подчеркнул президент А. Лукашенко, для Беларуси очень важно серьезно освоить Северный морской путь. Беларусь будет строить свой порт в России. В политическом аспекте, если будет использована река Тумэнь, можно будет открыть новые возможности для Китая, России и Беларуси в области водных, железнодорожных и авиационных путей межрегионального сотрудничества, усилить политическое влияние Беларуси, Китая и России в Северо-Восточной Азии, ослабить геополитическое давление на Россию в Европе. Откроются новые возможности и каналы для реализации китайской инициативы «Один пояс – один путь» в Северо-Восточной Азии и Ев-

ропе. Это также поможет и Беларуси преодолеть региональные барьеры и укрепить политическое сотрудничество с другими странами.

В экономическом аспекте Северный морской путь принесет большую выгоду всем странам, а вместе с использованием реки Тумэнь обеспечит новый канал для экспорта энергоресурсов из России, откроет новые торговые пути между Китаем, Беларусью и Россией, сократит время и стоимость транспортировки товаров и позволит трем странам продуктивнее торговать со странами Азии и Европы.

В гуманитарном аспекте развитие Северного морского пути будет способствовать перемещению населения и культурным обменам в российской Арктике. В то же время это будет способствовать обмену и сотрудничеству между учеными из России, Китая и Беларуси в проведении арктических научных исследований, а также развитии арктической науки.

Таким образом, развитие и использование Северного морского пути открывает новые возможности для сотрудничества между Беларусью, Китаем и Россией в политическом, экономическом и гуманитарном аспектах. А если предположить, что река Тумэнь может быть успешно освоена, это откроет новые направления для межрегионального сотрудничества трех стран.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Северный морской путь [Электронный ресурс] // Neftegaz.RU: Новости нефти и газа. – Режим доступа: <https://neftegaz.ru/tech-library/suda-neftegazovye-i-morskoe-oborudovanie-dlya-bureniya/141838-se-vernyy-morskoy-put/>. – Дата доступа: 25.09.2024.
2. Лиханов, Б. Там, где стояла Мангазея / Б. Лиханов // Сибирский меридиан. Туристско-краеведческий сборник по Западной Сибири / сост. В. В. Ухов, В. С. Лихолитов. – М. : Профиздат, 1983. С. 54–57.
3. Матлахов, И. А. Северный морской путь. Направление развития / И. А. Матлахов // Интерактив. наука. – 2022. – № 10. – С. 33–35.
4. Круглов, В. В. О стратегическом значении Северного морского пути / В. В. Круглов, М. А. Лопатин // Воен. мысль. – 2020. – № 9. – С. 92–102.
5. Журавель, В. П. Северный морской путь: настоящее и будущее / В. П. Журавель, В. П. Назаров // Рос. соц.-гуманитар. журн. – 2020. – № 2. – С. 140–158.
6. Николаева, А. Б. Северный морской путь: проблемы и перспективы / А. Б. Николаева // Вестн. Кол. науч. центра РАН. – 2011. – № 4. – С. 108–112.
7. Антипин, А. Л. Северный морской путь на службе Арктики / А. Л. Антипин, Л. И. Зеленина // Экономика и социум. – 2015. – № 3-1. – С. 62–65.
8. Юй Юй. Корректировка арктической стратегии России и китайско-российское арктическое сотрудничество / Юй Юй // Журн. Сев.-Вост. Азии. – 2024. – № 4. – С. 52–67 (на кит. яз.).

9. Пэй Вэйин. Арктическая политика России, состояние и перспективы китайско-российского арктического сотрудничества / Пэй Вэйин // Евраз. экономика. – 2024. – № 4. – С. 72–92 (на кит. яз.).
10. Возможности, проблемы и ответы на строительство арктического судоходного маршрута для Китая / Ван Хуачунь [и др.] // Междунар. экон. сотрудничество. – 2024. – Т. 40, № 4. – С. 67–76 (на кит. яз.).
11. Денг Бесси. Перспективы использования арктических судоходных путей в современной международной обстановке и влияние на нашу страну / Дэн Бесси // Корабелы. – 2023. – Т. 34, № 01. – С. 1–6 (на кит. яз.).
12. Министерство иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>. – Дата доступа: 01.10.2024.
13. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума [Электронный ресурс] // Президент России. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/74234>. – Дата доступа: 02.10.2024.
14. Видение морского сотрудничества в строительстве «Одного пояса и одного пути» [Электронный ресурс] // Правительственная сеть Китая. – Режим доступа: <https://www.gov.cn/xinwen/2017-11/17/5240325/files/3f35a0e00a845a2b8c5655eb0e95df5.pdf>. – Дата доступа: 01.10.2024 (на кит. яз.).
15. Государственный совет КНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gov.cn/zhengce/2018-01/26/content_5260891.htm. – Дата доступа: 01.10.2024.
16. Кислова, А. А. Перспективы развития и проблемы Северного морского пути / А. А. Кислова, Е. А. Сергель // Бизнес-пульс : сб. материалов II Междунар. науч.-практ. студенч. конф., Минск, 10 нояб. 2023 г. / Ин-т бизнеса БГУ / редкол.: В. В. Манцуrowa [и др.]. – Минск, 2024. – С. 413–414.
17. Федорова, М. С. Северный Морской Путь: прогноз появления новых транспортных коридоров и перспективы развития для Республики Беларусь / М. С. Федорова // Электрон. сб. тр. молодых специалистов Полоц. гос. ун-та им. Евфросинии Полоцкой. Экон. науки. – 2019. – № 26. – С. 214–217.
18. Лукашенко предложил Архангельской области сообща работать в перевалке грузов [Электронный ресурс] // БелТА. Новости Беларуси. – Режим доступа: <https://belta.by/president/view/lukashenko-predlozhit-arhangelskoj-oblasti-soobscha-rabotat-v-perevalke-gruzov-629565-2024/>. – Дата доступа: 01.10.2024.
19. Президент РФ Владимир Путин: Дальний Восток – наш стратегический приоритет [Электронный ресурс] // Национальные проекты России. – Режим доступа: <https://xn80-aarpemcchfmo7a3c9ehj.xnp1ai/news/prezident-rf-vladimir-putin-dalний-vostok-nash-strategicheskii-prioritet/>. – Дата доступа: 25.09.2024.
20. Кожемяко: в этом году планируем определиться с местом для порта Беларуси в Приморском крае [Электронный ресурс] // БелТА. Новости Беларуси. – Режим доступа: <https://belta.by/society/view/kozhemjako-v-etom-godu-planiruem-opredelitsja-s-mestom-dlja-porta-belarusi-v-primorskom-krae-648220-2024/>. – Дата доступа: 01.10.2024.

REFERENCES

1. Sieviernyj morskoi put' [Elektronnyj resurs] // Neftegaz.RU: Novosti niefti i gaza. – Riezhim dostupa: <https://neftgaz.ru/tech-library/suda-neftgazovye-i-morskoe-oborudovanie-dlya-bureniya/141838-se-vernyy-morskoy-put/>. – Data dostupa: 25.09.2024.
2. Likhanov, B. Tam, gdie stojala Mangazieja / B. Likhanov // Sibirskij mieridian. Turistsko-krajeviedchieskij sbornik po Zapadnoj Sibiri / sost. V. V. Ukhov, V. S. Likholtov. – M. : Profizdat, 1983. – S. 54–55.
3. Matlakhov, I. A. Sieviernyj morskoi put'. Napravlienije razvitija / I. A. Matlakhov // Interaktiv. nauka. – 2022. – № 10. – S. 33–35.
4. Kruglov, V. V. O strategichieskom znachienii Sieviernogo morskogo puti / V. V. Kruglov, M. A. Lopatin // Vojen. mysl'. – 2020. – № 9. – S. 92–102.

5. Zhuraviel', V. P. Sieviernyj morskoy put': nastojashchieje i budushchieje / V. P. Zhuraviel', V. P. Nazarov // Ros. soc.-gumanitar. zhurn. – 2020. – № 2. – S. 140–158.
6. Nikolajeva, A. B. Sieviernyj morskoy put': problemy i perspektivy / A. B. Nikolajeva // Viestn. Kol. nauch. centra RAN. – 2011. – № 4. – S. 108–112.
7. Antipin, A. L. Sieviernyj morskoy put' na sluzhbie Arktiki / A. L. Antipin, L. I. Zielienina // Ekonomika i socium. – 2015. – № 3-1. – S. 62–65.
8. Yui Yui. Korrektirovka arktichieskoj strategii Rossii i kitajsko-rossijskoje arktichieskoje sotrudnichestvo / Yui Yui // Zhurn. Siev.-Vost. Azii. – 2024. – № 4. – S. 52–67 (na kit. jaz.).
9. Pei Vein. Arktichieskaja politika Rossii, sostojaniye i perspektivy kitajsko-rossijskogo arktichieskogo sotrudnichestva / Pei Vein // Evraz. ekonomika. – 2024. – № 4. – S. 72–92 (na kit. jaz.).
10. Vozmozhnosti, problemy i otvety na stroitel'stvo arktichieskogo sudokhodnogo marshruta dlja Kitaja / Van Khuachun' [i dr.] // Miezhdunar. ekon. sotrudnichestvo. – 2024. – T. 40, № 4. – S. 67–76 (na kit. jaz.).
11. Deng Bessi. Perspektivy ispol'zovaniya arktichieskikh sudokhodnykh putiej v sovremennoj miezhdunarodnoj obstanovke i vlijanije na nashu stranu / Den Bessi // Korabiely. – 2023. – T. 34, № 01. – S. 1–6 (na kit. jaz.).
12. Ministertvo inostrannykh del Rossijskoj Fiedieracii [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>. – Data dostupa: 01.10.2024.
13. Plienarnoje zasiedaniye Pietierburgskogo miezhdunarodnogo ekonomichieskogo foruma [Elektronnyj riesurs] // Prezident Rossii. – Riezhim dostupa: <http://kremlin.ru/events/president/news/74234>. – Data dostupa: 02.10.2024.
14. Vidienije morskogo sotrudnichestva v stroitel'stvie «Odnogo pojasa i odnogo puti» [Elektronnyj riesurs] // Pravitiel'stviennaja siet' Kitaja. – Riezhim dostupa: <https://www.gov.cn/xinwen/2017-11/17/5240325/files/3f35a0e00a845a2b8c5655eb0e95df5.pdf>. – Data dostupa: 01.10.2024 (na kit. jaz.).
15. Gosudarstviennyj soviet KNR [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: https://www.gov.cn/zhengce/2018-01/26/content_5260891.htm. – Data dostupa: 01.10.2024.
16. Kislova, A. A. Perspektivy razvitija i problemy Sieviernogo morskogo puti / A. A. Kislova, Ye. A. Siergiel' // Biznes-pul's : sb. materialov II Miezhdunar. nauch.-prakt. studiench. konf., Minsk, 10 nojab. 2023 g. / In-t biznesa BGU / riedkol.: V. V. Mancurova [i dr.]. – Minsk, 2024. – S. 413–414.
17. Fiodorova, M. S. Sieviernyj Morskoy Put': prognoz pojavlienija novykh transportnykh koridorov i perspektivy razvitija dlja Riesubliki Bielarus' / M. S. Fiodorova // Elektron. sb. tr. molodykh spetsialistov Poloc. gos. un-ta im. Yevfrosinii Polockoj. Ekon. nauki. – 2019. – № 26. – S. 214–217.
18. Lukashenko priedlozhl Arkhangel'skoj oblasti soobshcha rabotat' v pierievalkie gruzov [Elektronnyj riesurs] // BielTA. Novosti Bielarusi. – Riezhim dostupa: <https://belta.by/president/view/lukashenko-predlozhl-arhangel'skoj-oblasti-soobshcha-rabotat-v-perevalke-gruzov-629565-2024/>. – Data dostupa: 01.10.2024.
19. Priezident RF Vladimir Putin: Dal'nij Vostok – nash strategichieskij prioritet [Elektronnyj riesurs] // Nacional'nyje projekty Rossii. – Riezhim dostupa: <https://xn80aapampemcchfmo7a3c9ehj.-xn-p1ai/news/prezident-rf-vladimir-putin-dalnij-vostok-nash-strategichieskij-prioritet/>. – Data dostupa: 25.09.2024.
20. Kozhemiako: v etom godu planiruem opriedielit'sia s miestom dlja porta Bielarusi v Primorskom kraje [Elektronnyj riesurs] // BielTA. Novosti Bielarusi – Riezhim dostupa: <https://belta.by/society/view/kozhemjako-v-etom-godu-planiruem-opredelitsja-s-mestom-dlja-porta-belarusi-v-primorskom-krae-648220-2024/>. – Data dostupa: 01.10.2024.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 17.11.2024

УДК 316.1+364.4-787(476)

Алеся Андреевна Похомова

канд. социол. наук, доц., зав. каф. социальной коммуникации
Белорусского государственного университета

Alesya Pokhomova

Candidate of Sociological Sciences, Docent, Head of the Department of Social Communication
of Belarusian State University
e-mail: pakhom@bsu.by

ВОЛОНТЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛИЦ ТРЕТЬЕГО ВОЗРАСТА: ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Рассмотрена социальная активность лиц третьего возраста, в частности «серебряное» волонтерство. Представлено авторское определение понятия «волонтерская деятельность лиц третьего возраста», раскрыты разные виды волонтерской деятельности пожилых людей. Отмечено, что специфика возрастной группы детерминирует особенности «серебряного» волонтерства, которые проявляются в доминировании определенных видов деятельности и форм работы, неравномерности активности разных возрастных групп пожилых. Рассмотрен социальный потенциал волонтерской деятельности лиц третьего возраста сквозь призму функций «серебряного» волонтерства на микро- и мезоуровнях.

Ключевые слова: «серебряный» возраст, потенциал волонтерской деятельности, волонтерская деятельность лиц третьего возраста (геронтоволонтерство), сравнительные исследования, социальная активность пожилых, социальная готовность к добровольчеству.

Volunteer Activity of Third-age People: Issues of Theoretical Interpretation

The article is devoted to the consideration of the social activity of third age people, in particular, silver volunteering. The author's definition of the concept of «volunteer activity of third age people» is presented, various types of volunteer activity of the elderly are disclosed. It is noted that the specificity of the age group determines the features of silver volunteering, which are manifested in the dominance of certain types of activities and forms of work, uneven activity of different age groups of the elderly. The social potential of the volunteer activity of third-age people is considered through the prism of the functions of silver volunteering at the micro and meso levels.

Key words: «silver» age, potential of volunteer activity, senior volunteering (gerontovolunteering), comparative studies, social activity of the elderly, social readiness for volunteering.

Введение

По итогам реализации программы социально-экономического развития Республики Беларусь в 2016–2020 гг. был сделан вывод об основных проблемах развития, среди которых не в последнюю очередь отмечено старение населения [1]. В конце 2020 г. в Беларуси была принята Национальная стратегия «Активное долголетие – 2030» [2], в которой подчеркнуто, что доля пожилых людей, достигших 65 лет и находящихся в более старшем возрасте, к 2030 г. будет превышать 20 %. На 1 января 2024 г., согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, доля людей в возрасте 65 лет и старше в структуре населения Республики Беларусь составляет 17,2 % [3]. Интенсивность процессов старения населения Беларуси достаточно

высока: в 1999 г. доля людей в возрасте 65 лет и старше составила 13,3 %, в 2010 – 14,1 %, в 2020 – 15,5 %, в 2021 – 15,8 % (таблица 1). Как отмечает белорусский социолог Е. А. Кечина, Беларусь опережает многие страны СНГ по доле пожилых людей в структуре населения страны [4].

Вопросы старения населения приобрели особую актуальность на международном уровне во второй половине XX в. (например, Всемирная ассамблея по проблемам старения 1982 г. в Вене). Согласно отчету «Мировые демографические перспективы: пересмотренное издание 2019 г.» (The 2024 Revision of World Population Prospects), ожидается, что к 2050 г. каждый шестой житель (16 %) в мире будет в возрасте старше 65 лет [5].

Таблица 1 – Доля людей в возрасте 65 лет и старше в возрастной структуре населения Республики Беларусь

Численность населения Беларуси	Год			
	2021	2020	2010	1999
Всего, человек	9 349 645	9 410 259	9 499 972	10 045 237
В возрасте 65 лет и старше, человек	1 475 943	1 456 648	1 339 783	1 334 361
Доля людей в возрасте 65+ лет, %	15,79	15,48	14,1	13,28

Примечание – Расчеты выполнены автором на основании данных, представленных в статистических ежегодниках Республики Беларусь в 2018 и 2021 гг.

Старение населения влечет за собой ряд экономических и социальных рисков, что детерминирует потребность в социально-экономических трансформациях и реформах. Резолюция 46/91 Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1991 г. утвердила Принципы Организации Объединенных Наций в отношении пожилых людей, которые рекомендовалось, по возможности включать в национальные программы: независимость, участие, уход, реализацию внутреннего потенциала, достоинство.

В рамках рассматриваемой нами темы можно проследить реализацию всех указанных принципов, но в большей степени принцип *участия*, проявляющийся в вовлечении пожилых людей в жизнь общества посредством добровольческой деятельности в соответствии с их интересами и возможностями, а также принцип *реализации внутреннего потенциала*, воплощенный в доступе пожилых людей к ресурсам общества для раскрытия своих возможностей. На второй Всемирной ассамблее по проблемам старения 2002 г. в Мадриде были определены приоритетные направления действий, среди которых немаловажное место занимает участие пожилых людей в развитии своего потенциала. Волонтерская, или добровольческая, деятельность пожилых людей приобретает особую актуальность ввиду обеспечения социального благополучия людей старшей возрастной группы, т. к. это способствует формированию социальной потребности в ресурсах и потенциале пожилых.

Цель статьи – разработать теоретические основы социологического исследования «серебряного» волонтерства в белорусском обществе.

Задачи исследования:

1) осуществить анализ научных работ отечественных и зарубежных исследователей в области социально-гуманитарных

наук по обозначенной проблематике и выявить основные направления проводимых исследований;

2) проинтерпретировать такие понятия, как «третий возраст» и «волонтерская деятельность лиц третьего возраста («серебряное» волонтерство);

3) систематизировать и классифицировать виды «серебряного» волонтерства;

4) проанализировать социальный потенциал «серебряного» волонтерства.

Основная часть

Предметная область социологии волонтерства еще только начинает осваиваться отечественными учеными, тем не менее в русскоязычном социологическом пространстве проблематика добровольческой деятельности активно разрабатывается не только педагогами, психологами, но и представителями социологической науки. При этом наряду с молодежным (в частности студенческим) волонтерством в фокусе внимания оказывается и волонтерство лиц третьего возраста.

Среди исследователей, разрабатывающих проблематику «серебряного» волонтерства, необходимо указать таких авторов, как Н. Ф. Кузнецова (исследование «серебряного» волонтерства сквозь призму инклюзивного социального туризма в регионе), Л. В. Прохорова (рассмотрение «серебряного» волонтерства в контексте технологий социальной работы с лицами пожилого возраста), Е. А. Кочина (изучение «серебряного» волонтерства в рамках деятельности некоммерческих организаций) [6], Н. С. Морова (анализ «серебряного» волонтерства в контексте изучения более широкого предметного поля, связанного с добровольческой деятельностью разных возрастных групп), Е. В. Ульянова (изучение моделей межсекторного взаимодействия в сфере волонтерской деятельности), М. В. Певная

(анализ управленческих аспектов добровольчества как социального института), Т. С. Киенко (акцент на влиянии пандемии на социальную активность людей старшего возраста), Н. П. Щукина (изучение осведомленности пожилых людей о возможностях волонтерства для них) [7] и др.

Среди зарубежных авторов следует отметить таких, как J. Wilson, M. Musick, D. Mukherjee, N. D. Anderson, A. M. Petriwskyj, J. Warburton, A. Ehlers и др. Зарубежные исследователи, как правило, уделяют внимание вопросам мотивации людей старшего возраста к участию в волонтерской деятельности и возникающие при этом барьеры, социальных эффектов и преимуществ «серебряного» волонтерства, деятельности волонтерских организаций в отношении волонтеров старшего возраста. В их работах освещаются результаты сравнительных международных исследований либо представляется анализ конкретных кейсов в соответствии с организациями, населенными пунктами, направлениями волонтерской деятельности.

В условиях флуктуации, неопределенности и текучести современности понятие «возраст» становится преимущественно социально конструируемым [8], а не биологически детерминированным. Наиболее распространенными обозначениями рассматриваемой возрастной группы выступают такие слова и словосочетания, как «пожилые», «лица старшего возраста», «лица третьего возраста», «пенсионеры», «серебряный возраст», «золотой возраст», которые часто используются в качестве близких по смыслу или синонимичных.

Пожилые люди – термин, наиболее часто присутствующий в научной литературе, обозначающий по классификации Всемирной организации здравоохранения возрастную группу от 60 до 74 лет. В Беларуси к пожилым относят людей в возрасте 65 лет и старше.

К людям старшего возраста относятся достигшие 60 лет и перешагнувшие этот возрастной рубеж, т. е. находящиеся в возрасте 60+. В научной литературе и практике этот возраст нередко обозначают как «серебряный», или «третий». При этом «серебряный» возраст и «третий» возраст – это эвфемизмы, которые применяются для снижения эмоциональной нагрузки синонимич-

ных понятий. К таким же эвфемизмам относится и «золотой» возраст – возрастной интервал от 50 лет и старше. Так, широко распространена практика университетов «третьего» возраста, «золотого» века как в странах СНГ, так и за рубежом.

Преклонный возраст предполагает возрастные рамки 75–89 лет. Часто это словосочетание используется в качестве метафоры для обозначения возрастной когорты, завершающей свой жизненный путь, находящейся «на склоне лет».

Как правило, в белорусском обществе дифференциация таких жизненных этапов, как зрелость и старость, осуществляется через достижение пенсионного возраста.

Пенсионный возраст – это возраст выхода человека на пенсию в соответствии с пенсионной системой той или иной страны. Как правило, возраст выхода на пенсию у мужчин и женщин дифференцируется. В странах ЕАЭС, согласно национальным пенсионным законодательствам, в 2024 г. мужчины могут выходить на пенсию в 63 года, а пенсионный возраст для женщин в разных странах различен: в Беларуси, России и Кыргызстане он составляет 58 лет, а в Армении – 63 года [9].

В странах Евросоюза пенсионный возраст в разных странах отличается. Так, в Австрии пенсионный возраст для женщин установлен на уровне 60 лет, для мужчин – 65 лет; во Франции пенсионный возраст составляет 62 года; в Ирландии – 66 лет; в Дании и Германии – 67 лет. Часто возраст выхода на пенсию в европейских странах зависит от страхового стажа, выслуги лет, специальных соглашений, числа детей у женщин и др. [10].

Семантическое разграничение указанных понятий и терминов в социальных исследованиях крайне важно, т. к. позволяет определить возрастные границы изучаемой группы, выявить ее численность и долю в структуре населения, представить корректные дефиниции связанным терминам и др.

В рамках статьи мы фокусируем внимание на волонтерской деятельности лиц «третьего» возраста, или феномене «серебряного» волонтерства. В научной литературе «серебряное» волонтерство трактуется как добровольческая деятельность, которая осуществляется «гражданами в возрасте от 50 лет с активной гражданской позицией,

имеющими практический опыт в реализации волонтерских проектов» [11, с. 119] и которая «через формирование активной позиции ко всему происходящему вокруг дает шанс пожилым людям принять новый социально-ролевой статус в территориальном сообществе» [12, с. 166]. В методических рекомендациях для расчета Индекса активного долголетия включен помимо прочих (всего их 22) показатель «волонтерская деятельность» (направление «Участие в жизни общества»), который позволяет измерить «нерыночную неоплачиваемую продуктивную деятельность пожилого населения в виде организованной волонтерской деятельности»; при этом к целевой группе относятся люди в возрасте 50 лет и старше, осуществляющие волонтерскую деятельность не реже одного раза в неделю в течение года, предшествующего замеру [13].

С учетом проведенной работы по содержательному разграничению понятий и обозначений старшего возраста в качестве рабочего определения под волонтерской деятельностью лиц «третьего» возраста («серебряным» волонтерством, геронтоволонтерством) мы предлагаем понимать социальную деятельность людей пожилого возраста (60+), осуществляемую добровольно и безвозмездно, индивидуально или в группе, организованно или неформально, непосредственно направленную на оказание помощи нуждающимся в ней людям (за исключением членов семьи, родственников, соседей, друзей) либо опосредованно – на решение актуальных проблем в различных сферах жизни общества.

Виды «серебряного» волонтерства коррелируют с классификацией видов волонтерства [14, с. 130]. В зависимости от институциональной включенности (принадлежности к деятельности организаций некоммерческого сектора экономики) выделяют формальное (организованное) и неформальное (неорганизованное, стихийное) волонтерство. Так, например, деятельность «серебряных» волонтеров в рамках университетов «третьего» возраста будет носить формальный характер, а помощь бездомным животным возле своего жилого дома – неформальный. В зависимости от формы деятельности и характера межличностного взаимодействия можно выделить онлайн

(цифровое, виртуальное, киберволонтерство) и офлайн «серебряное» волонтерство.

По направлениям волонтерской деятельности следует указать социальное, экологическое, спортивное, зооволонтерство и др.

По частоте участия в волонтерской деятельности можно выделить регулярное и эпизодическое «серебряное» волонтерство.

Среди особенностей «серебряного» волонтерства следует указать следующие:

1) при выборе направления и содержания волонтерской деятельности акцентными выступают не физические возможности волонтера, а социальный опыт, профессиональные знания и личностные качества;

2) «серебряные» волонтеры располагают большим количеством свободного времени, чем другие возрастные группы добровольцев;

3) в структуре групп «серебряных» волонтеров преобладают женщины (в результате процессов феминизации старения);

4) барьерами при осуществлении волонтерской деятельности могут выступать проблемы со здоровьем, возраст, продолжительность волонтерского проекта, условия работы и др.

При определении потенциала волонтерской деятельности лиц «третьего» возраста необходимо учитывать комплексную характеристику качества жизни пожилых людей, которая будет отражать возможности удовлетворения биологических и социокультурных потребностей, что, в свою очередь, зависит от этапа старения, т. к. «пожилые люди представляют гетерогенную популяцию нескольких поколений» [8, с. 124]. Для такого анализа можно применять данные статистического мониторинга, результаты социологических исследований [15], разработанные показатели и индексы: например, Индекс активного долголетия выступает в качестве многомерной оценки благоприятности среды для реализации ресурсного потенциала пожилых людей.

Как правило, социальную активность посредством участия в волонтерской деятельности демонстрируют люди в возрасте 60–74 лет, пока они сохраняют свой «ресурсный потенциал (здоровье, высокий уровень образования, интеллект, потребность продолжать трудовую деятельность, участвовать в общественных делах)» [Цит. по: 8, с. 124]. Поэтому при раскрытии содержания

потенциала «серебряного» волонтерства мы будем ориентироваться преимущественно на группу пожилых людей в этом возрастном диапазоне.

В научной литературе принято выделять экономический и социальный потенциалы волонтерской деятельности в целом. В экономически развитых странах учет отработанного волонтерами времени осуществляется в рамках статистики труда, что соответствует разработанным методическим рекомендациям Международной организации труда. Однако в ряде стран, включая Республику Беларусь, волонтерство не рассматривается как трудовая деятельность,

т. к. не отвечает критериям, определяющим таковую согласно действующему законодательству. Поэтому мы более детально рассмотрим социальный потенциал «серебряного» волонтерства и его структуру. Социальный потенциал «серебряного» волонтерства проявляется прежде всего в тех функциях, которые волонтерство пожилых людей способно выполнять на уровне отдельных жизненных кейсов и на уровне локального сообщества. Представим данные функции на примере некоторых видов волонтерской деятельности в двух аспектах: значимость волонтерских практик пожилых на микро- и мезоуровне (таблица 2).

Таблица 2 – Социальный потенциал волонтерских практик пожилых людей в современном обществе

Отдельные направления и содержание волонтерской деятельности пожилых	Функции волонтерства	Уровень распространения социальных эффектов	
		Микроуровень	Мезоуровень
<u>Социальное</u> 1) чтение книг детям, находящимся на стационарном лечении; 2) помощь на дому другим пожилым людям; 3) проведение мастер-классов и учебных занятий в университетах «третьего» возраста; 4) выступление с концертными программами в социальных учреждениях и др.	Мировоззренческая Досуговая Коммуникационная Формирование социального капитала Повышение гражданской активности	Ощущение социальной востребованности через переосмысление жизненных ценностей при смене социальных ролей, преодоление одиночества	Включенность пожилых людей в жизнь локального сообщества
		Межпоколенное взаимодействие и диалог, адаптация и инклюзия, повышение интеллектуальной активности; формирование культуры безопасности	Преодоление межпоколенного разрыва, возрастных стереотипов и формирование позитивного отношения к старости
		Насыщение повседневности разными видами социальной активности, интенсификация межличностной коммуникации; разнообразие досуговой деятельности	Продвижение концепции активного долголетия, идеологии продуктивного старения; улучшение качества жизни пожилых людей
<u>Зооволонтерство и эковолонтерство</u> 1) уборка и благоустройство парков, прибрежных зон; 2) уход за бездомными животными, передержка, поиск хозяев; 3) участие в экологических мероприятиях и др.	Аксиологическая Профилактическая Повышение гражданской активности	Включение в повседневность разные виды физической активности; формирование социальной востребованности через участие в значимых для экологии города/страны мероприятиях и акциях	Развитие гражданского общества, формирование социальной ответственности, активизация социального участия пожилых граждан
<u>Спортивное</u> 1) продвижение здорового образа жизни среди сверстников; 2) участие в организации и проведении спортивных мероприятий; 3) работа волонтером-экскурсоводом и др.	Досуговая Аксиологическая Коммуникационная Образовательная	Поддержание здорового образа жизни	Продвижение стратегии здорового старения и активного долголетия
		Поддержание физической активности и сохранение психического здоровья	Снижение вероятности риска развития заболеваний
			Формирование туристического имиджа населенного пункта
			Популяризация разных видов спорта среди населения

Таким образом, потенциал волонтерской деятельности пожилых людей выражается преимущественно в социальных аспектах, проявляясь на микроуровне в перспективах изменения качества и удовлетворенности жизнью, повышения субъективной оценки собственного благополучия и уровня счастья; на мезоуровне – в развитии социального участия пожилых людей в разных сферах жизни общества.

Заключение

В условиях старения населения вопросы обеспечения достойного уровня и качества жизни, реализации социокультурных прав пожилых граждан становятся весьма актуальными. Интерес к проблемам пожилых устойчив и на международном уровне, проявляясь в разработке программ, концепций, идеологий активного старения и счастливого долголетия.

На национальном уровне в Республике Беларусь реализуются мероприятия в рамках Стратегии активного долголетия. Комплекс мер в отношении пожилых граждан, как правило, ориентирован на гарантии в сфере занятости, участие в общественной жизни и принятии решений, доступности медицинского и социального обслуживания. «Серебряное» волонтерство выступает как одно из направлений работы с пожилыми гражданами, в рамках которого пожилые люди выступают не объектами, а субъектами деятельности. Несмотря на разнообразие принятых обозначений старшей возрастной

группы, всеобщепотребительным выступает термин «пожилые люди», а научными эвфемизмами – «лица третьего возраста», «представители “серебряного” возраста». В связи с этим волонтерская деятельность пожилых людей может носить названия «волонтерская деятельность лиц третьего возраста», «серебряное» волонтерство.

В качестве рабочего определения представлено следующее: социальная деятельность людей пожилого возраста (60+), осуществляемая добровольно и безвозмездно, индивидуально или в группе, организованно или неформально, непосредственно направленная на оказание помощи нуждающимся в ней людям (за исключением членов семьи, родственников, соседей, друзей) либо опосредованно – на решение актуальных проблем в различных сферах жизни общества. Возрастные особенности пожилых и их актуальный ролевой набор детерминируют особенности «серебряного» волонтерства. Социальный потенциал волонтерской деятельности лиц «третьего» возраста рассмотрен посредством реализуемых «серебряным» волонтерством функций на уровне отдельных субъектов и на уровне жизнедеятельности локального сообщества. Полученные результаты формируют теоретическую основу изучения волонтерской деятельности лиц третьего возраста и позволяют проводить дальнейшие исследования в этой предметной области.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 29 июля 2021 г. № 292. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=11031&p0=P32100292>. – Дата доступа: 02.05.2024.
2. О Национальной стратегии Республики Беларусь «Активное долголетие – 2030» [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 3 дек. 2020 г. № 693. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22000693>. – Дата доступа: 02.05.2024.
3. Всемирный день народонаселения. Статистический обзор [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/statobzor_narod-2024.pdf. – Дата доступа: 12.07.2024.
4. Кечина, Е. А. Труд и здоровье пожилых людей в Беларуси / Е. А. Кечина // Матрица современной социологии. – Минск : БГУ, 2022. – С. 107–118.
5. Организация Объединенных Наций. Старение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/conferences/ageing>. – Дата доступа: 13.06.2024.

6. Кузнецова, Н. Ф. «Серебряное волонтерство» как форма социальной активности старшего поколения: проблемы и перспективы развития (на материалах исследований в Республике Хакасия) / Н. Ф. Кузнецова, Е. А. Кочина // *Siberian Socium*. – 2022. – Т. 6, № 1 (19). – С. 62–73.
7. Щукина, Н. П. Информированность пожилых людей – клиентов учреждений социального обслуживания – о добровольчестве / Н. П. Щукина, И. А. Логинова // *Соц. явления*. – 2018. – № 2 (9). – С. 36–48.
8. Шухатович, В. Р. Актуальные проблемы и направления социологического исследования старения населения / В. Р. Шухатович // *Инновационное развитие отраслей социальной сферы* / С. А. Шавель [и др.] ; под общ. ред. С. А. Шавеля ; Нац. акад. Наук Беларуси, Ин-т социологии. – Минск : Беларус. навука, 2017. – С. 123–25.
9. Повышение пенсионного возраста и размер пенсии в Беларуси и странах ЕАЭС [Электронный ресурс] // *Экон. газ.* – 2023. – Режим доступа: <https://neg.by/novosti/otkrytj/povyshenie-pensionnogo-vozrasta-i-razmer-pensii-v-belarusi-i-stranakh-eaes/>. – Дата доступа: 13.06.2024.
10. Retirement age [Electronic resource] // MISSOC. – Mode of access: <https://www.missoc.org/missoc-database/comparative-tables/results/>. – Date of access: 13.07.2024.
11. Ульянова, Е. В. Модели взаимодействия государственного сектора и общественных организаций в сфере волонтерской деятельности: социально-культурный анализ / Е. В. Ульянова // *Вестн. Тамб. ун-та. Сер.: Гуманитар. науки*. – 2018. – Т. 23, № 174. – С. 116–121.
12. Морова, Н. С. Эффективная модель социального партнерства между представителями разных поколений (в условиях ТОСов) / Н. С. Морова // *Вопр. психич. здоровья детей и подростков*. – 2017. – № 2 (прил.). – С. 166.
13. Индекс активного долголетия (ИАД) в странах за пределами ЕС и на субнациональном уровне: методические рекомендации. Август 2018 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://unece.org/sites/default/files/2021-07/AAI_Guidelines_final_RUS.pdf. – Дата доступа: 15.06.2024.
14. Похомова, А. А. Волонтерство как социально значимая общественная деятельность: риски и возможности / А. А. Похомова // *Матрица современной социологии*. – Минск : БГУ, 2022. – С. 129–141.
15. Беларусь: структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение : Том I. Методология и опыт проведения исследования «Поколения и гендер» / ред.: Д. Г. Ротман, Том Эмери. – Минск : Белсэнс, 2018. – 162 с.

REFERENCES

1. Ob utvierzhdienii Programmy social'no-ekonomichieskogo razvitija Rjespubliki Bielarus' na 2021–2025 gody [Elektronnyj riesurs]. : Ukaz Priezidenta Rjesp. Bielarus' ot 29 ijulia 2021 g. № 292. – Riezhim dostupa: <https://pravo.by/document/?guid=11031&p0=P32100292>. – Data dostupa: 02.05.2024.
2. O Nacional'noj stratiegii Rjespubliki Bielarus' «Aktivnoe dolgoletie – 2030» [Elektronnyj riesurs] : postanovlienije Sovieta Ministrov Rjespubliki Bielarus' ot 3 diek. 2020 g. № 693. – Riezhim dostupa: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22000693>. – Data dostupa: 02.05.2024.
3. Vsiemirnyj dien' narodonasielienija. Statistichieskij obzor [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/statobzor_narod-2024.pdf. – Data dostupa: 12.07.2024.
4. Kiechina, Ye. A. Trud i zdorov'je pozhilykh liudiej v Bielarusi / Ye. A. Kiechina // *Matrica sovriemiennoj sociologii*. – Minsk : BGU, 2022. – S. 107–118.
5. Organizacija Objedinionnykh Nacij. Starienije [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://www.un.org/ru/conferences/ageing>. – Data dostupa: 13.06.2024.
6. Kuzniecova, N. F. «Sieriebrianoje volontiorstvo» kak forma social'noj aktivnosti starshego pokolienija: problemi i pierspiektivy razvitija (na materialakh issliedovanij v Rjespublikie Khakasija) / N. F. Kuzniecova, Ye. A. Kochina // *Siberian Socium*. – 2022. – Т. 6, № 1 (19). – S. 62–73.
7. Shchukina, N. P. Informirovannost' pozhilykh liudiej – kljentov uchriezhdienij social'nogo obsluzhivanija – o dobrovol'chiestvie / N. P. Shchukina, I. A. Loginova // *Soc. javlienija*. – 2018. – № 2 (9). – S. 36–48.

8. Shukhatovich, V. R. Aktual'nyje problemy i napravlenija sociologichieskogo issledovanija starienija nasielienija / V. R. Shukhatovich // *Innovacionnoje razvitije otraslej social'noj sfery* / S. A. Shaviel' [i dr.] ; pod obshch. ried. S. A. Shavielia ; Nac. akad. nauk Bielarusi, In-t sociologii. – Minsk : Bielarus. navuka, 2017. – S. 123–125.
9. Povyshenije piensionnogo vozrasta i razmier piensii v Bielarusi i stranakh JeAES [Elektronnyj riesurs] // *Ekon. gaz.* – 2023. – Riezhim dostupa: <https://neg.by/novosti/otkrytj/povyshenie-pensionnogo-vozrasta-i-razmer-pensii-v-belarusi-i-stranakh-eaes/>. – Data dostupa: 13.06.2024.
10. Retirement age [Electronic resource] // MISSOC. – Mode of access: <https://www.missoc.org/missoc-database/comparative-tables/results/>. – Date of access: 13.07.2024.
11. Ul'janova, Ye. V. Modeli vzaimodiejstvija gosudarstviennogo siektora i obshchestviennykh organizacij v sfierie volontiorskoj diejatel'nosti: social'no-kul'turnyj analiz / Ye. V. Ul'janova // *Viestn. Tamb. un-ta. Sier.: Gumanitar. nauki.* – 2018. – T. 23, № 174. – S. 116–121.
12. Morova, N. S. Effiektivnaja model' social'nogo partnerstva miezhdu predstaviteliami raznykh pokolienij (v uslovijakh TOSov) / N. S. Morova // *Vopr. psikhich. zdorov'ja dietiej i podrostkov.* – 2017. – № 2 (pril.). – S. 166.
13. Indeks aktivnogo dolgoletija (IAD) v stranakh za priedielami ES i na subnacional'nom urovnie: mietodichieskije riekomiendacii. Avgust 2018 g. [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: https://unece.org/sites/default/files/2021-07/AAI_Guidelines_final_RUS.pdf. – Data dostupa: 15.06.2024.
14. Pokhomova, A. A. Volontiorstvo kak social'no znachimaja obshchestviennaja diejatel'nost': riski i vozmozhnosti / A. A. Pokhomova // *Matrica sovriemiennoj sociologii.* – Minsk : BGU, 2022. – S. 129–141.
15. Bielarus': struktura siem'i, siemiejnyje otnoshienija, rieproduktivnoje poviedienije : Tom I. Mietodologija i opyt proviedienija issledovanija «Pokolienija i giender» / ried.: D. G. Rotman, Tom Emeri. – Minsk : Bielsens, 2018. – 162 s.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 19.07.2024

УДК 316.346.32-053.6

Светлана Николаевна Лихачева*канд. социол. наук, доц., зав. каф. политологии и социологии
Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова***Sviatlana Likhachova***Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Political Science and Sociology
of Mogilev State A. A. Kuleshov University
e-mail: lihachyova@msu.by*

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ МОЛОДЕЖИ КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Определяется актуальность научного изучения профессионального определения молодежи и необходимости сделать этот процесс управляемым. Рассмотрены основные нормативные документы, регулирующие процессы социально-профессионального определения молодежи. Дается научное обоснование взаимосвязи профессионального определения и профессиональной ориентации. Одной из задач воспроизводства трудовых ресурсов видится поиск возможностей более полного сочетания интересов общества, организаций, предприятий с интересами и жизненными планами молодого человека. На основе эмпирических исследований определены проблемы профессионального определения студенческой молодежи. Система профессиональной ориентации молодежи рассматривается как инструмент управления профессиональным определением.

Ключевые слова: профессиональное определение, социальное управление, молодежь, студенчество, профессиональная ориентация.

The Professional Determination of Youth as an Object of Social Management

The relevance of scientific study of professional determination of youth and the need to make this process manageable are determined. The main regulatory documents governing the processes of social and professional determination of youth are considered. Scientific substantiation of the relationship between professional determination and professional orientation is given. One of the tasks of reproduction of labor resources is the search for opportunities for a more complete combination of the interests of society, organizations, enterprises with the interests and life plans of a young person. Based on empirical research, the problems of professional determination of student youth are determined. The system of professional orientation of youth is considered as a tool for managing professional determination.

Key words: professional determination, social management, youth, students, professional orientation.

Введение

Профессиональный выбор молодежи в настоящее время представляется многофакторным процессом, и перед обществом выдвигается задача его комплексного управления. Важным звеном в реализации этой задачи является социальное планирование развития личности молодого человека с целью его органичного влечения в систему экономических, научно-технических, информационных, политических, социокультурных общественных условий.

Выбирая профессию, человек прогнозирует свою дальнейшую жизнь, сферу будущей деятельности, социальное окружение, материальное благополучие, перспективы развития. Постоянно расширяются возможности выбора видов и форм труда, который необходимо делать в соответствии

с целями, потребностями, склонностями и способностями.

Цель статьи – рассмотреть молодежь как социальную группу, осуществляющую свой профессиональный выбор, интегрирующуюся в условия современного рынка труда; выявить социальные инструменты, способствующие профессиональной адаптации молодежи.

Основная часть

В Стратегии развития государственной молодежной политики Республики Беларусь до 2030 г. разработана эффективная система профориентации и подбора специальностей и профессий для молодых людей рассматривается в качестве одного из механизмов решения задач по занятости молодежи [1].

Управление профессиональным определением молодого поколения может осуществляться целенаправленно со стороны семьи, системы образования, конкретных учреждений и предприятий, государства, а также стихийно – через сверстников, СМИ, примеров из жизни. Роль образования здесь особая, т. к. профессий, не предусматривающих получения систематизированных знаний на современном рынке труда, остается очень мало, процесс образования представляется управляемым и достаточно гибко реагирующим на потребности экономики, социальной сферы, государственного управления, частного сектора и др. Следует отметить повышение ценности образования в современном обществе, подверженном быстрым научно-техническим, информационным изменениям. Нередко его высокий уровень оказывается как бы отделенным от своих возможных следствий – материального благополучия и профессионального продвижения. Молодые люди поступают на ту или иную специальность, чтобы где-то учиться и получить диплом. Во всем мире отмечается тенденция изменения значения образования как социального института в обществе, когда оно становится такой же постоянной функцией человека, как и его трудовая деятельность, и приобретает массовый характер. Об этом свидетельствует распространенность и востребованность различного рода школ, курсов, в т. ч. в онлайн-среде. Образовательные услуги превращаются в товар, и у потребителя растет стремление приобретать товар самого высокого качества. В таких условиях важно, чтобы в первую очередь у молодежи стремление к получению образования не представляло собой дань конъюнктуре, а оставалось целенаправленной деятельностью ради получения квалификации, специальности, являлось внутренней духовной потребностью.

Одной из задач воспроизводства трудовых ресурсов является поиск возможностей более полного сочетания интересов общества, организаций, предприятий с интересами и жизненными планами каждого молодого человека. Важное значение в этой связи приобретает проблема адекватного выбора профессии, а не только ориентации на ее престиж или моду. Из-за недостатка информации или неверной оценки своих способностей и возможностей можно под-

даться иллюзиям, что «всему научат», или сделать выбор в пользу популярной у других абитуриентов специальности.

Стоит обратить внимание, что профессиональное самоопределение происходит в достаточно юном возрасте, когда личность может не обладать достаточным жизненным опытом и знаниями в желаемой сфере профессиональной деятельности. Поэтому может вызывать беспокойство наметившееся в последние годы сокращение возможностей получения профессии или специальности на заочной форме получения образования. Нередко именно в условиях производства возникает желание продолжить обучение, что обеспечивает преемственность между отдельными звеньями подготовки высококвалифицированного специалиста, руководителя для конкретного коллектива. Специалисты отмечают полисистемность профессионального становления личности, его зависимость от социальных и индивидуальных критериев. «Оно тесно связано с реальной жизнедеятельностью человека, осуществляется на основе его целенаправленной активности, включая профессиональное обучение и научение, профессиональное развитие и саморазвитие, профессиональное воспитание и самовоспитание» [2].

Исключительно важная роль в устранении стихийности в профессиональном определении и получении образования, а также в планомерном восполнении трудовых ресурсов принадлежит профессиональной ориентации молодежи. В ходе этой работы можно добиться сокращения текучести кадров, более высокой удовлетворенности трудом, равномерного распределения работников по отраслям. Складывающиеся жизненные интересы, склонности молодежи должны быть приоритетными в такой работе. Ее система имеет социализирующий, психофизиологический и социально-экономический аспекты.

В настоящее время в нашей стране разработана и утверждена Концепция развития профессиональной ориентации молодежи в Республике Беларусь. Она «направлена на создание целостной системы профориентационной работы, которая должна опираться на глубокое знание основных факторов, определяющих комплексную поддержку профессионально-образовательного

выбора обучающихся с целью формирования прочной мотивационной основы для самореализации, устойчивой профессиональной направленности, психологической готовности к деятельности в условиях рыночных отношений» [3].

Особого внимания заслуживает опыт Российской Федерации, где с 1 марта 2024 г. впервые начал действовать профессиональный стандарт для профконсультантов, согласно которому для работы профконсультантом необходимо иметь высшее образование (бакалавриат) в области управления персоналом, психологии, социологии или педагогики. Их работа заключается в оказании помощи в осознанном выборе профессионального и карьерного пути людям разных возрастов с учетом их предпочтений и требований рынка [4].

Профориентационная работа представляется многосторонним процессом. Одной из ее сторон является знание требований различных профессий к человеку как к личности, второй – знание потребности общества в тех или иных профессиях, третьей служит оценка способностей профориентируемой личности. При этом необходима система мер и способов по планомерному формированию определенных качеств работников, включая материальную заинтересованность.

В настоящее время наиболее широкое распространение в практике профориентационной работы получили информационно-консультационные методы. Однако с их помощью осуществляется пассивное знакомство с профессией. Этот недостаток снимается при обращении к методу пролонгированного отбора. Его сущность сводится к включению личности в работу, воссоздающую элементы профессиональной деятельности или базирующуюся на них. В качестве организационных форм здесь могут быть использованы профориентационные олимпиады, конкурсы, летние/зимние школы, спецкурсы по основам наук, читаемых преподавателями учреждений высшего образования для старшеклассников, политехнические практикумы и факультативные

курсы с представителями предприятий. Развитие системы этих форм позволит не только улучшить отбор контингента для сложных профессий, но и планомерно воздействовать на формирование определенных социальных качеств, психологических черт, необходимых для этих профессий.

По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, в 2023 г. было выпущено 21,2 тыс. квалифицированных рабочих (служащих) из учреждений профессионально-технического образования; 29,6 тыс. специалистов из учреждений среднего специального образования; 50,3 тыс. специалистов с дипломом о высшем образовании из учреждений высшего образования; 7 тыс. специалистов с дипломом магистра из учреждений высшего образования [5]. Эти цифры отражают стремление молодежи получить в первую очередь высшее образование, однако выбор специальности, как показывают результаты социологического исследования, происходит не всегда осознанно.

Исследование жизненных установок и приоритетов студенческой молодежи было проведено отделом социологических исследований и информационно-аналитической работы КИУП «Информационное агентство “Могилевские ведомости”» совместно с кафедрой политологии и социологии Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова при выполнении задания 5.5 ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» среди студентов учреждений высшего образования в Могилевской области в 2023 г. (выборка составила 560 человек).

Одна из основных сфер самореализации человека – это профессия. Высшее образование ориентировано на обеспечение выпускнику возможности самореализации в профессиональной сфере, его готовности к самостоятельному, творческому, ответственному решению организационных и жизненных задач. Обладание дипломом о высшем образовании также является важной предпосылкой для построения профессиональной или управленческой карьеры.

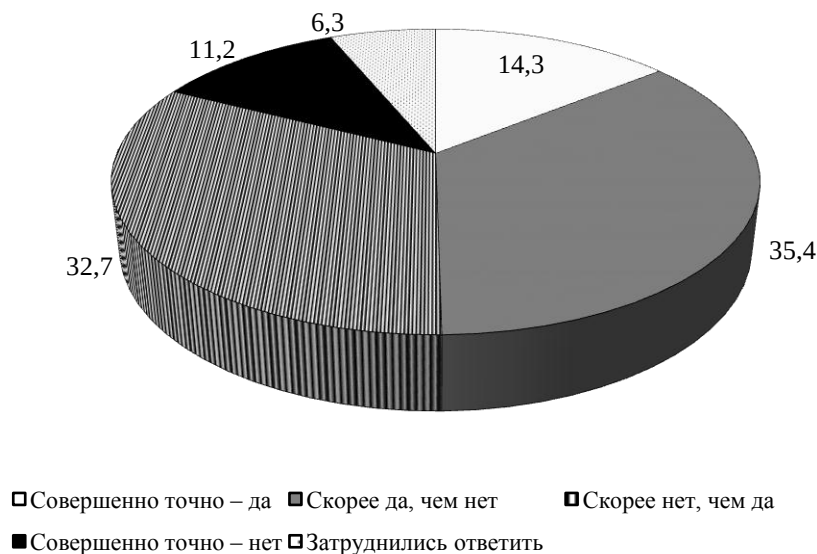

Рисунок 1 – Распределение ответов студентов на вопрос: «Является ли, по Вашему мнению, наличие высшего образования обязательным условием для построения карьеры?», %

Распределение ответов (рисунок 1) показывает, что практически половина современных студентов учится в высших учебных заведениях, чтобы получить диплом ради его наличия, но не рассматривает его как обязательный базис для карьеры. Такая ситуация типична для последних десятилетий и вызывает немало дискуссий в обществе, поскольку это немалые материальные и временные затраты, но вместе с тем широкое распространение и доступность высшего образования поднимает об-

щий образовательный уровень населения. Обучение в университетах и академиях дает не только диплом, но и необходимый для построения карьеры профессионализм, культуру труда как его составную часть, навыки коммуникации.

Несмотря на то что наличие высшего образования у молодого поколения становится общепринятым, важно выяснить, является ли его получение собственным выбором, желанием приобрести специальность (рисунок 2).

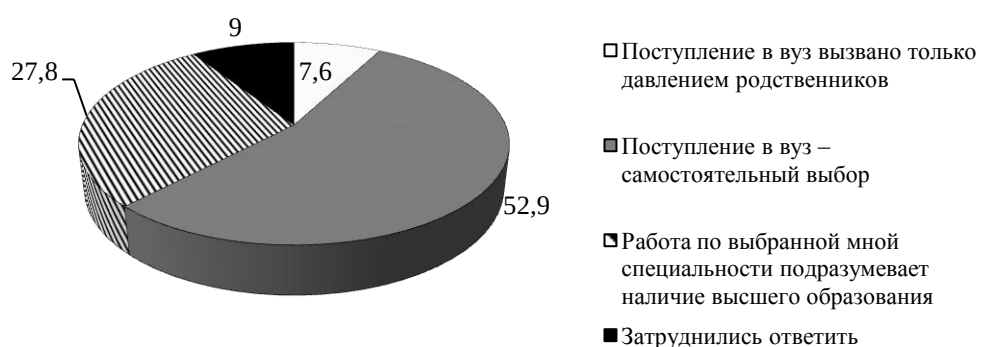

Рисунок 2 – Распределение ответов студентов на вопрос: «Что повлияло на Ваше решение поступить в вуз?», %

Решение получать высшее образование было самостоятельным для половины респондентов, примерно четверть рассмат-

ривает это как неизбежность, т. к. без него невозможно работать по желаемой специальности. Но немало тех, кто затрудняется с

ответом, почему пошел учиться, или сделал это под давлением родственников. В процессе профессиональной социализации влияние родительской семьи постепенно ослабевает, появляются новые микросреды (учебная, трудовой коллектив, профессиональное сообщество), которые уменьшают влияние родителей. Также с повышением роли субъективного фактора в отношении к получаемой специальности студентам тре-

буется анализ возникающих перед ними проблем жизненного самоопределения. Здесь ключевую роль должна играть учебно-воспитательная работа в учреждении высшего образования, связанная среди прочего и с профессиональной адаптацией к будущей самостоятельной трудовой деятельности.

Достаточно противоречиво выглядят ответы на вопрос по поводу планов после окончания вуза (рисунок 3).

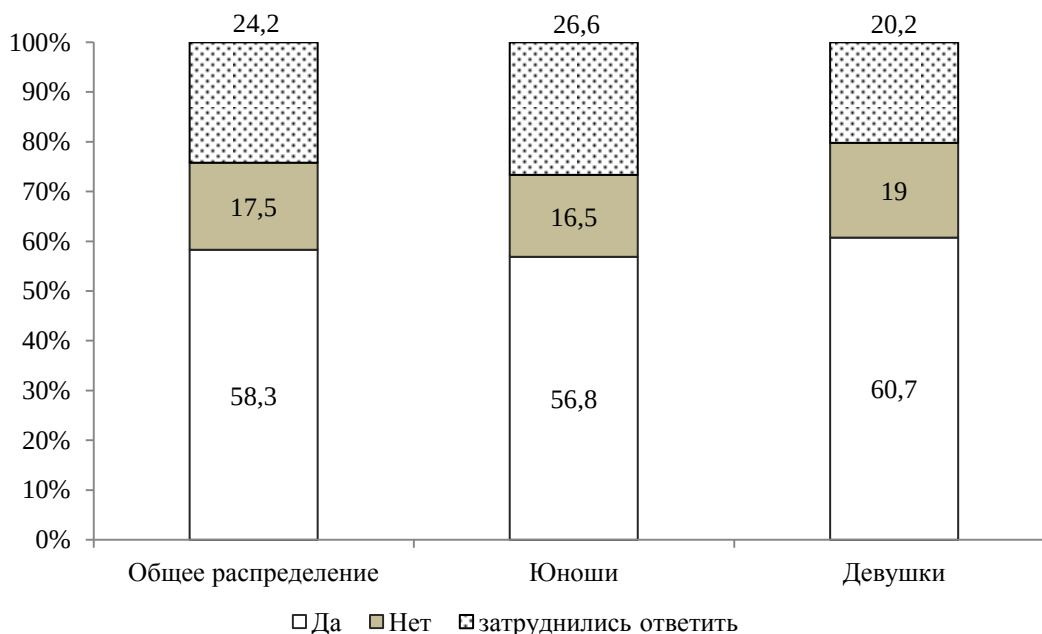

Рисунок 3 – Распределение ответов студентов на вопрос: «Планируете ли Вы работать по избранной специальности?», %

Результаты опроса показывают, что среди нынешних студентов работать по получаемой специальности точно планируют только немногим более половины, а многие затрудняются ответить. Это указывает на проблемы с профессиональным самоопределением у студентов, и, на наш взгляд, это недостаточная работа учреждений высшего образования по развитию профессиональных компетенций, преподавание учебных дисциплин без «привязки» к конкретной профессии. Еще будучи абитуриентами, некоторые молодые люди ориентировались только на возможность быть зачисленными с их баллами на любую специальность. Среди девушек немного больше тех, кто точно решил не работать по получаемой специальности.

Таким образом, у многих молодых людей выбор специальности и учебного заведения происходит самостоятельно и

осознанно, принятое при этом решение относительно прочно, и пути к профессиональной цели проходят последовательно. Вместе с тем имеет место спонтанность выбора, недостаточность своевременной профориентации, что в дальнейшем приводит к девальвации высшего образования и статуса специалиста. Также под влиянием возросшего прагматизма цели образования могут деформироваться и свестись только к наполнению молодого поколения информацией, отсутствию конкретных навыков, обеспечивающих востребованность на рынке труда.

Заключение

Профессиональная самореализация молодежи на современном рынке труда требует комплексного подхода, включающего образование, практический опыт, развитие «мягких» навыков, готовность к освоению технических новшеств. Социологическое

исследование показало, что использование молодежи в качестве трудового ресурса нуждается в определенном управленческом воздействии через профессиональную ориентацию, адаптацию, формирование карьерных устремлений.

Улучшению социального управления в работе с молодежью при ее профессиональном определении может способствовать ряд мероприятий.

1. Совершенствование информирования о профессиях, направлениях деятельности, существующих сферах труда. Много информации о специальностях можно найти на сайтах, в буклетах для абитуриентов, где даются сведения об обучении, а не о работе в конкретных условиях на конкретных предприятиях и в организациях населенного пункта, области, страны, возможностях служебного продвижения, повышения квалификации.

2. Налаживание системы учета мнений и предложений молодежи, связанных с

ситуацией на рынке труда, к работе в определенных условиях. Это позволит предупредить стихийность профессионального определения и усовершенствовать способы профессиональной адаптации, а также повысит общественное влияние на формирование духовных и профессиональных ориентиров, адекватного уровня притязаний, поможет с определением авторитетов и референтной группы.

3. Для научного управления процессом воспроизводства трудовых ресурсов в ее систему необходимо внести элементы целенаправленного воздействия на формирование профессиональной направленности и выработку специфических качеств для профессий и специальностей, наиболее востребованных рынком труда.

4. Учреждения высшего образования, продолжающим профессиональную ориентацию и адаптацию студентов, необходимо тесное сотрудничество со сферой занятости своих выпускников.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Стратегия развития государственной молодежной политики Республики Беларусь до 2030 года [Электронный ресурс] : утверждена постановлением Совета Министров Респ. Беларусь 19.06.2021, № 349 / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100349>. – Дата доступа: 18.10.2024.

2. Мошкина, Л. Д. Профессиональное самоопределение студентов профессиональных образовательных организаций: результаты исследования / Л. Д. Мошкина, Е. В. Швачко, А. Г. Кочегин // Инновац. развитие проф. образования. – 2022. – № 1 (33). – С. 132–141.

3. О Концепции развития профессиональной ориентации молодежи в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : утверждена постановлением М-ва труда и соц. защиты Респ. Беларусь, М-ва экономики Респ. Беларусь и М-ва образования Респ. Беларусь от 29 марта 2022 г. № 20/7/57 / Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=U222e1045> – Дата доступа: 18.10.2024.

4. Профессиональный стандарт «Профконсультант» [Электронный ресурс] : утвержден приказом М-ва труда и социальной защиты Рос. Федерации от 21.06.2023 г. № 537н. – Режим доступа: <https://fgosvo.ru/uploadfiles/profstandart/03.020.pdf>. – Дата доступа: 24.10.2024.

5. Статистический обзор ко Дню молодежи и студенчества [Электронный ресурс] / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Статистический обзор 23.06.2022. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/-upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/-statobzor-stud-2024.pdf. – Дата доступа: 26.10.2024.

REFERENCES

1. Strategija razvitija gosudarstviennoj molodiozhnoj politiki Rjespubliki Bielarus' do 2030 goda [Eliektronnyj riesurs] : utvierzhdiena postanovlienijem Sovieta Ministrov Rjespubliki Bielarus' 19.06.2021, № 349 / Nacional'nyj pravovoj Internet-portal Rjespubliki Bielarus'. – Riezhim dostupa: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100349>. – Data dostupa: 18.10.2024.

2. Moshkina, L. D. Profiessional'noje samoopriedielienije studentov profiessional'nykh obrazovatel'nykh organizacij: riezul'taty issliedovanija / L. D. Moshkina, Ye. V. Shvachko, A. G. Kochiegin // Innovac. razvitije prof. obrazovanija. – 2022. – № 1 (33). – S. 132–141.

3. O koncepcii razvitija profiessional'noj orijentacii molodiozhi v Riespublikie Bielarus' [Eliektronnyj riesurs] : utvierzhdiena postanovlienijem M-va truda i social'noj zashchity Riesp. Bielarus', M-va ekonomiki Riesp. Bielarus' i M-va obrazovanija Riesp. Bielarus' 29 marta 2022 g., № 20/7/57 / Nacional'nyj centr zakonodatiel'stva i pravovoj informacii Riespubliki Bielarus'. – Riezhim dostupa: <https://etalonline.by/document/?regnum=-u222e1045>. – Data dostupa: 18.10.2024.

4. Profiessional'nyj standart «Profkonsul'tant» [Eliektronnyj riesurs] : utvierzhdion prikazom M-va truda i soc. zashchity Ros. Fiedieracii ot 21.06.2023, № 537n. – Riezhim dostupa: <https://fgosvo.ru/uploadfiles//profstandart/03.020.pdf>. – Data dostupa: 24.10.2024.

5. Statistichieskij obzor ko Dniu molodiozhi i studienchiestva [Eliektronnyj riesurs] / Nacional'nyj statistichieskij komitet Riespubliki Bielarus'. Statistichieskij obzor 23.06.2022. – Riezhim dostupa: https://www.belstat.gov.by/-upload-bel-tat/up-load-belstat-pdf/oficial_statistika/-statobzor-stud-2024.pdf. – Data dostupa: 26.10.2024.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 04.11.2024

УДК 316.4:316.472.47-057.875:004(208)

Михаил Яковлевич Тишкевич*канд. социол. наук, доц., зав. каф. политологии и социологии
Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины***Mikhail Tishkevich***Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Political Science and Sociology
of Francisk Skorina Gomel State University
e-mail: tishkevich@gsu.by*

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ВИРТУАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Исследуется актуальная проблема социального капитала студенческой молодежи в контексте виртуализации современного общества. По мнению автора, нарастающая виртуализация общества, спровоцированная развитием современных технологий, оказывает двойственное влияние на формирование социального капитала студенческой молодежи. Автор подчеркивает, что в контексте социальной практики происходит замена «среды вещей» «средой образов», симулякрами, что оказывает неоднозначное влияние на процессы общественных изменений и на самого человека, особенно на ранних стадиях социализации. Опираясь на данные социологических исследований, автор статьи показывает влияние цифровых технологий на формирование, развитие и приумножение социального капитала студенческой молодежи на современном этапе общественного развития.

Ключевые слова: *социальный капитал, студенческая молодежь, виртуализация общества, социологические исследования, «среда образов», «среда вещей», симулякры.*

Social Capital of Student Youth in the Context of the Virtualization of Modern Society

This article addresses the pressing issue of the social capital of student youth in the context of the virtualization of modern society. According to the author, the increasing virtualization of society, driven by the development of modern technologies, has a dual impact on the formation of the social capital of student youth. The author emphasizes that in the context of social practice, the «environment of things» is being replaced by an «environment of images», simulacra, which has an ambiguous impact on the processes of social change and on individuals, especially in the early stages of socialization. Based on sociological research data, the author demonstrates the influence of digital technologies on the formation, development, and multiplication of the social capital of student youth at the current stage of social development.

Key words: *social capital, student youth, virtualization of society, sociological research, «environment of images», «environment of things», simulacra.*

Введение

Одной из отличительных особенностей современности является виртуализация социальной реальности, которая носит универсальный и всеобщий характер. Лавинообразный характер виртуализации всех сфер жизни общества заставляет говорить о «компьютерной революции». Так, известный исследователь Д. В. Иванов, пишет: «Отказ от не критического восприятия модели информационного общества с характерным для нее технологическим детерминизмом открывает перспективу более адекватной интерпретации компьютерной революции как одной из тенденций трансформации общества». По его мнению, «приоритетным в последние годы XX в. стало развитие не информационных, а симуляцион-

ных технологий – технологий виртуальной реальности» [1, с. 13]. Процессная сущность виртуализации общества состоит в нарастающей замене «среды вещей» «средой образов», что может привести к неопределенности, неустойчивости и непредсказуемости развития социума.

Относительно осмысления и интерпретации самого термина «виртуализация» в научном сообществе не выработано единого подхода. Существует много определений: от «широких», в которых «виртуализация – это любое замещение реальности ее симуляцией/образом – необязательно с помощью компьютерной техники, но обязательно с применением логики виртуальной реальности» [1, с. 18], до «узких», в которых «виртуализация социального предстает

как диалектическое взаимодействие двух составляющих, одна из которых характеризует пространственные изменения, проявляющиеся в виде детерриторизации, а вторая обеспечивает виртуальный, симуляционный характер процессов» [2].

Универсальный и всеобщий характер виртуализации общества отражается и на социальных отношениях, воспроизводстве социальных взаимосвязей, лежащих в основе формирования накопления и приумножения социального капитала.

Цель статьи – показать особенности социального капитала студенческой молодежи в контексте виртуализации современного общества.

Основная часть

Нельзя не заметить влияние, которое оказывают технологии виртуальной реальности, в т. ч. на формирование, накопление и приумножение социального капитала студенческой молодежи, тех, кого относят к поколению «Z». В контексте социальной практики виртуализация демонстрирует двойственность применения и использования. С одной стороны, это высокая степень эфемерности виртуального пространства, широкие возможности для манипулирования сознанием и поведением человека. Виртуальные технологии создают утопические образы, в ряде случаев неотличимые от подлинных, что осложняет восприятие новой информации. «Экспансия виртуальности проявляется в том, что искусственно созданный мир превращается из “зеркального подобию” реальности в самостоятельную и относительно автономную систему, влияющую на современную социокультурную среду, отношения, сознание и личность современного человека» [3, с. 76–77]. В этом случае виртуальные технологии широко используются в создании и тиражировании т. н. фейков (англ. *fake* – поддельный, фальшивый) и дипфейков (англ. *deepfake* – глубинное обучение + подделка). В первом случае это практически безграничный набор лживых предложений и образов от контрафактных вещей и продуктов до лживых новостей и фальшивых аккаунтов в Интернете. Во втором случае это более глубокая проработка контента – синтез изображения и/или голоса с помощью искусственного интеллекта. В современном обще-

стве происходит нарастание влияния «среды образов», симулякров, спровоцированное развитием современных технологий. Очевидно, что замещение устойчивой «среды вещей» симулякрами, образами оказывает неоднозначное влияние на процессы общественных изменений и на самого человека, особенно на ранних стадиях социализации. «Виртуализация социального, наделяя субъект широкими возможностями игры с социальными ролями и построения множественных идентичностей, неизбежно приводит к трансформации традиционных механизмов самоидентификации в социальном пространстве» [4, с. 66].

С другой стороны, нельзя не признать, что виртуализация общества – процесс необратимый, это одна из функциональных подсистем современного общества направленных (при всех ее издержках) на повышение эффективности и производительности практически всех общественных процессов, в т. ч. и на формирование, воспроизводство и приумножение социального капитала. Как известно, «социальный капитал – это основанные на доверии, групповой идентичности, соблюдении норм межличностные отношения и социальные связи, приводящие к реализации жизненно важных социетальных и индивидуальных ценностей» [5, с. 118].

Проблемы формирования, накопления и приумножения социального капитала студенческой молодежи в контексте виртуализации современного общества являются важной частью исследований, проводимых кафедрой политологии и социологии Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины. В данной статье представлены некоторые результаты исследований, проведенных совместно с кафедрой социологии Белорусского государственного университета, и результаты исследований студенческой социологической лаборатории «SOCIUM» кафедры политологии и социологии. Методом CAWI (компьютерного веб-интервьюирования) с использованием онлайн-сервиса для создания форм обратной связи проведения опросов Google forms были опрошены студенты технических, естественно-научных и гуманитарных специальностей (N = 250) Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины. Цель исследования –

определить особенности формирования, накопления и приумножения социального капитала студенческой молодежи в контексте виртуализации современного общества.

Одной из важных составляющих социального капитала является уровень доверия различным агентам влияния. По мнению Ф. Фукуямы, «социальный капитал – это определенный потенциал общества или его части, возникающий как результат наличия доверия между его членами» [6, с. 23].

Исследователь Ричард Роуз полагает: «Считается возможным измерить долю индивидуального социального капитала путем определения склонности человека к доверию другим людям или путем исчисления количества индивидов, участвующих в добровольных организациях» [7, с. 27].

В таблице 1 показаны результаты изучения потенциала цифровых технологий в вопросах повышения или понижения сплоченности и доверия в обществе.

Таблица 1 – Цифровые технологии позволяют людям быть ближе друг к другу, повышают уровень сплоченности и доверия, %

1. Да	47,6
2. Нет	19,6
3. Затрудняюсь ответить	32,8
4. Всего	100

Как видно из полученных данных, почти половина опрошенных студентов (47,6 %) полагают, что цифровые технологии сближают людей и повышают уровень доверия между людьми. Но достаточно большое количество респондентов (32,8 %), отвечавших на вопросы анкеты, не выработали своей позиции по этому вопросу. Студентов, ответивших на вопрос анкеты отрицательно, оказалось 19,6 %. Сплоченность показывает уровень единства в группе, характеризует прочность и устойчивость межличностных взаимоотношений и взаимодействий. Сплоченность в группе строится на доверии между членами социальной группы по вертикали и горизонтали общественных отношений. Доверие, как и недоверие, в регуляции жизни и деятельности студенческой молодежи выполняет функции познания и самопознания, самореализации и самовыражения, формирования и поддержания социального взаимодействия, социальных отношений и в целом, способствует личностному росту.

Личностный рост включает в себя не только профессиональное развитие, но и улучшение навыков межличностного общения, интеллекта и самосознания человека. При этом социальный капитал студенческой молодежи формируется и приумножается, в значительной степени благодаря присутствию в социальных сетях. Социальные сети активно используются как студен-

тами, так и преподавателями, поскольку представляют собой платформу, онлайн-сервис, позволяющие построить и организовать взаимоотношения и взаимодействия, обмен информацией между субъектами образовательного процесса.

«Социальная сеть (англ. *social networks*) представляет собой интернет-площадку, посетители которой имеют возможность создать информационный ресурс (о себе, своих интересах, достижениях и прочее) с целью установить связи с людьми, разделяющими их интересы» [8, с. 142]. Наиболее популярными среди студенческой молодежи являются социальные сети «ВКонтакте», ТікТок, Facebook, Instagram.

Социальные сети используются для совместного решения научных и учебных задач, обретения новых знаний, навыков, умений. Активное использование потенциала социальных сетей студентами и преподавателями способствует решению педагогических задач, таких как непрерывность учебно-воспитательного процесса, доступность учебных материалов и образовательной среды в целом. Однако спорным остается вопрос о том, насколько целесообразно включать социальные сети в образовательный процесс в качестве полноценного (равноправного) образовательного ресурса (таблица 2).

Таблица 2 – Социальные сети должны быть задействованы в образовательном процессе как полноценный образовательный ресурс?, %

1. Да	72,6
2. Нет	16,8
3. Трудно сказать	10,6
4. Всего	100

Итоги опроса показывают, что 72,6 % респондентов, выбравших ответ «Да», полагают, что активное использование социальных сетей способствует развитию творческого и технологического потенциала студентов, обеспечивает оперативную консультационную и информационную поддержку, повышает информационную культуру участников образовательного процесса. Респонденты, выбравшие ответ «Нет», (а это 16,8 %), считают, что социальные сети перегружены развлекательным контентом, что мешает сосредоточиться на решении учебных и научных задач. Не определились в вопросе использования социальных сетей в образовательном процессе 10,6 % респондентов, что может быть объяснено пониманием как положительного, так и отрицательного влияния социальных сетей на учебно-воспитательный процесс.

Виртуальное общение и взаимодействие в социальных сетях многофункционально и охватывает как развлечения и про-

ведение досуга, получение информации, так и реализацию творческих планов, раскрытие творческого потенциала личности в различных сферах.

Характеризуя такие аспекты личностного развития, как самовыражение, самореализация (таблица 3), 85,6 % респондентов подчеркивают высокие возможности цифровых технологий в процессе достижения своих целей и раскрытии своего внутреннего потенциала. 11,6 % респондентов не определились по этому вопросу. Причем отрицательно ответивших на этот вопрос респондентов набралось в пределах статистической погрешности – 2,8 %. Между тем неконтролируемое и чрезмерное погружение в виртуальное взаимодействие создает угрозу формирования калейдоскопической, фрагментарной картины мира у молодых людей, что может привести к утрате навыков непосредственного межличностного общения и социальному отчуждению.

Таблица 3 – Цифровые технологии дают свободу, обеспечивают возможность творчества, самореализации и самовыражения?, %

1. Да	85,6
2. Нет	2,8
3. Трудно сказать	11,6
4. Всего	100

Будущее Беларуси в значительной степени определяется ценностными ориентирами, которыми руководствуется студенческая молодежь. В таблице 4 показаны ре-

зультаты опроса респондентов относительно жизненных ценностей, являющихся определяющими в настоящее время.

Таблица 4 – Определите степень важности для Вас следующих базовых ценностей, %

Базовые ценности	Очень важно	Скорее, важно	Скорее, неважно	Совсем неважно	Затрудняюсь ответить
1. Работа	66,5	14,7	5,2	4,7	8,9
2. Семья	60,2	23,8	7,6	5,5	2,9
3. Друзья и знакомые	40,2	35,8	12,7	5,4	5,9
4. Досуг	42,6	24,8	22,7	6,8	3,1
5. Здоровье	82,9	8,7	3,6	2,4	2,4
6. Политика	31,7	18,8	22,6	16,6	10,3
7. Патриотизм	31,5	33,7	9,8	3,6	21,4
8. Историческая память	42,7	29,2	4,2	2,8	21,1
9. Религия	36,4	22,6	12,2	9,7	19,1
10. Экология	42,1	22,7	11,4	8,7	15,1

Первую группу базовых ценностей (по сумме ответов респондентов «очень важно» и «скорее, важно») составили абсолютные и непреходящие ценности: здоровье (91,6 %), семья (83 %), работа (81,2 %). Здоровье превалирует в структуре ценностей молодежи и занимает первое место в их иерархии.

Друзья и знакомые (76 %), историческая память (71,9 %), досуг (67,4 %) вошли в состав второй группы базовых ценностей, выбранных студентами. Характерно, что ценность «историческая память» в представлении молодого поколения выше, чем гедонистические ценности, связанные с проведением досуга.

В третьей группе зафиксированы такие базовые ценности, как патриотизм (65,2 %), экология (64,8 %), религия (59 %) и политика (50,5 %).

Полученный ценностный профиль актуализирует важную составную часть социального капитала – гражданскую идентичность, без формирования которой невозможно становление и развитие политически зрелого и социально ответственного члена общества. «Под гражданской идентичностью понимаем осознанный процесс соотносённости или тождественности человека с определенным гражданским обществом в конкретном социально-культурном контексте, принятие ценностей этого общества, а также активное позитивное влияние на его развитие» [9, с. 18]. В основе гражданской идентичности – самоуважение личности, национальная гордость, патриотизм, любовь к родной земле; это понятия, наделенные сакральным смыслом. Ввиду этого гражданская идентичность – это составная часть и действенная движущая сила процесса формирования, накопления и приумножения социального капитала студенческой молодежи, приобретающая особую актуальность в условиях глобализации.

Заключение

Уникальность современного этапа развития общества состоит в том, что ради-

кальные изменения происходят здесь и сейчас, в режиме реального времени, открывая небывалые возможности для развития и создавая проблемы, с которыми прежде человечество не встречалось. Распространенность и общедоступность присутствия в виртуальном пространстве унифицирует цивилизационное развитие и способствует ускоренной модернизации. Виртуальность выступает своеобразной средой познания и обучения, продуцируя новое, лучшее и жизненно важное для студенческой молодежи. Однако формирование социального капитала осложняется нивелированием границ между реальностью и фантазиями, иллюзорными представлениями о полной свободе самовыражения в виртуальном пространстве и рисками, связанными с безопасностью в отношении личных данных и интеллектуальной собственности.

Формирование социального капитала студенческой молодежи в условиях виртуализации общества подвергается воздействию новых форм псевдодоверительных отношений (фейки, дипфейки и др.) с высоким потенциалом и возможностями манипулирования массовым сознанием и перспективой развития социальной аномии. Тем не менее приверженность студенческой молодежи базовым, фундаментальным ценностям, таким как здоровье, семья, работа, дружеские отношения дает основания полагать, что виртуализация социальной реальности пока не оказывает определяющего влияния на формирование и развитие социального капитала.

Вместе с тем в обществе с преобладанием виртуальной коммуникации необходимо усиливать ценности коллективизма, солидарности, патриотизма, гражданственности, активизировать механизмы включения студенческой молодежи в общественные организации и объединения, деятельность которых направлена на решение общественно значимых проблем.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Иванов, Д. В. Виртуализация общества = Virtualization of society / Д. В. Иванов. – СПб. : Петерб. востоковедение, 2000. – 95 с.

2. Луценко, Е. В. Виртуализация общества как основной информационный аспект глобализации (основы информационно-функциональной теории развития техники и информационной теории стоимости) [Электронный ресурс] / Е. В. Луценко. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualizatsiya-obschestva-kak-osnovnoy-informatsionnyy-aspekt-globalizatsii-osnovy-informatsionno-funktsionalnoy-teorii-razvitiya/viewer>. – Дата доступа: 14.10.2024.
3. Королева, Н. Н. Экспансия виртуальности / Н. Н. Королева // Вестн. Герц. ун-та. – 2011. – № 9. – С. 76–78.
4. Капитонова, Т. Феномен виртуализации социальной реальности: проблемы и перспективы / Т. Капитонова // Наука и инновации. – 2014. – № 8. – С. 65–68.
5. Ценностный мир современного человека: страны Восточного партнерства, Европейский союз и Россия в международных проектах по изучению ценностей / Д. Г. Ротман [и др.] ; под ред. Д. М. Булышко [и др.]. – Минск : БГУ, 2016. – 219 с.
6. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию : пер. с англ. / Ф. Фукуяма. – М. : АСТ, 2004. – 730 с.
7. Роуз, Р. Достижение целей в квазисовременном обществе: социальные сети в России / Р. Роуз ; пер. с англ. Л. Стрельниковой // Обществ. науки и современность. – 2002. – № 3. – С. 23–28.
8. Дьячкова, М. А. Социальные сети как образовательный ресурс / М. А. Дьячкова, О. Н. Томюк // Пед. образование в России. – 2017. – № 12. – С. 141–146.
9. Коряковцева, О. А. Исследование становления гражданской идентичности молодого поколения россиян: интегративный подход / О. А. Коряковцева, Т. В. Бугайчук // Соц.-полит. исслед. – 2021. – № 3 (12). – С. 15–23.

REFERENCES

1. Ivanov, D. V. Virtualizacija obshchiestva = Virtualization of society / D. V. Ivanov. – SPb. : Pietierb. vostokovedienije, 2000. – 95 s.
2. Lucenko, Je. V. Virtualizacija obshchiestva kak osnovnoj informacionnyj aspipekt globalizacii (osnovy informacionno-funkcional'noj tieorii razvitija tiekhniki i informacionnoj tieorii stoimosti) [Eliكتروнный ресурс] / Je. V. Lucenko. – Riezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualizatsiya-obschestva-kak-osnovnoy-informatsionnyy-aspekt-globalizatsii-osnovy-informatsionno-funktsionalnoy-teorii-razvitiya/viewer>. – Data dostupa: 14.10.2024.
3. Koroliova, N. N. Ekspansija virtual'nosti / N. N. Koroliova // Viestn. Gierc. un-ta. – 2011. – № 9. – S. 76–78.
4. Kapitonova, T. Fienomien virtualizacii social'noj rieval'nosti: problemi i pierspiektivy / T. Kapitonova // Nauka i innovacii. – 2014. – № 8. – S. 65–68.
5. Ciennostnyj mir sovriemiennogo chielovieka: strany Vostochnogo partniorstva, Jevropiejskij sojuz i Rossija v miezhdunarodnykh projektakh po izuchieniju ciennostiej / D. G. Rotman [i dr.] ; pod ried. D. M. Bulynko [i dr.]. – Minsk : BGU, 2016. – 219 s.
6. Fukujama, F. Dovierije: social'nyje dobrodietieli i put' k procvietaniju : pier. s angl. / F. Fukujama. – M. : AST, 2004. – 730 s.
7. Rouz, R. Dostizhenije cieliej v kvazisovriemiennom obshchiestvie: social'nyje sieti v Rossii / R. Rouz ; pier. s angl. L. Striel'nikovoj // Obshchiestv. nauki i sovriemiennost'. – 2002. – № 3. – S. 23–28.
8. D'jachkova, M. A. Social'nyje sieti kak obrazovatel'nyj riesurs / M. A. D'jachkova, O. N. Tomiuk // Pied. obrazovanie v Rossii. – 2017. – № 12. – S. 141–146.
9. Koriakovcieva, O. A. Issliedovanie stanovlienija grazhdanskoj idientichnosti molodogo pokolienija rossijan: intiegrativnyj podkhod / O. A. Koriakovcieva, T. V. Bugajchuk // Soc.-polit. isslied. – 2021. – № 3 (12). – S. 15–23.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 04.11.2024

УДК 316 752-056.24(476)+364.65-056.24(476)

Валерий Леонидович Ананьев*канд. социол. наук, ведущий научн. сотрудник Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета***Valery Ananiev***Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher of the Center for Sociological and Political Studies of Belarusian State University**e-mail: ananiev@bsu.by*

СОЦИАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ИНВАЛИДНОСТИ: АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИЧЕСКОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Исследованы специфика формирования, содержание и условия функционирования моделей инвалидности. Дано описание четырех моделей инвалидности: медицинской, социальной, политической и модели независимой жизни; проанализировано их содержание. Сделаны выводы: 1) каждая из описанных моделей не потеряла свою актуальность, основные положения каждой модели можно считать компонентами процесса реабилитации и социальной интеграции инвалидов; 2) ни одна из описанных моделей инвалидности вследствие многообразия форм и видов инвалидности, а также степеней их выраженности не является универсальной. Изложен авторский подход к построению модели инвалидности. Описаны три модели социальной инклюзии для отдельных групп инвалидов. Статья может использоваться в научно-исследовательской работе социологов и представителей других направлений науки, а также в практической деятельности работников сферы образования и специалистов по социальной реабилитации инвалидов.

Ключевые слова: модели инвалидности, инвалиды, социальная инклюзия, социология.

Social Models of Disability: Content Analysis and Problems of Practical Use

The specifics of the formation, content and conditions of functioning of disability models are investigated. Four models of disability are described: medical, social, political and independent life models, and their content is analyzed. Conclusions are drawn: 1. Each of the described models has not lost its relevance, the main provisions of each model can be considered components of the process of rehabilitation and social integration of disabled people. 2. None of the described models of disability, as a result of the variety of forms and types of disability, as well as the degrees of their severity, are universal. The author's approach to the construction of a disability model is outlined. The three models of social inclusion proposed by the author for certain groups of people with disabilities are described. The article can be used in the research work of sociologists and representatives of other fields of science, as well as in the practical activities of educators and specialists in the social rehabilitation of the disabled.

Key words: Disability models, people with disabilities, social inclusion, sociology.

Введение

В настоящее время целью социальной политики белорусского государства является обеспечение социального комфорта и материального благополучия всех категорий населения. В последнее время руководство страны значительное внимание уделяет решению жизненных проблем социально незащищенных групп населения, к которым относятся и люди с инвалидностью. Во всем мире, и Республика Беларусь не исключение, наблюдается устойчивая тенденция к росту инвалидизации населения. По оценкам ООН, инвалиды составляют до 10 % населения мира. В Республике Беларусь люди с инвалидностью на начало 2020 г. составляли 6,2 % населения [1, с. 49]. Отме-

ченное обстоятельство является дополнительным фактором, повышающим значимость для государства и общества решения проблем этой социальной группы.

Важно, что в настоящее время проблемы инвалидов решаются не только на основе научных и практических наработок отечественных ученых и практиков, но также и с использованием передового зарубежного опыта. Вместе с тем для повышения социальной эффективности мер государственной социальной поддержки лиц этой социальной группы необходим глубокий всесторонний мультисистемный анализ жизненных проблем инвалидов, а также отношения к ним общества. По нашему мнению, для успешного решения отмеченных выше

задач необходимо четкое понимание инвалидности как социального феномена.

Сегодня в научной и публицистической литературе понятие инвалидности рассматривается преимущественно в медицинском контексте (медицинская модель инвалидности). Вместе с тем в международных документах и в белорусском законодательстве рассматривается социальная модель инвалидности. Кроме того, существует еще ряд моделей инвалидности. Однако, на наш взгляд, упомянутые выше подходы к построению модели инвалидности не позволяют в полной мере дать адекватную характеристику инвалида как члена общества и определить эффективные способы и методы работы его по социальной интеграции. Учитывая разнообразие видов и форм инвалидности, а также степень их выраженности, важно разработать модель инвалидности, в одинаковой степени применимую ко всем представителям данной социальной группы.

Следует иметь в виду, что адекватное понимание инвалидности как социального феномена имеет важное значение и при разработке государственных правовых и нормативных актов по проблемам инвалидов, и в проведении социальной работы с ними.

Как предмет социологического анализа жизненные проблемы инвалидов относятся к категории малоизученных. Среди научных трудов представителей российской социологии, посвященных проблемам моделирования инвалидности, можно отметить работу П. В. Романова и Е. Р. Ярской-Смирновой [2].

Целью настоящего исследования стал анализ существующих моделей инвалидности, выявление и описание проблем, присущих каждой из них, а также разработка подходов к определению оптимальной модели инвалидности, отражающей все факторы и компоненты процесса их социальной интеграции. *Предметом* исследования является специфика формирования содержания и условия функционирования моделей инвалидности. *Объект* исследования – социальная группа «инвалиды всех категорий».

Основная часть

Прежде всего необходимо отметить проблему терминологии, суть которой состоит в требовании определенной части инвалидов, особенно молодых и руководите-

лей общественных организаций инвалидов, замены термина «инвалид» на термин «человек с инвалидностью» или «человек с ограниченными возможностями». Эти требования стали появляться еще в конце 1980-х гг. во время объявленной в СССР перестройки и гласности, характеризующиеся значительной трансформацией общественного мнения в отношении инвалидов. Результаты проведенных нами социологических исследований свидетельствуют, что замена термина «инвалид» на какой-либо другой не приведет к серьезным изменениям отношения общества к инвалидам [3, с. 71].

По мнению С. И. Новиковой, проблема с определением терминологии по вопросам инвалидности остается актуальной на международном и национальных уровнях. До настоящего времени не выработана единая позиция по поводу определения термина «инвалид». Данное понятие представляется эволюционирующим и отпавшим, следовательно, иные определения, связанные с инвалидностью, требуют уточнений в национальном законодательстве. Формирование понятийного аппарата, описывающего целостное явление инвалидности в его современном правовом понимании, пока не получило должного освещения [4].

В научной литературе сложилось несколько концептуальных подходов к пониманию сущности инвалидности. Латинское слово «инвалид» (*invalid*) означает «непригодный». В русском языке оно укоренилось в XVIII в. Первоначально инвалидами называли бывших военнослужащих, которые по состоянию здоровья не могли себя обслуживать. В XIX в. к инвалидам стали относить лиц, полностью утративших возможность заработка в связи с состоянием здоровья. Долгое время при характеристике инвалидов акцент делался именно на профессионально-трудовой стороне жизнедеятельности. Вплоть до конца 1980-х гг. в СССР в основу определения инвалидности был положен принцип полной или частичной потери человеком трудоспособности по своей профессии. Все инвалиды делились на три группы. При этом степень утраты трудоспособности, т. е. группу инвалидности, определяла специальная врачебно-трудовая экспертная комиссия (далее – ВТЭК), состоявшая исключительно из медицинских работников. В научной, научно-популярной и

публицистической литературе содержание понятия «инвалидность» в большинстве случаев по-прежнему рассматривается в медицинском и экономическом контекстах. В Республике Беларусь группы инвалидности существуют до настоящего времени.

В документе ВОЗ «Международная классификация функционирования, ограничений жизнедеятельности, здоровья», принятом в 2001 г., приводятся две модели инвалидности – медицинская и социальная [5].

Медицинская модель рассматривает ограничение жизнедеятельности как персональную проблему, вызванную непосредственно болезнью, травмой или другими изменениями здоровья, которая требует медицинской помощи в виде индивидуального лечения, проводимого профессионалами. Иллюстрацией является следующее определение: «Инвалид – человек, частично или полностью утративший трудоспособность, например, вследствие хронического заболевания или травмы» [6, с. 439]. При таком подходе инвалидам фактически присваивается статус больных, отклоняющихся от социальной нормы (девиантов), что приводит к выводу о необходимости их исправления (лечения) или изоляции. Медицинская помощь рассматривается как основной выход из положения. Следовательно, социальные перспективы инвалида связаны с реформированием прежде всего систем здравоохранения и социального обеспечения. При этом целью таких реформ является повышение качества медицинской помощи инвалиду и рост его материального благополучия исключительно посредством пенсионирования.

Социальная модель инвалидности рассматривает ее как социальную проблему, окончательным решением которой является полная интеграция инвалида в общество. Ограничение жизнедеятельности здесь не только атрибут индивида, а комплексное сочетание условий, многие из которых сформированы социальным окружением. Следовательно, требуются изменения, которые на политическом уровне тесно связаны с проблемами прав человека. В соответствии с этой моделью физические и интеллектуальные ограничения жизнедеятельности инвалида фактически приобретают политический смысл.

По мнению российских специалистов И. В. Калашникова и А. А. Тринадцатко, сегодня наиболее известны 12 моделей инвалидности [7 с. 277]. В дополнение к рассмотренным выше моделям мы рассмотрим еще две, на наш взгляд, наиболее распространенные – политическую и «модель независимой жизни».

Сторонники *политической модели* в качестве основных проблем инвалидов считают отсутствие или недостаточность прав этих граждан. Но дело не в том, что у инвалидов мало прав, а в том, что нет условий и конкретных механизмов для реализации уже имеющихся. Таким образом, в этой модели инвалиды фактически приравниваются к другим социальным группам, составляющим меньшинство населения страны.

Модель независимой жизни. Ее сторонники считают, что инвалиды должны быть независимы в выборе своего поведения и места в жизни, а общество должно предоставить им возможность такого выбора. Общественное устройство должно быть нацелено на то, чтобы люди с различным состоянием здоровья могли беспрепятственно реализовывать свои права. Окружающие, в т. ч. и работники социальной сферы, играют роль, скорее, консультантов как для самих инвалидов, так и для организаций, определяющих их жилую среду и жизненные условия.

В СССР и до настоящего времени в Беларуси для социальной группы «инвалиды по зрению» фактически существуют определенные элементы этой модели в виде специальных территорий, т. н. «микрорайонов» – специальных предприятий и жилых микрорайонов. На территории микрорайона создана необходимая инфраструктура, соответствующая безбарьерная среда, позволяющая слепому человеку самостоятельно передвигаться по его территории, т. е. жить независимо.

Однако модель *независимой жизни*, на наш взгляд, не следует рассматривать как идеальную: по техническим причинам невозможно (а по социально-экономическим и нецелесообразно) адаптировать на 100 % всю социальную среду государства к потребностям инвалидов. Следовательно, разные страны в зависимости от законодательной базы и уровня жизни могут приближаться или удаляться от этой модели.

Установленные ООН «Правила уравнивания возможностей для лиц с инвалидностью» обязывают все государства принять меры для устранения препятствий интеграции инвалидов в общество.

Смеем утверждать, что все описанные выше модели фактически содержат описание отдельных компонентов инвалидности, выдвигая на передний план какой-то один из них. Вместе с тем из всех четырех описанных выше моделей наиболее адекватной, на наш взгляд, является *социальная* модель инвалидности. Практическим подтверждением сказанного является то, что современное белорусское законодательство об инвалидах строится на принципах этой модели. Вместе с тем *социальная* модель не является идеальной.

В нашем обществе в отношении инвалида сложился стойкий социальный стереотип, согласно которому инвалид вследствие своего физического состояния является человеком неполноценным, а потому нуждается в постоянной помощи и заботе со стороны государства и общества. Прочной основой данного стереотипа является *медицинская* модель, фактически являющаяся общественным обоснованием иждивенчества инвалидов. Государственным обоснованием социального иждивенчества инвалидов является законодательная норма, согласно которой инвалид даже при наличии возможности трудовой деятельности не обязан работать. Но возникает вопрос: в какой мере проблема социального иждивенчества может быть решена в *социальной* модели инвалидности? Попробуем ответить на него из опыта собственной социальной практики – инвалида по зрению с детства.

Определенно, положительным моментом *социальной* модели является то, что жизненные проблемы инвалида не суть исключительно только его личные. Также априори положительной является ее цель – полноценная социальная интеграция инвалида. Вместе с тем, по нашему мнению, здесь имеется серьезное противоречие, которое на практике может являться источником социальных проблем. С одной стороны, полная интеграция инвалида в общество есть социальное благо, особенно для него самого и его близких, и во многих случаях – для общества. Вместе с тем решение этой задачи требует от общества не только опре-

деленных материальных затрат, но и изменения отношения к инвалиду у обычных людей. С другой стороны, нельзя говорить о социальной интеграции, например, человека с высокой степенью интеллектуальной недостаточности или полным отсутствием интеллекта. В этом случае любые мероприятия по его социализации, бесспорно, вызовут определенную социальную нагрузку на общество. Следовательно, постановка вопроса о полной тотальной социальной интеграции инвалидов есть не что иное, как *политический популизм*. По нашему мнению, *политическая* модель является одним из компонентов социальной модели инвалидности. Не следует также утверждать что исключительной причиной наличия у человека физических ограничений является его социальное окружение.

Кроме того, из вида упускается то обстоятельство, что причина инвалидности во многом определяет социальное поведение как самого инвалида, так и (в ряде случаев) его близких. Автор знаком с конкретными людьми, ставшими инвалидами исключительно по своей вине – из-за пренебрежения ими правил безопасной жизнедеятельности. Можно ли в этой связи утверждать, что основной причиной беды таких людей также является социальное окружение?

Нельзя принижать роль такого фактора, как причина инвалидности – болезнь, особенности психофизического развития или увечье, которые невозможно исправить никакими «социальными методами» и изменением терминологии. Они требуют специальной медицинской помощи, причем в большинстве случаев – постоянной. Однако в *социальной* модели инвалидности это обстоятельство фактически отодвигается на задний план. В этих условиях практическая реализация инвалидом своих притязаний, например, права на труд, может осуществляться без учета ограничений, обусловленных состоянием его здоровья. В конечном итоге такая практическая «реализация» его прав, неоспоримо являющаяся для него и общества социальным благом, на практике может привести к его личной трагедии – ухудшению состояния здоровья и, возможно, к полной или частичной потере трудоспособности.

Требование сторонников социальной модели толерантного отношения ко всем

без исключения инвалидам – абсолютная толерантность – фактически снимает вопрос о наличии как у инвалида, так и у его близких определенных обязанностей перед обществом. Достаточно типичной является позиция конкретного инвалида («Я хочу делать..., Я хочу быть...»), но при этом упускаются из виду обстоятельства («Могу ли я делать..., Смогу ли я стать...»). Практическая реализация подобных притязаний достаточно часто выражается в абсолютно бесполезной трате немалых средств на покупку инвалиду дорогостоящих технических средств реабилитации – фактически недолгих в использовании.

Нельзя не упомянуть и о проблемах профессионального образования инвалидов. В начале 1990-х гг. в нашей стране инвалиды при наличии медицинских рекомендаций практически могли вне конкурса поступать на любые специальности в любой вуз на самые престижные специальности. Такое решение было достаточно мотивировано: инвалид не может на равных конкурировать с обычными абитуриентами. В настоящее время таких правил поступления инвалидов в белорусские вузы не существует. Нам неизвестны истинные причины его отмены, однако с высокой долей вероятности смеем предположить: фактически лишь незначительное число инвалидов, получивших бесплатное образование за государственный счет, после окончания вуза шли работать по распределению по специальности, что, по нашему мнению, сыграло важную роль в отмене внеконкурсного поступления инвалидов в высшие учебные заведения. Описанное выше, по сути, является иллюстрацией абсолютного иждивенчества инвалидов.

В настоящее время основой социальной политики в отношении инвалидов в нашей стране является принцип социальной инклюзии, являющийся практической реализацией социальной модели инвалидности. Однако в научной и публицистической литературе, а также в публичных выступлениях как лидеров общественных организаций инвалидов, так и отдельных представителей данной социальной группы на передний план выдвигается исключительно реализация нерешенных прав и жизненных проблем инвалидов. Однако мы практически не встречаем высказываний о том, что

для успешного решения жизненных проблем инвалида необходимо наличие у него определенных обязанностей перед обществом – социальных обязанностей, заключающихся в его адекватном социальном поведении и соответствующих его физическим и умственным возможностям социальных притязаниях. Эту идею мы неоднократно высказывали на семинарах и дискуссионных площадках, посвященных проблемам инвалидов. Реакция слушателей, прежде всего инвалидов, точнее, «лиц с инвалидностью» (как они себя называли), в большинстве случаев была негативной. Чаще всего эта наша идея находит положительный отклик среди обычных членов общества, особенно у специалистов-дефектологов и отдельных инвалидов, успешно реализовавших себя.

Итак, возникает вопрос о правомерности требования от инвалидов каких-либо обязанностей перед обществом, учитывая их физическое состояние и фактическое социальное положение. На этот вопрос белорусское общество дает однозначный отрицательный ответ. Обоснованием данной позиции является упомянутый выше стойкий социальный стереотип. Мы также не можем дать однозначно положительного ответа на этот вопрос по двум причинам. Первая – это наличие среди инвалидов людей с низким уровнем или полным отсутствием интеллекта; эту группу предлагаем классифицировать как *внесоциальные инвалиды*. Вторая – отсутствие каких-либо законодательно закрепленных социальных обязанностей инвалидов перед обществом. Считаем, что наличие у инвалида социальных обязанностей перед обществом должно быть его ценностной установкой.

К примеру, никто не вправе заставить инвалида работать. Однако в том случае, если он хочет успешно реализовать свое право на труд, ему необходимо иметь в виду: работодатель ждет прежде всего не инвалида, а работника. Поэтому для работника с инвалидностью важно не только иметь необходимую квалификацию, но и добросовестно выполнять свои трудовые обязанности, несмотря на свою инвалидность, быть «равным» в трудовой деятельности членом коллектива [8]. Пренебрежение инвалидом отмеченными выше обязанностями во многих случаях создает для него определенные

трудности и в конечном счете может привести к потере работы. Иными словами, если инвалид хочет быть равным членом общества, он обязан сам стараться быть таковым.

Также можно утверждать, что залогом успешной социализации инвалида является наличие такой социальной обязанности, как правильное позиционирование себя в обществе на основе адекватного учета своих проблем, возможностей и потребностей и, соответственно, адекватное социальное поведение.

Заключение

Проведенный нами анализ содержания четырех моделей инвалидности указывает на то, что ни одну из них нельзя отнести к категории несостоятельных. Положения каждой из них в настоящее время не потеряли актуальности. По нашему мнению, основные положения каждой модели фактически являются компонентами процесса реабилитации и социальной интеграции инвалидов.

Однако ни одна из описанных моделей инвалидности, в т. ч. медицинская, в полной мере не является универсальной. Объективной причиной этого является многообразие форм и видов инвалидности, а также степени их выраженности. Кроме того, ни одна из проанализированных моделей не содержит концепции социального поведения инвалида.

Суть предлагаемого нами подхода к построению модели инвалидности заключается в следующем. Необходимо объединение описанных выше моделей инвалидности в одну – *медико-социальную*, которую необходимо рассматривать с учетом составляющих ее равнозначных, постоянно действующих компонентов: *медицинского* (лечение болезни, являющейся причиной инвалидности, или ее симптомов), *экономического* и *социального* (комплекс мероприятий по социальной интеграции инвалида. Неотъемлемым фактором, определяющим эффективность решения проблем инвалида, является взаимодействие с его *социальным окружением* (семья, коллеги по работе, друзья и др.), т. к. наличие инвалидности все-таки оказывает влияние на поведение окружающих. Такой комплексный подход позволяет достаточно четко выстраивать модели социальной инклюзии инвалидов,

учитывающие социальное поведение, их психофизические особенности, включающие систему мер по социальной реабилитации и социальной интеграции каждой группы инвалидов.

Итак, можно предложить следующие модели социальной интеграции, применимые для отдельных групп инвалидов.

1. *Медицинская* – для внесоциальных инвалидов (лиц с высокой степенью интеллектуальной недостаточности или отсутствием интеллекта). Это фактически тяжелобольные люди, для которых требуется медицинское лечение и уход. Социальный компонент для этой группы инвалидов фактически направлен на их социальное окружение – семью: необходимо обеспечить здоровым членам семьи нормальную жизнедеятельность. Наличие в семье внесоциального инвалида не должно являться причиной для прекращения здоровыми членами семьи трудовой деятельности, учебы и др.

2. *Социально-иждивенческая* модель социальной инклюзии применима к неработающим инвалидам, главным занятием которых является досуг. Основными задачами общества для этой социальной группы являются материально-бытовое обеспечение (экономический компонент) и создание необходимых условий их жизнедеятельности (безбарьерная среда в местах их обитания и публичных местах, а также комфортные условия их социальной коммуникации).

3. *Социально-интегративная* модель применима к относительно небольшой группе инвалидов, ведущих активный образ жизни и имеющих работу. Несмотря на наличие болезни или увечья, такие инвалиды способны самостоятельно зарабатывать себе на жизнь, фактически не являясь инвалидами по медицинской модели.

Следует иметь в виду, что описанные нами модели социальной инклюзии – наше авторское предложение, и, по сути, они носят концептуальный характер и требуют конкретной разработки содержания каждой из них. Вместе с тем предлагаемый подход понимания социального содержания инвалидности может стать источником для разработки терминологии, связанной с инвалидностью, отвечающей современным тенденциям социальной практики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Копыток, А. В. Показатели инвалидности населения Республики Беларусь в 2005–2019 гг. / А. В. Копыток // Медико-социальная экспертиза и реабилитация : сб. науч. ст. – Минск : Колорград, 2021. – Вып. 23. – С. 49–53.
2. Романов, П. В. Политика инвалидности: социальное гражданство инвалидов в современной России / П. В. Романов, Е. Р. Ярская-Смирнова. – Саратов : Науч. кн., 2006. – 258 с.
3. Ананьев, В. Л. Социальная реабилитация инвалидов по зрению в Республике Беларусь (социологический анализ) : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.08 / В. Л. Ананьев ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2015. – 201 лс.
4. Новикова, С. И. Определение понятий, связанных с инвалидностью, на современном этапе развития законодательства Республики Беларусь / С. И. Новикова // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. – 2017. – № 3. – С. 23–31.
5. Международная классификация функционирования, ограничений жизнедеятельности, здоровья [Электронный ресурс] / ВОЗ. – Режим доступа: <https://extranet.who.int/iris/restricted/bitstream/10665/85389/1/924454542X.pdf>. – Дата доступа: 27.08.2015.
6. Янгсон, Р. М. Медицинский энциклопедический словарь = Collins dictionary of medicine : 13 000 соврем. мед. терминов : пер. с англ. / Р. М. Янгсон. – М. : АСТ : Астрель, 2005. – 1375 с.
7. Калашникова, И. В. Эволюция социальных моделей инвалидности / И. В. Калашникова, А. А. Тринадцатко // Вестн. ТОГУ. – 2017. – № 3 (46). – С. 277–288.
8. Ананьев, В. Л. Социальные проблемы занятости инвалидов по зрению (социологический анализ) / В. Л. Ананьев // Дефектология. – 2018. – № 1. – С. 3–15.

REFERENCE

1. Kopytok, A. V. Pokazатели invalidnosti nasielienija Riespubliki Bielarus' v 2005–2019 gg. / A. V. Kopytok // Miediko-social'naja ekspiertiza i rieabilitacija : sb. nauch. st. – Minsk : Kolorgad, 2021. – Vyp. 23. – S. 49–53.
2. Romanov, P. V. Politika invalidnosti: social'noje grazhdanstvo invalidov v sovriemiennoj Rossii / P. V. Romanov, Je. R. Jarskaja-Smirnova. – Saratov : Nauch. kn., 2006. – 258 s.
3. Anan'jev, V. L. Social'naja rieabilitacija invalidov po zrieniju v Riespublikie Bielarus' (sociologichieskij analiz) : dis. ... kand. sociol. nauk : 22.00.08 / V. L. Anan'jev ; Bielor. gos. un-t. – Minsk, 2015. – 201 l.
4. Novikova, S. I. Opriedielienije poniatij, sviazannykh s invalidnost'ju, na sovriemiennom etapie razvitija zakonodatiel'stva Riespubliki Bielarus' / S. I. Novikova // Zhurn. Bielor. gos. un-ta. Pravo. – 2017. – № 3. – S. 23–31.
5. Miezhdunarodnaja klassifikacija funkcionirovanija, ogranichienij zhizniediejatiel'nosti, zdorovja [Elektronnyj riesurs] / VOZ. – Riezhim dostupa: <https://extranet.who.int/iris/restricted/bitstream/10665/85389/1/924454542X.pdf>. – Data dostupa: 27.08.2015.
6. Jangson, R. M. Miedicinskij enciklopedichieskij slovar' = Collins dictionary of medicine : 13 000 sovriem. mied. tierminov : pier. s angl. / R. M. Jangson. – M. : AST : Astrel', 2005. – 1375 s.
7. Kalashnikova, I. V. Evoliucija social'nykh modieliej invalidnosti / I. V. Kalashnikova, A. A. Trinadcatko // Viestn. TOGU. – 2017. – № 3 (46). – S. 277–288.
8. Anan'jev, V. L. Social'nyje problimy zaniatosti invalidov po zrieniju (sociologichieskij analiz) / V. L. Anan'jev // Diefiektologija. – 2018. – № 1. – S. 3–15.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 06.12.2024

УДК 159.922.8

Мария Григорьевна Соколовская*магистр психол. наук, ст. преподаватель каф. истории Беларуси и политологии
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина***Maria Sokolovskaja***Master of Psychological Science,**Senior of Lecturer of the Department History of Belarus and Political Science**of Brest State A. S. Pushkin University**e-mail: llogos@list.ru*

ЛЮБОВЬ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ МОЛОДЫХ БЕЛОРУСОВ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Представлены результаты социологического исследования, направленного на изучение гендерных аспектов представлений о любви молодых белорусов. Отмечается, что девушкам присуще более рациональное и ответственное восприятие любви и любовных отношений по сравнению с молодыми мужчинами. Установлено, что в смысловом проявлении любовь играет несколько большую роль в жизни юношей по сравнению с девушками. Выявлено, что, несмотря на то что романтическая любовь включает в себя эротическое притяжение, роль сексуального фактора является важной, но не приоритетной в гендерных отношениях. Доказано, что девушки в большей степени, чем молодые мужчины, ценят душевные качества партнера, а также его интеллект, в то время как для мужчин в любимой девушке наряду с душевными качествами важны внешность и сексуальность. Установлено, что проблема верности в любовных отношениях обладает большой пластичностью, особенно для молодых мужчин, которые, однако, в большей степени склонны считать любовь обязательным мотивом заключения брака. Для девушек важное значение для построения любовных отношений имеет материальный фактор.

Ключевые слова: гендерные особенности, любовь, социологический опрос, мотивы, молодежь.

Love in the Views of Modern Young Belarusian: Gender Aspect

In the article, based on the results of an empirical sociological study, the ideas about love among young Belarusian are presented. It is noted that girls have a more rational and responsible perception of love and love relationships compared to young man. It has been established that, in its semantic manifestation, love plays a slightly larger role in the lives young men compared to girls. It was revealed that despite the fact that romantic love includes erotic attraction, the role of sexual factor is important, but not a priority in gender relationships. It has been proven that young women, more than young men, value the spiritual qualities of a partner as well as his intelligence, while for men, in addition to spiritual qualities, appearance and sexuality are important in a loved one. It has been established that the problem of fidelity in love relationships is highly flexible, especially for young men, who, however are more inclined to consider love as an obligatory motive for marriage. For girls, the financial factor is important for building a love relationships.

Key words: gender peculiarities, love, sociological survey, motives, youth.

Введение

Интенсивная трансформация ценностных систем в эпоху постмодерна и информационно-революционной революции, усиление процессов гедонизации, секуляризации и сексуализации общества, изменение доминирующих образцов феминности и маскулинности способствуют изменению гендерных ролей индивидов, их представлений о любви и любовных практиках. С особой силой эти социальные тренды воздействуют на молодых людей, находящихся в фазе активной социализации. В этих условиях значительный эвристический и практический интерес представляет получение научного

знания о том, как эти социальные трансформации отражаются на представлениях молодых белорусов о любви в их гендерном измерении (преломлении).

В рамках научно-исследовательской работы кафедры истории Беларуси и политологии автором по случайной выборке в ноябре – декабре 2023 г. было опрошено 330 респондентов (ошибка репрезентативности не превышает 5 %) в возрасте до 30 лет, проживающих в различных регионах Брестской области.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в современной Беларуси отсутствуют социологические данные

об отношении молодых белорусов к любви, учитывающие гендерный аспект.

Существующие исследования этого феномена применительно к этой социальной категории фокусируются на изучении отдельных характеристик любви и не носят системного характера.

Так, российские исследователи Е. С. Пышкина и Е. В. Зиновьева, изучая эмоционально-оценочные компоненты телесного образа «я», приходят к заключению: «Молодые мужчины и женщины одинаково ориентированы на внешность. При этом удовлетворенность параметрами тела не имеет существенных различий» [1, с. 104].

Существует серия публикаций, посвященных изучению сексуальных аспектов отношений между молодыми людьми. Так, российский психолог Т. Бендас отмечает, опираясь на ряд научных источников, что мужчины предпочитают эротический и игровой стили (эрос и людус) и отвергают альтруистический и болезненный (агапэ и мания).

Женщины в своих отношениях с мужчиной стремятся к альтруистической любви (агапэ) и отрицательно относятся к легкомысленному стилю (людус). Мужчины при выборе супруги отдают предпочтение женщинам, обладающим физической привлекательностью (молодым, здоровым, красивым), а для женщины в ситуации выбора важными являются статусные характеристики мужчины – его экономическая состоятельность и высокая социальная позиция [2, с. 204, 210].

В свою очередь, Е. Макарова, изучая представления российских студентов (18–20 лет), отмечает, что «юношам больше свойственен романтический тип любви, у них отсутствует прагматическое отношение, в отличие от девушек» [3, с. 318].

Схожей позиции придерживаются и американские исследователи, указывающие, что молодые женщины по сравнению с молодыми мужчинами чаще проявляют «прагматическую ориентацию» в любви и более ответственное отношение к любовным связям, [4, с. 441].

В некоторых исследованиях подчеркивается, что секс играет большую роль в жизни молодых людей. Значимость романтической любви, материально обеспеченной

жизни, друзей, счастливой семейной жизни, уверенности в себе для девушек выше, чем для юношей [5, с. 109].

Подобных публикаций много, но в них отсутствует системный подход к изучаемому феномену, не учтены специфика молодежной группы, фактор возраста, белорусская специфика и используются, как правило, зарубежные источники.

Целостный системный анализ представлений о любви дан в предыдущей статье автора, в которой, правда, отсутствует гендерная оптика [6].

В данном исследовании используется модель любви, разработанная древнегреческими философами, которые, рассматривая ее как интегративное единство, различали в ней эрос, сторге, филию и агапэ.

Эрос – это страстная любовь-притяжение, любовь-вожделение, любовь-страсть, стремление к полному физическому слиянию с любимым человеком, сопровождаемое сильными эротическими переживаниями и ощущениями, особенно в молодом возрасте.

Сторге – это любовь-дружба, основанная на глубоких, теплых, устойчивых, надежных отношениях между мужчиной и женщиной, предполагающих верность, доверие, поддержку, привязанность, взаимопонимание и др.

Филия означает определенные эмоциональные состояния между партнерами (эмоциональный комфорт и эмоциональный восторг): душевный уют, симпатию, притяжение, вдохновение, радость, защищенность и др.

Агапэ – это бескорыстная, абсолютно преданная любовь-самоотдача, милосердие, жертвенная любовь, ставящая во главу угла заботу о любимом человеке и готовность отдать все свои жизненные силы ради его блага.

Подобный системный подход воспроизводится и в христианской традиции с естественным акцентом на агапэ (милосердие, «не желать своего») [7], и в современной философии и психологии [8–10].

Таким образом, любовь между мужчиной и женщиной включает не только физическое (половое, эротическое) влечение (страсть) друг к другу, но также эмоциональную и душевную привязанность,

сфокусированные на стремлении к максимальной открытости и заботе о партнере, который обладает сверхценностью.

Цель статьи состоит в представлении результатов эмпирического изучения восприятия молодыми белорусами феномена любви в его целостности и системности сквозь гендерную линзу (оптику) с использованием методологии сравнительного анализа.

Основная часть

Социологическое исследование показывает, что в настоящее время только около половины молодых людей наполнены ро-

мантическими чувствами, что свидетельствует о трудностях в поиске любимого человека. В гендерном измерении подобные чувства испытывают в большей степени молодые мужчины (49,7 %) по сравнению с девушками (44,2 %) (таблица 1). Последним свойственна бóльшая неопределенность в восприятии своих любовных переживаний, что в первом приближении обусловлено более ответственным и менее чувственным отношением к партнеру, что констатируют и американские исследователи применительно к США [5, с. 440–441].

Таблица 1 – Распределение ответов на вопрос: «Испытываете ли Вы романтические чувства к кому-либо?», %

Варианты ответа	Молодые мужчины	Молодые женщины
Да	49,7	44,2
Нет	38,2	40,6
Другое	2,5	3
Затрудняюсь ответить / нет ответа	9,6	12,2

Тезис о трудностях в обретении любви молодыми белорусами и белорусками, достижения в ней гармонии подтверждается их ответами на вопрос, чувствуют ли они себя в настоящее время любимыми. При этом наблюдаются гендерные различия: число девушек, нашедших свою любовь, несколько ниже (36 %), чем молодых мужчин (47,3 %), в то время как ее не нашедших среди прекрасной половины челове-

ства насчитывается 45,7 %. Обращает на себя внимание и тот социологический факт, что немалая часть девушек (15,8 %) затрудняется ответить на вопрос о том, чувствуют ли они себя любимыми, находясь в стадии построения любовных отношений и воспринимая любовь как сложное чувство, требующее как времени для его поиска, постижения и обретения, так и ответственности (таблица 2).

Таблица 2 – Распределение ответов на вопрос: «Чувствуете ли Вы в настоящее время себя любимыми», %

Варианты ответа	Молодые мужчины	Молодые женщины
Да	47,3	36,4
Нет	35,9	45,7
Другое	3,5	2,1
Затрудняюсь ответить / нет ответа	13,3	15,8

Социологическое исследование показывает, что для прекрасной половины человечества любовь в несколько большей степени, чем для ее сильной части, носит принципиальный, судьбоносный характер, что объясняется в первую очередь императивами традиции: несмотря на существенные ценностные социальные трансформации последнего столетия, самореализация в семейной жизни по-прежнему имеет для них важное значение. Одновременно очевидно, что у большинства молодых людей отсутст-

вует тотальная фиксация на любовных отношениях: они открыты всему разнообразию жизненных практик. Так, 60,6 % девушек отметили, что любовь является одним из важных жизненных стимулов (у молодых мужчин – 57,6 %). Согласились с вариантом, что в этой жизни есть более важные вещи, чем любовь 18,8 % белорусок, в то время как подобной позиции придерживаются 23,9 % молодых белорусов (таблица 3).

Таблица 3 – Распределение ответов на вопрос: «Насколько любовь определяет содержание вашей жизни?», %

Варианты ответа	Молодые мужчины	Молодые женщины
Является одним из жизненных стимулов	57,6	60,6
В мире есть более важные вещи, чем любовь	29,1	18,8
Определяет смысл моей жизни	10,9	13,3
Другое	1,2	1,2
Затрудняюсь ответить / нет ответа	1,2	6,1

Необходимо помнить, что мы имеем дело с молодыми людьми, поэтому только около половины из них смогли уже найти свою половинку и известную гармонию в любовных отношениях. По этому параметру наблюдается гендерный паритет.

Что касается вопроса о том, что же в любовных отношениях представляет для молодых белорусов наивысшую ценность, то социологическое исследование показывает: для них первостепенное значение имеет качество отношений между возлюбленными (общение, понимание, поддержка, нежность и др.). Однако одновременно становится очевидным, что достижение гармоничных душевных состояний в этой сфере имеет большее значение (иногда заметное) для девушек, чем для их гендерных партнеров. Так, 70 % белорусок отметили общение в качестве «наивысшей ценности» (среди молодых мужчин таковых 53,3 %), 38,8 % выделили по этому параметру «нежность»

(мужчины – 30,9 %), 36,4 % отметили «радость от того, что тебя любят» (мужчины – 29,7 %).

Не менее очевидно и то, что сексуальная часть этих отношений обладает приоритетной значимостью для мужской половины человечества: его особенную значимость подчеркнули 35,8 % (для сравнения: девушки – 15,2 %).

Когда же мы проанализируем чисто эмоциональную составляющую любовных отношений, то обнаружим противоречивую картину. С одной стороны, для молодых мужчин любовь в большей степени, чем для девушек, выступает в качестве источника жизненного вдохновения и возможности дарить свою любовь.

С другой стороны, заметно, что обретенная любовь помогает многим из белорусок (29,1 %) обрести столь ценную для них жизненную уверенность (таблица 4).

Таблица 4 – Распределение ответов на вопрос: «В любовных отношениях что для Вас представляет наивысшую ценность?», %

Варианты ответа	Молодые мужчины	Молодые женщины
Понимание, поддержка	86,3	91,9
Общение	53,3	70,0
Секс	35,8	15,2
Нежность	30,9	38,8
Радость от того, что тебя любят	29,7	36,4
Радость от того, что ты можешь дарить свою любовь	28,5	32,1
Обретение жизненной уверенности	25,5	29,1
Вдохновение	24,2	18,2
Возможность растворяться в любимом человеке	18,2	25,5
Признание меня особенной (ым)	13,9	19,4
Другое	2,4	3,3

Примечание – * – Возможны были четыре ответа.

Любовь всегда персонифицирована, и любовные отношения всегда связаны с личностью возлюбленного. Собственно говоря,

само качество этих отношений определяется личностью конкретных мужчины и женщины, ее эстетической, сексуальной,

моральной и иной притягательностью. Что же больше нашим респондентам нравится в любимом человеке?

Результаты социологического исследования свидетельствуют, что в образе любимого человека и для юношей, и для девушек в первостепенном порядке проявляется их ориентация «на отношения», их гармонизацию. Так, 61,2 % представительниц слабого пола заявили, что в любимом человеке их больше всего привлекает «нежность и забота», а 60,0 % выделили его душевные качества, прекрасные черты. Состояние внутреннего мира любимой девушки также является приоритетом для молодых мужчин, однако несколько в меньшей степени: 36,4 % из них указали на свою очарованность ее душевными качествами, 47,3 % – ее нежностью и заботой.

Исследование достаточно четко зафиксировало и такой социологический факт: для значительной части сильной половины человечества принципиальное значение имеют факторы внешности и сексуальности партнера, в отличие от ее прекрасной половины. К примеру, на притягательность внешности любимого человека указали 42,4 % молодых мужчин и только 27,8 % девушек.

Гендерные различия заметны и относительно оценки интеллекта партнера. Для большинства девушек (55,2 %) обязательно наличие ума, который может быть окрашен в эротические тона. Молодые мужчины ценят ум девушки в меньшей степени – только 32,1 % выделили его в качестве «обязательного ожерелья» в личности девушки.

Сохраняют свою значимость деловые качества мужчины, поскольку в представлениях многих девушек он должен быть «кормильцем семьи» либо щедрым поклонником-ухажером (современная мужская субкультура слабо ориентирована на образ девушки, обязательным атрибутом которой являются ее деловые качества).

Разумеется, образ любимого человека многогранен и редко сводится к отдельному параметру (черте). Поэтому не стоит удивляться, что 21,8 % белорусок и 18,2 % их партнеров увидели в любимом человеке *все* качества, представленные в этом списке.

Отметим также, что чрезмерная мечтательность относительно образа любимого человека присуща немногим молодым белорусам. Поэтому немногие из них меряют своего партнера на соответствие своему идеалу.

В разделе «Другое» респонденты указывали и на иные качества, свойственные любимому человеку. Девушки периодически называли чувства юмора и ответственность в качестве достоинств молодых белорусов, которые, в свою очередь, подчеркивали значимость кулинарных способностей девушек и их чувство стиля (таблица 5).

Оценивая полученные эмпирические данные, необходимо осознавать переплетенность, взаимопроникновение компонентов любви. Очевидно, что в эротическое «защиты» практически все конкретные проявления любви: и нежность, и вдохновение, и уверенность, и др. В свою очередь, личностно-душевная гармония усиливает эротические чувства.

Таблица 5 – Распределение ответов на вопрос: «Что Вам больше всего нравится в любимом человеке?»*, %

Варианты ответа	Молодые мужчины	Молодые женщины
Нежность, забота	47,3	61,2
Внешность	42,4	27,8
Душевные качества	36,4	60
Ум	32,1	55,2
Сексуальность	19,4	13,9
Умение прощать	12,1	20,6
Умение любить	11,5	17,6
Соответствие моему идеалу	9,1	10,9
Деловые качества	6,1	20,6
Все	18,2	21,8
Другое	7,3	7,3

Примечание – * – Возможны были четыре ответа.

Мир и люди не идеальны, и любовные отношения имеют не только свои «розы», но и «шипы». Поэтому важно определить, какие черты или качества вызывают в любимом человеке не только восхищение и уважение, но и разочарование или раздражение.

В первую очередь обращает на себя внимание тот социологический факт, что девушки предъявляют большие требования к личностным качествам своих партнеров, чем те по отношению к ним: 30,9 % разочарованы непониманием со стороны любимого человека, 29,1 % – его эгоизмом, 23,0 % – предательством, 20 % – душевной незрелостью, 15,2 % – грубостью возлюбленного. У мужской половины разочарования душевными качествами любимых девушек выступают в более смягченном варианте.

Что же касается возможных дисгармоний в сфере сексуальных отношений, то в ней наблюдается гендерный паритет относительно их малой значимости для обоих

полов: на них указывают только 6,1 % молодых белорусов и 5,5 % белорусок.

Одновременно можно утверждать, что девушки более чувствительны к атмосфере любовных отношений: 13,9 % из них «смущает» отсутствие романтики в подобных отношениях; такое «смущение» свойственно только 5,8 % представителям сильной половины.

В позиции «Другое» молодые мужчины чаще всего отмечали ревность девушек, в то время как у последних разочарование вызывало стремление возлюбленных в некоторых ситуациях их обесценить как личность.

Значительное число опрошенных, как мужчин, так и женщин, не назвали качества партнеров, вызывающие у них раздражение, поскольку у них отсутствуют любовные отношения с гендерной половиной (таблица 6).

Таблица 6 – Распределение ответов на вопрос: «Что в любимом человеке вызывает у Вас наибольшее разочарование?»*, % (возможны четыре ответа)

Варианты ответа	Молодые мужчины	Молодые женщины
Непонимание	18,7	30,9
Эгоизм партнера	18,1	29,1
Душевная незрелость партнера	17,3	20
Предательство	13,3	23
Грубость партнера	6,7	15,2
Отсутствие сексуальной гармонии	6,1	5,5
Отсутствие романтики	5,8	13,9
Другое	10,9	13,3
Затрудняюсь ответить / нет ответа	24,2	21,2

*Примечание – * – Возможны были четыре ответа.*

Известно, что при интерпретации любви часто сталкиваются два подхода. Наиболее распространенной является понимание ее как исключительно чувства, чувственных переживаний. В таком случае в этом феномене начинает преобладать эмоциональная сторона личности с неизбежным акцентом на сексуальности и эротических переживаниях.

Второй подход рассматривает любовь как особый род отношений, в которых доминирующую роль играет рациональное восприятие действительности, не исключая, естественно, значимости эмоций, чувств, аффектов.

В этом случае принципиальное значение приобретает душевная близость муж-

чины и женщины. В зависимости от собственного понимания любви во многом выстраивается их взаимодействие.

Поэтому важно определить, что же преобладает в восприятии любви у гендерных половинок – рациональное или эмоциональное?

Опираясь на результаты социологического исследования, можно констатировать, что большинство опрошенных полагают, что любовные отношения в равной степени базируются на разуме и чувстве.

Вместе с тем 22 % молодых белорусов убеждены, что подобные отношения основаны исключительно на чувствах; подобной позиции придерживаются 16,6 % девушек.

С другой стороны, 12,5 % последних полагают, что именно разум составляет ос-

нову любви; это мнение только 5,8 % молодых мужчин (таблица 7).

Таблица 7 – Распределение ответов на вопрос: «Как Вы думаете, на чувстве или разуме основаны любовь и любовные отношения?», %

Варианты ответа	Молодые мужчины	Молодые женщины
В равной степени на чувстве и разуме	70,1	64,8
На чувстве	22	16,6
На разуме	5,8	12,5
Другое	2,1	6,1

При всей очевидной сверхценности любви для индивидов возникает закономерный вопрос о ее долговечности.

Более того, эвристический интерес представляет вопрос о том, существует ли вообще в миропредставлении молодых людей идея о ее вечности, воспетая поэтами и музыкантами.

Социологическое исследование свидетельствует, что основная часть молодых людей со скепсисом относится к этому утверждению.

В наибольшей степени этот скепсис свойственен молодым мужчинам: в безусловную «вечность любви» верят только 13,8 % из них и 19,4 % девушек, а отвергают ее 21,6 % первых и 18,2 % последних.

Возможно, по той причине, что для молодых белорусов присуще более эмоцио-

нальное и чувственное отношение к теме любви, а чувства, как известно, часто бывают хрупкими и непродолжительными.

25,5 % девушек, думая о вечности любви, ставят ее зависимость от качеств отношений с партнером. Среди молодых мужчин мыслит таким образом несколько меньшее количество индивидов (20 %).

Объясняется это тем, что девушки, как уже отмечалось, в большей степени ориентированы на «отношения» и в меньшей – на чувства, чем их гендерные партнеры, значительная часть (29,1 %) которых, в свою очередь, убеждены, что устойчивость любви в первую очередь зависит «от обстоятельств», а не качества отношений.

Существенная часть опрошенных затруднились ответить на этот действительно сложный вопрос (таблица 8).

Таблица 8 – Распределение ответов на вопрос: «Согласны ли Вы с утверждением, что “любовь никогда не перестает”?», %

Варианты ответа	Молодые мужчины	Молодые женщины
Все зависит от обстоятельств	29,1	22,4
Нет	21,2	18,2
Все зависит от партнера	20	25,5
Да	13,8	19,4
Другое	3,6	2,6
Затрудняюсь ответить / нет ответа	12,3	11,9

Более детально представления о вечности любви молодых белорусов раскрываются при ответе на вопрос, насколько долго человек может испытывать романтическую любовь.

Жизненный опыт говорит о бренности любви, о чем свидетельствует не только официальная статистика (число разводов в обществе), но и эмпирические наблюдения за окружающими (трудно обнаружить действительно счастливые семьи / пары).

Как следствие этого, верят в любовь, что называется, «до гроба» сравнительно

небольшое число опрошенных: 24,8 % молодых мужчин и 33,9 % молодых женщин.

При этом значительная их часть (39,4 % первых и 45,5 % последних) не отказывают любви в долговременности, полагая, что ее судьба и будущее находится в руках самих индивидов, их мотиваций и действий.

В любовь «только в молодости» верят 22,4 % юношей и 14,5 % девушек (таблица 9).

Очевидно, что в гендерном измерении девушки смотрят более оптимистично на перспективы любви.

Таблица 9 – Распределение ответов на вопрос: «Как Вы думаете, насколько долго человек может испытывать романтическую любовь?», %

Варианты ответа	Молодые мужчины	Молодые женщины
Только в молодости	22,4	14,5
До 40 лет	3	3
До 50 лет	0	0
До 60 лет	0	0
Всю свою жизнь	24,8	33,9
Все зависит от человека	39,4	45,5
Другое	7,4	0,1
Затрудняюсь ответить / нет ответа	3	3

Безусловный научный интерес представляет прикладной аспект любовных отношений: насколько любовные переживания выступают у современных молодых белорусов основным мотивом заключения брака, поскольку очевидно, что по своему предназначению (душевному и духовному) их объективация связана с созданием семьи, как наилучшего для них пристанища и обители. Однако зафиксированная социологами «проза жизни» констатирует реальную картину, свидетельствующую о противоречивости брачного выбора молодых людей с явно выраженными дисбалансами в гендерных представлениях: только 34,5 % де-ву-

шек полагают, что любовь выступает основным мотивом при заключении брака, в то время как большинство молодых мужчин (53,3 %) настроены более оптимистично. Значительная часть и представителей сильной половины (27,3 %), и слабой (31,5 %) убеждены в редкости любовного чувства при заключении брака. Обращает на себя внимание и то, что значительная часть опрошенных, особенно девушек (34 %), затруднились ответить на этот вопрос, что, вероятнее всего, связано с полимотивированностью брачного выбора в современном обществе (таблица 10).

Таблица 10 – Распределение ответов на вопрос: «На Ваш взгляд, как часто современные молодые люди при вступлении в брак мотивируются соображениями любви?», %

Варианты ответа	Молодые мужчины	Молодые женщины
Часто	53,3	34,5
Редко	27,3	31,5
Затрудняюсь ответить / нет ответа	19,4	34

Если выйти за пределы оценки реального и обратиться к миру идеального, желаемого, то картина брачного выбора становится более оптимистической: почти три четверти (72,7 %) молодых белорусов и чуть больше половины (56,4 %) девушек-белорусок считают любовь обязательной для создания семьи. Придерживается про-

тивоположной позиции 20,6 % представителей сильного пола и 26,1 % – слабого (таблица 11). Подобные гендерные различия объясняются преимущественно тем, что девушки подходят более рационально, прагматично, а значит, критично, а также менее чувственно и идеалистично, чем молодые мужчины, к созданию семьи.

Таблица 11 – Распределение ответов на вопрос: «Считаете ли Вы любовь обязательной для создания семьи?», %

Варианты ответа	Молодые мужчины	Молодые женщины
Да	72,7	56,4
Нет	20,6	26,1
В зависимости от обстоятельств	6,7	13,9
Другое	0	3,6

Обращает на себя внимание еще один социологический факт относительно верности в любовных отношениях. Дело в том,

что значительное число опрошенных молодых мужчин (72,7 %) и 56,4 % молодых женщин) придерживаются мнения о

допустимости своеобразной любовной полигамии, допуская возможность любви одновременно нескольких человек. Своеобразное «преимущество» мужчин в этом отношении, их большая склонность к потенциально полигамным связям вызвано преимущественно их высокой чувствительностью к сексуальному фактору. 13,9 % представительниц слабой половины и 6,7 %

сильной полагают, что их выбор зависит от сложившихся обстоятельств, что в первом приближении можно объяснить, с одной стороны, эгоцентричностью молодых людей независимо от пола, а с другой стороны, неуверенностью в правильности собственного любовного выбора и стремлении сохранить за собой его корректировку в случае необходимости (таблица 12).

Таблица 12 – Распределение ответов на вопрос: «Как Вы полагаете, можно ли любить одновременно несколько человек?», %

Варианты ответа	Молодые мужчины	Молодые женщины
Да	72,7	56,4
Нет	20,6	26,1
В зависимости от обстоятельств	6,7	13,9
Другое	0	3,6

Действительно, тема верности и моральной ответственности имеет принципиальное значение для сохранения и укрепления любовных отношений. Социологическое исследование показывает, что молодые женщины в большей степени, нежели мужчины, нацелены на ее сохранение. Так, 29,6 % из них без оговорок готовы простить любимого человека в случае измены и 12,1 % могут это сделать, если «он раскаялся». Подобная позиция вызвана, прежде всего, как осознанием особой ценности и значимости для них этих отношений, так и рациональным и ответственным ее восприятием, т. е. осознанием того факта, что на пути любви встречается множество препятствий, кризисов, требующих их преодоления, а не отказа от любви. Кроме того, возможен вариант, что некоторая часть девушек может руководствоваться стереотипом

о природной полигамности мужчин и что их близость с другими девушками часто носит физиологический характер, не связанный с душевной привязанностью.

Молодые белорусы в этом отношении существенно отличаются от своих гендерных половинок: не способны простить любимых девушек ни при каких обстоятельствах 61,2 % и 17,1 % из них потенциально способны на это «в зависимости от обстоятельств», что свидетельствует как о высокой степени чувства собственности «на свою женщину» (таблица 13). Кстати, большинство современных исследований показывают, что мужчины быстрее влюбляются и быстрее разочаровываются в любви, поскольку она для них в сильной степени окрашена в иррациональные, чувственные тона [4, с. 441].

Таблица 13 – Распределение ответов на вопрос: «Как Вы думаете, готовы ли Вы простить любимого человека в случае измены?», %

Варианты ответа	Молодые мужчины	Молодые женщины
Нет	61,2	30,9
В зависимости от обстоятельств	17,1	21,8
Да	13,8	29,6
Да, если раскаялся	5,7	12,1
Затрудняюсь ответить / нет ответа	2,2	5,6

Существование проблемы верности в любовных отношениях представителей обоих полов подтверждается при ответе респондентов на вопрос, готовы ли они хранить верность партнеру в случае длительного отсутствия одного из них. Заявили о подобной о готовности 49,1 % молодых

мужчин и 60,8 % девушек. Около трети молодых белорусов, независимо от пола, ставят свою верность «в зависимость от обстоятельств», либо готовы проявлять ее отчасти. Очевидно, однако, что неуверенность в партнере и своих чувствах к нему, с одной стороны, закладывает под отношения

«мину», способную взорваться в любой момент, а с другой – побуждает предполагать, что молодые люди нередко смешивают два частично пересекающихся феномена – любовь и влюбленность. В любом случае можно констатировать, что значительная часть белорусской молодежи изначально готова поступиться принципами в этой сфере.

Очевидно, что устойчивость и гармоничность любовных отношений существенно повышается, когда в них важную роль играет то, что в Античности получило название агапэ, «любовь-дар» (К. Льюис) т. е. максимальная ориентация на благо другого человека. Для того чтобы измерить этот параметр, респондентам адресовались вопросы, согласны ли они с утверждением, что «с милым и в шалаше рай» и способны ли они пожертвовать здоровьем или карьерой ради любимого человека. В результате социологического опроса были получены важные эмпирические данные, свидетельствующие, что девушки, в отличие от молодых мужчин, более требовательны к созданию материального базиса их отношений, что они же в большей степени готовы пожертвовать ради любимого человека самым сокровенным – своим здоровьем, а также своей карьерой, что объясняется их ориентацией в любовных отношениях на отдачу, а не на потребление.

Заключение

На основании проведенного социологического анализа можно сделать следующие выводы.

1. Девушкам присуще более рациональное и ответственное восприятие любви и любовных отношений по сравнению с молодыми мужчинами, что объясняется сохраняющейся исторической традицией, предусматривающей особую роль женщины в семье. Они же в большей степени склонны к жертвенности в этих отношениях.

2. Романтическая любовь молодых белорусов обоих полов включает в себя сексуальное притяжение и окрашена в эротические тона, причем эрос более значим для представителей сильной половины человечества. Вместе с тем зафиксировано, что сексуальная дисгармония не является значимым фактором в любовных отношениях.

3. Социологическое исследование показывает, что проблема верности в любовных отношениях обладает большой пластичностью, особенно для молодых мужчин, что потенциально и реально подвергает эти отношения эрозии.

4. При осознании сверхценности любви молодыми белорусами меньшинство из них, особенно молодых мужчин, верят в вечность любовного чувства.

5. Как это ни парадоксально, но зафиксирован социологический факт, что молодые мужчины в большей степени склонны считать любовь обязательным мотивом заключения брака, чем молодые женщины, что обусловлено их (девушек) прагматичностью в ситуации брачного выбора.

6. Девушки в большей степени, чем юноши ценят душевные качества партнера, а также его интеллект, в то время как для молодых мужчин в любимом человеке помимо душевных качеств важными являются внешность и сексуальность.

7. Обращает на себя внимание то, что молодые белорусы отдают приоритет эмоциональной, чувственной стороне любовных отношений по сравнению с нравственной.

8. Исследование показывает, что девушкам сложнее найти возлюбленного и создать собственную «территорию любви».

9. Исследование фиксирует существование гендерных различий между мужчинами и женщиной в восприятии любви, соответствующие традиционным стереотипам, однако отмечается, что они (различия) значительно уменьшаются на протяжении последних десятилетий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Пышкина, Е. С. Телесный образ Я и гендерная идентичность молодежи / Е. С. Пышкина, Е. В. Зиновьева // Вестн. науки и образования. – 2019. – № 9 (63). – С. 101–105.
2. Бендас, Т. В. Гендерная психология / Т. В. Бендас. – СПб. : Питер, 2007. – 431 с.
3. Макарова, Е. Ю. Гендерные особенности представлений о любви в юношеском возрасте / Е. Ю. Макарова // Теория и практика обществ. развития. – 2014. – № 21. – С. 318–322.

4. Kimmel, M. Społeczeństwo genderowe / M. Kimmel. – Gdańsk : Wydaw. Uniw. Gdańskiego, 2015. – 551 s.
5. Ильин, Е. П. Дифференциальная психология мужчины и женщины / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2003. – 544 с.
6. Соколовская, М. Г. Идентификация любви в представлениях современных молодых белорусов: социологический анализ / М. Г. Соколовская // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2024 – № 1. – С. 104–113.
7. Льюис, К. С. Любовь / К. С. Льюис // Собр. соч. в 8 т. / К. С. Льюис. – М. : Фонд Александра Меня, 2004. – Т. 1. – 304 с.
8. Можейко, М. А. Любовь / М. А. Можейко // Новейший философский словарь. – Минск : Кн. дом, 2003. – С. 578–580.
9. Шнейдер, Л. Б. Основы семейной психотерапии / Л. Б. Шнейдер. – М. : Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та, 2005. – С. 395–464.
10. Sternberg, R. J. A triangular theory of love / R. J. Sternberg // Psychological Review. – 1986. – Nr 2. – S. 119–135.

REFERENCES

1. Pyshkina, Ye. S. Tieliesnyj obraz Ja i giendernaja identichnost' molodiozhi / Ye. S. Pyshkina, Ye. B. Zinov'jeva // Viestn. nauki i obrazovaniya. – 2019. – № 9 (63). – S. 101–105.
2. Bendas, T. V. Giendernaja psikhologija / T. V. Bendas. – SPb. : Pitier, 2007. – 431 s.
3. Makarova, Ye. Yu. Giendernyje osobennosti predstavlenij o liubvi v junosheskom vozrastie / Ye. Yu. Makarova // Tieoria i praktika obshchestv. razvitiya. – 2014. – № 21. – S. 318–322.
4. Kimmel, M. Społeczeństwo genderowe / M. Kimmel. – Gdańsk : Wydaw. Uniw. Gdańskiego, 2015. – 551 s.
5. Il'in, Ye. P. Diffierenzial'naja psikhologija muzhchiny i zhenshchiny / Ye. P. Il'in. – SPb. : Pitier, 2003. – 544 s.
6. Sokolovskaja, M. G. Identifikacija liubvi v predstavlenijakh sovremennykh molodykh belorusov: sociologichieskij analiz / M. G. Sokolovskaja // Viesn. Bresc. un-ta. Sier. 1, Filasofija. Palitalohija. Sacyjalohija. – 2024. – № 1. – S. 104–113.
7. L'juis, K. S. Liubov' / K. S. L'juis // Sobr. soch. v 8 t. / K. S. L'juis. – M. : Fond Alieksandra Mienia, 2004. – T. 1. – 304 s.
8. Mozhejko, M. A. Liubov' / M. A. Mozhejko // Noviejshij filosofskij slovar'. – Minsk : Kn. dom, 2003. – S. 578–580.
9. Shnejder, L. B. Osnovy siemiejnoy psikhotierapii / L. B. Shnejder. – M. : Izd-vo Mosk. psikhol.-soc. in-ta, 2005. – S. 395–464.
10. Sternberg, R. J. A triangular theory of love / R. J. Sternberg // Psychological Review. – 1986. – Nr 2. – S. 119–135.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 21.10.2024

УДК 316.334.22

Диана Дмитриевна Кармызова*мл. науч. сотрудник, соискатель 2-го года обучения
Института социологии Национальной академии наук Беларуси***Diana Karmyzova***Junior Researcher, 2-nd Year Postgraduate Student of the Institute of Sociology
of National Academy of Sciences of Belarus
e-mail: dianadmkr@gmail.com***ФАКТОРЫ ТРУДОВОЙ МОБИЛЬНОСТИ И ИЗДЕРЖКИ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ
НАСЕЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИЙ, ПОСТРАДАВШИХ ОТ АВАРИИ НА ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АЭС
(НА ПРИМЕРЕ ГОМЕЛЬСКОЙ, БРЕСТСКОЙ И МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)***

Анализируются некоторые процессы трудовой мобильности жителей районов Беларуси, пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС. Установлены социально-демографические факторы, влияющие на мобильность трудовых ресурсов исследуемых регионов. Выявлены объективные и субъективные причины, которые могут обусловить прекращение трудовых отношений работников с нанимателем. Определены трудовые издержки, на которые готовы пойти работники ради «хорошей» работы.

Ключевые слова: труд, трудовые отношения, рынок труда, мобильность работников.

**Factors of Labor Mobility and the Costs of Labor Relations among the Populations
in Territories Affected by the Chernobyl Nuclear Power Plant Accident
(Case Study of the Gomel, Brest, and Mogilev Regions)**

The labor mobility of residents in the regions of Belarus affected by the Chernobyl accident has been analyzed. This analysis identifies the socio-demographic factors that influence the mobility of labor resources in the studied regions. Additionally, objective and subjective reasons that may lead to the termination of labor relations between employees and employers have been identified. Furthermore, labor costs that employees are willing to accept for a «good» job have been determined.

Key words: labor, labor relations, labor market, labor mobility.

Введение

На протяжении последних десятилетий восстановление регионов, пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС, остается одним из приоритетных направлений государственной политики Республики Беларусь.

Преодоление последствий катастрофы такого масштаба актуализирует необходимость исследования социального и экономического благополучия населения

затронутых аварией регионов, особенно в контексте того, что на национальном рынке труда отмечается усиление диспропорций по ряду параметров, включая численность занятых и безработных, трудовую мобильность, уровень оплаты труда и т. д. [1–3], отмечается рост количества выбывших из всех регионов страны.

Вместе с тем, по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, уровень занятости населения в стране (около 67 %) на протяжении последних лет остается стабильным, сопровождаясь снижением уровня безработицы.

Однако для Витебской, Могилевской, Гомельской и Брестской областей характерна ситуация, когда уровень занятости остается ниже среднереспубликанского показателя, а показатель безработицы – выше [4].

Указанный факт приводит к необходимости дальнейшего исследования мобильности рабочей силы в стране в целом, а особенно в регионах, пострадавших от Чернобыльской аварии, поскольку экономическая

Научный руководитель – Евгения Юрьевна Смыкова, кандидат социологических наук, доцент, заведующий отделом социологии культуры Института социологии Национальной академии наук Беларуси

**Статья подготовлена в рамках проекта «Мониторинг общественного мнения о проблемах и перспективах социально-экономического развития пострадавших от аварии на ЧАЭС территориях» Государственной программы по преодолению последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС на 2021–2025 гг. (научный руководитель – Елена Владимировна Мартищенко).*

устойчивость этих территорий тесно связана с мобильностью трудовых ресурсов.

Цель статьи – выявление некоторых аспектов трудовой мобильности жителей Беларуси, проживающих на территориях, пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС.

Задачи исследования:

1) выявить объективные и субъективные факторы, влияющие на решение работников о сохранении или прекращении трудовых отношений с нанимателем;

2) определить перечень трудовых издержек, на которые готовы пойти работники ради «хорошей» работы.

Основная часть

Для исследования трудовой мобильности жителей территорий, пострадавших от аварии на ЧАЭС, использовались данные опроса населения Брестской, Гомельской и Могилевской областей, проведенного в 2024 г. (социологический опрос проводился в населенных пунктах обозначенных областей, внесенных в «Перечень населенных пунктов и объектов, находящихся в зонах радиоактивного загрязнения», утвержденный постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 8 февраля 2021 г., № 75). Общий объем выборочной совокупности составил 1 012 человек. Предельная ошибка выборки составила $\pm 3,3\%$ при доверительной вероятности 95 %.

В рамках опроса респондентам предлагалось ответить на вопросы, касающиеся факторов, которые могли бы стать основанием для расторжения трудовых отношений с нанимателем, а также о том, на какие трудовые издержки опрошенные готовы пойти ради «хорошей» работы.

В ряде случаев возникают ситуации, когда работник оказывается перед выбором: сохранить текущую позицию в своей профессиональной карьере или искать альтернативы.

Во-первых, изменения в профессиональной карьере могут включать внутриорганизационные перемещения.

Во-вторых, изменения могут предполагать уход из организации и поиск возможностей на внешнем рынке труда.

В процессе принятия решения о сохранении или смене места осуществления трудовой деятельности работники оценивают потенциальные выгоды в сравнении с возможными издержками.

К основным издержкам трудовой мобильности относятся ситуации, связанные с тем, что новое место работы может не оправдать ожиданий по уровню зарплаты, условиям труда или другим параметрам.

Кроме того, уход сотрудника из организации может привести к утрате профессиональных контактов и связей, а также предполагает не всегда легкую и быструю адаптацию к новому окружению, новой корпоративной культуре и т. д.

В результате анализа полученных эмпирических данных было определено, на какие издержки готовы пойти респонденты ради «хорошей» работы.

Чаще всего опрошенные были готовы отказаться от развлечений (27,8 %).

Стремление работника использовать время, предназначенное для отдыха и восстановления, для выполнения профессиональных обязанностей, может быть обусловлено возможностью более высокой заработка, т. е. когда работник воспринимает свободное время как потенциальный убыток для получения дохода.

В рамках социологической теории отказ от «развлечений» в пользу труда может также означать, что это единственно возможная мера, на которую готовы работники при прочих равных условиях.

Такие особенности условий труда, как длительные командировки (17 %), смена места жительства (17,6 %) и профессиональной сферы (16,2 %), отмена личных планов, включая создание семьи или рождение детей (8,1 %), несут большие социальные, психологические и экономические издержки для занятого населения.

Доля тех, кто не готов на перемены в жизни ради лучшей работы, составила 43 % (рисунок 1).

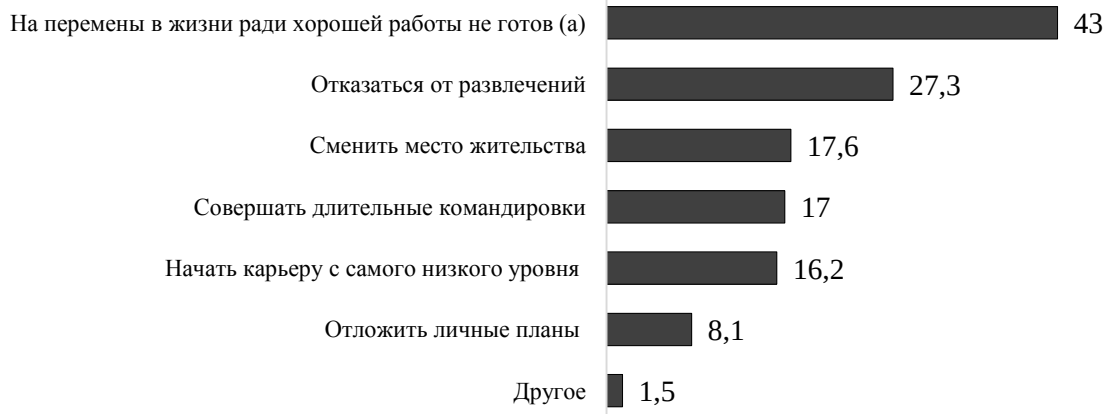

Рисунок 1 – Распределение ответов на вопрос: «Готовы ли Вы ради хорошей работы?..», % от количества опрошенных

В рамках гендерного анализа можно заключить, что женщины реже соглашались на перемены в жизни ради «хорошей» работы – 49,4 % (мужчины – 35,3 %).

Женщины в меньшей мере настроены на смену текущего образа жизни даже при условии устройства на «хорошую» работу, однако они готовы отказаться от развлечений (23,8 %).

Кроме того, женщины в 2,5 раза реже соглашались на длительные командировки

(9,9 %) в сравнении с мужчинами, поскольку за ними традиционно закреплена значительная доля домашних обязанностей.

Вместе с тем женщины с большей вероятностью согласятся начать карьеру с самого низкого уровня (18,2 % против 13,9 % среди мужчин).

Мужчины же ради «хорошей» работы готовы отказаться от развлечений (31,5 %) и совершать длительные командировки (25,6 %) (рисунок 2).

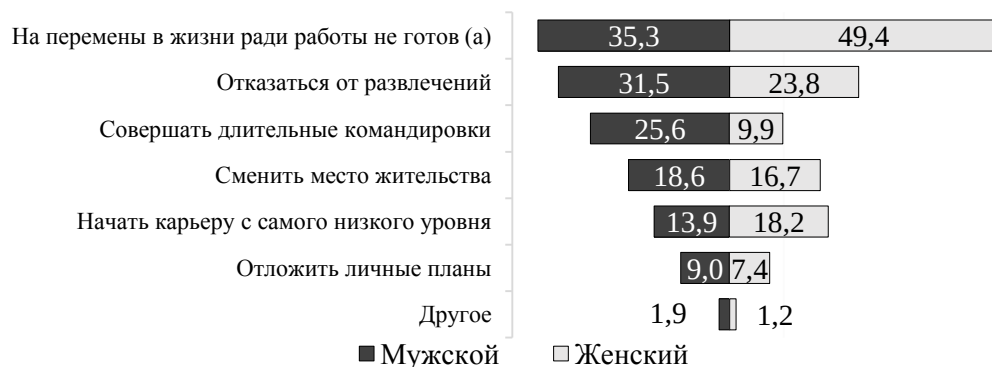

Рисунок 2 – Распределение ответов мужчин и женщин на вопрос: «Готовы ли Вы ради хорошей работы?..», % от количества опрошенных

С возрастом акценты в мотивации труда смещаются от карьерных достижений к стабильным и комфортным условиям труда и повышается значимость приобретенных социальных связей на работе, отношений в коллективе и с руководством [4].

Исследователи М. В. Прохорова и В. М. Прохоров определили, что удовлетворенность от самого процесса труда и потребность в самореализации снижаются у

работников старше 51 года по сравнению с людьми младшего возраста.

Мотивационный профиль работников, которые приближаются к завершению карьеры или находятся в предпенсионном возрасте, демонстрирует преобладание внешней отрицательной мотивации (в виде системы наказаний, штрафов, критики, осуждения) [5, с. 58, 62–63].

С другой стороны, в рамках регионального рынка труда определить уровень

«спроса» со стороны нанимателей на труд (квалификацию, опыт, навыки и т. п.) работников старшего возраста достаточно проблематично.

Анализ эмпирических данных позволяет сделать вывод о том, что ответы жителей исследуемых территорий соответствуют тенденциям, характерным для Беларуси в целом.

Респонденты старшего возраста менее всего готовы пойти на перемены в жизни ради «хорошей» работы: выбрали этот вариант ответа 52,3 % респондентов в возрасте 45–59 лет, 70,7 % – в возрасте 60 лет и старше.

Потенциально самая мобильная группа субъектов трудовой деятельности – это молодежь в возрасте 16–29 лет (работающая и неработающая).

В группе 16–29-летних наибольшая доля тех, кто согласился бы сменить место проживания (46 %), совершать длительные командировки (34,8 %), начать карьеру с самого «начала», т. е. с низших позиций (32 %), отказаться от развлечений (30,6 %), а также отложить личные планы (20,7 %).

Таким образом, профессиональная мобильность молодых специалистов определяется их готовностью быстро адаптироваться к новым условиям и осваивать новые навыки.

Отметим также, что значимость мотивационных факторов для людей старших возрастных групп снижается, вероятно, потому, что они уже состоялись в профессиональном и карьерном отношении (рисунок 3).

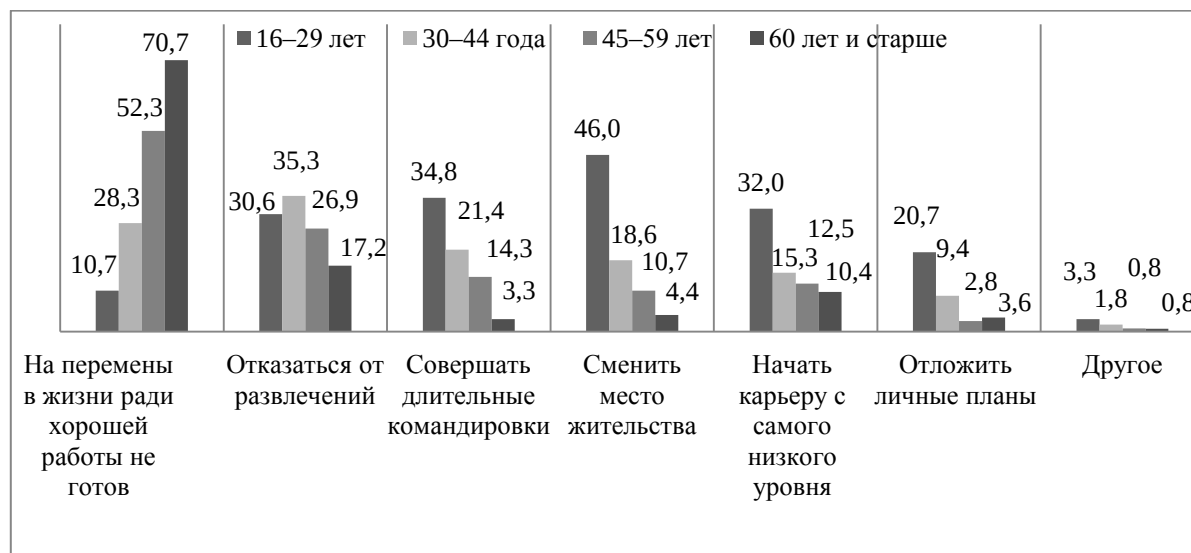

Рисунок 3 – Распределение ответов респондентов разных возрастов на вопрос: «Готовы ли Вы ради хорошей работы?..», % от количества опрошенных

В рамках образовательных групп ответы респондентов распределились следующим образом.

Не готовы на перемены в жизни ради «хорошей» работы 58,6 % респондентов с базовым уровнем образования, 47,3 % – с общим средним образованием, 41,4 % – с профессионально-техническим или средним специальным образованием, 38,2 % – с высшим образованием.

Отказаться от развлечений в пользу хорошей должности готовы 21,6 % респондентов с общим средним образованием,

28,8 % – с профессионально-техническим или средним специальным уровнем образования, а также 31,9 % опрошенных, имеющих высший уровень образования.

Что касается респондентов с базовым образованием, то на данные меры не готовы пойти 16,8 % опрошенных.

Хорошая работа может стать фактором смены места жительства для 23,6 % опрошенных с общим средним и 23,2 % с высшим уровнем образования (таблица 1).

Таблица 1 – Распределение ответов респондентов разных уровней образования на вопрос: «Готовы ли Вы ради хорошей работы?..», % от количества опрошенных

Фактор	Образование			
	Базовое	Общее среднее	ПТУ/ССУЗ	Высшее
Ни на какие перемены в жизни ради хорошей работы не готов(а)	58,6	47,3	41,4	38,2
Отказаться от развлечений	16,8	21,6	28,8	31,9
Сменить место жительства	19,9	23,6	12,5	23,2
Совершать длительные командировки	12,3	16,3	16,9	19,4
Начать карьеру с самого низкого уровня (в том числе и с низкой заработной платой)	12,8	14,4	16,6	18,1
Отложить личные планы (создание семьи, рождение детей)	12,9	7,7	7,8	7,9
Другое	2,2	0,8	1,4	2,2

Среди респондентов, проживающих в населенных пунктах разного типа, тоже зафиксированы некоторые различия в ответах. Так, сельские жители (55,9 %) чаще, чем городские, отмечали, что не готовы ради «хорошей» работы на перемены в жизни. Причина такого количества выборов указанного варианта ответа, на наш взгляд, состоит в том, что в сельской местности проживает значительная доля немолодых людей, которые с приближением предпенсионного и пенсионного возраста становятся менее мобильны. Поэтому условия, при которых горожане и сельские жители были бы готовы на перемены ради лучших усло-

вий труда, различаются. Горожане (жители областных центров и городов исследуемых регионов) отмечали, что готовы ради лучшей работы отказаться от развлечений (35,2 % – в областных центрах, 26,5 % – в городах), совершать длительные командировки (20,2 % – в областных центрах, 21,3 % – в городах), а также начать карьеру с самого низкого уровня (21,4 % – в областных центрах, 16,1 % – в городах). Горожане, которые проживают не в областных центрах (26,4 %), и сельские жители (20,4 %) более лояльны к идее смены места проживания в ситуации, когда того требует лучшее место работы (рисунок 4).

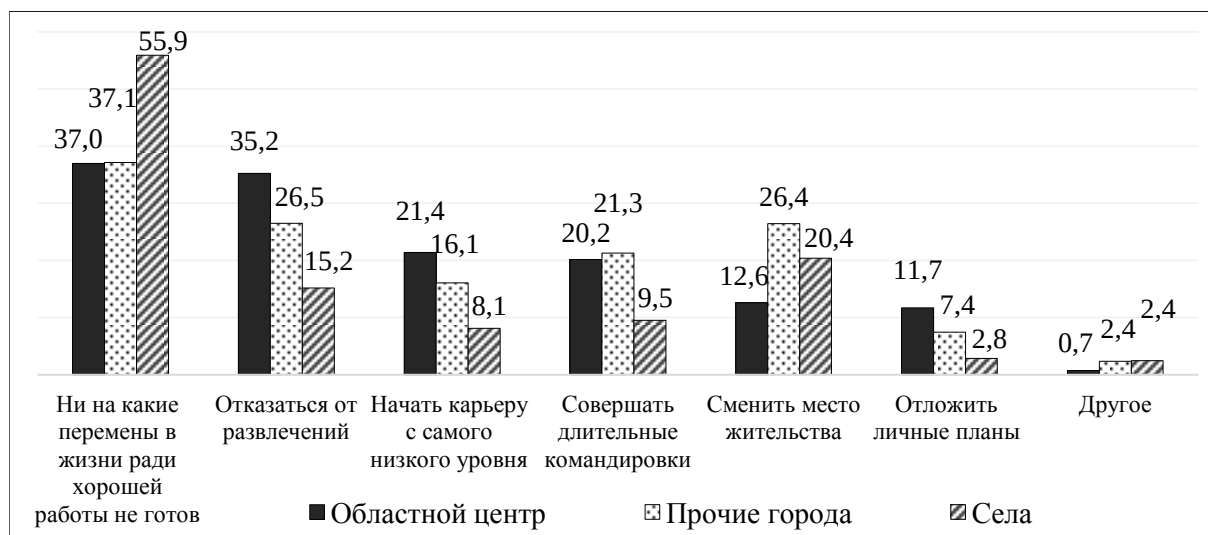

Рисунок 4 – Распределение ответов респондентов из разных типов населенных пунктов на вопрос: «Готовы ли Вы ради хорошей работы...», % от количества опрошенных

Для жителей исследуемых районов Брестской области более приемлемы следующие издержки работы, которые гарантируют лучшие условия и возможности: отказ от развлечений (29,6 %), смена места

жительства (29,4 %), длительные командировки (27 %), старт карьеры с нуля (17,2 %). В то же время жители исследуемых территорий Гомельской (44,6 %) и Могилевской

(39,7 %) областей менее настроены менять жизненный уклад ради «хорошей» работы.

Если говорить о готовности к конкретным изменениям, то жители Гомельской области скорее откажутся от развлечений (28 %), в то время как жители Могилевской области чаще выберут смену места жительства (26,1 %).

Однако в целом ответы респондентов позволяют заключить, что жители Брестчины потенциально более мобильны и мотивированы. Самым непопулярным решением среди респондентов рассматриваемых областей оказалась отмена личных планов, таких как создание семьи или рождение детей (рисунок 5).

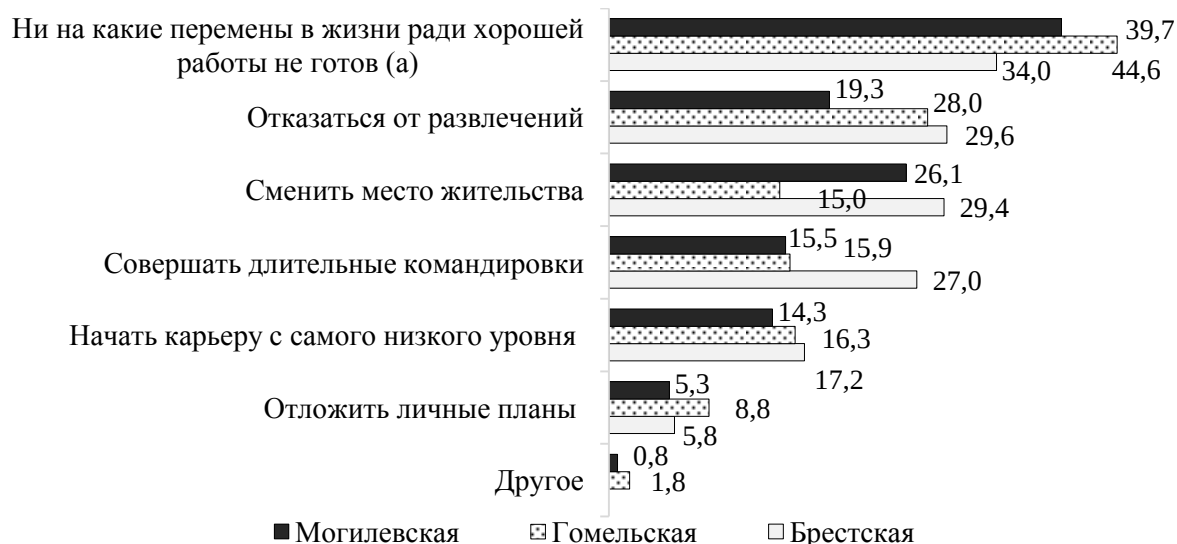

Рисунок 5 – Распределение ответов респондентов из разных областей проживания на вопрос: «Готовы ли Вы ради хорошей работы...», % от количества опрошенных

Исследователь А. А. Нестерова выделяет две группы факторов трудовой мобильности: субъективные (уровень дохода семьи на новом месте жительства, возраст и семейное положение, уровень образования) и объективные (демографическая ситуация, экономическая политика, уровень заработной платы, темп инфляции и т. д.) [6, с. 49]. Зачастую работники решаются на разрыв трудовых отношений с нанимателем по совокупности факторов. Понимание причин, влияющих на трудовую мобильность, делает возможным разработку работодателями стратегий, направленных на сохранение кадров. Это позволит предприятиям оптимизировать затраты на найм и обучение новых работников, более гибко реагировать на изменения на рынке труда, влиять на мотивацию и вовлеченность работников в трудовой процесс.

Основными объективными причинами для расторжения трудовых отношений с нанимателем, по мнению опрошенных, могут стать: *снижение уровня заработной платы* (62,7 %) и *ухудшение условий труда*

(33,7 %). В число ключевых субъективных факторов отказа от работы, которая нравится, входят: *негативное отношение со стороны руководства* (43,7 %), *семейные обстоятельства* (38,4 %) и *плохие отношения в коллективе* (21,5 %). При этом часть работников готовы адаптироваться к изменениям, связанным со сменой рабочего графика (11,2 %) и сокращением социального пакета (5,6 %), несмотря на их негативные последствия.

Понижение уровня оплаты труда – это важнейший фактор, который влияет на движение рабочей силы. Для 68,4 % мужчин и 57,8 % опрошенных женщин снижение уровня оплаты труда – это основная причина для прекращения трудовых отношений с нанимателем. В целом ранжированный перечень причин, которые могут влиять на принятие работником решения о прекращении трудовых отношений, аналогичен для женщин и мужчин. Исключением являются обстоятельства, которые связаны с межличностным и профессиональным общением в рамках трудового коллектива.

Во-первых, зафиксировано высокое значение фактора «отношения с руководством», поскольку 44,5 % мужчин и 43 % женщин готовы отказаться от работы в случае ухудшения отношений с администрацией пред-

приятия. Во-вторых, женщины (25,1 %) чаще мужчин (17,3 %) отмечали, что отказались бы от работы, которая им нравится, в ситуации, когда отношения в коллективе и/или с коллективом не задались (рисунок 6).

Рисунок 6 – Распределение ответов респондентов на вопрос: «Что может Вас склонить к отказу от работы, которая нравится?», % от количества опрошенных

Основная причина отказа от работы среди респондентов во всех возрастных группах – понижение уровня заработной платы. Для молодежи (16–29 лет) основными причинами, которые влияют на мотив сохранения или расторжения трудовых отношений, могут стать: негативное отношение руководства (49,7 %), ухудшение условий труда (47,3 %) и напряженные отноше-

ния в коллективе (27,4 %). В перечень основных причин для прекращения трудовых отношений среди работников старших возрастных групп входят: негативный опыт взаимодействия с коллегами или руководством, ухудшение условий труда и семейные обстоятельства. Изменение графика работы и сокращение социального пакета менее актуальны среди молодежи (рисунок 7).

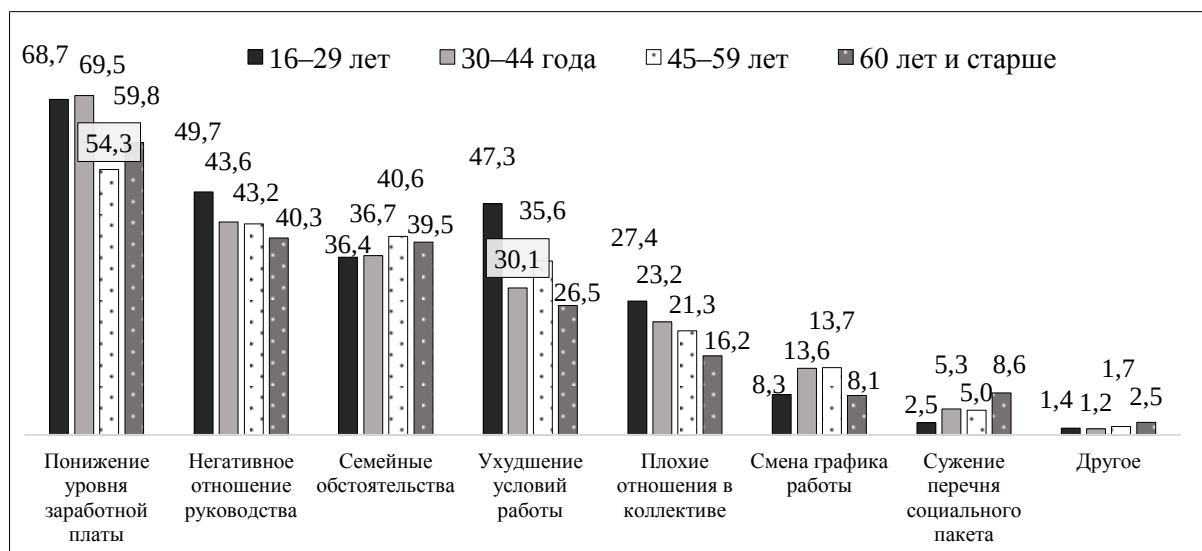

Рисунок 7 – Распределение ответов респондентов разных возрастов на вопрос: «Что может Вас склонить к отказу от работы, которая нравится?», % от количества опрошенных

Горожане и сельские жители также придают особую значимость фактору оплаты труда, как основному мотиву увольне-

ния с места работы. Намерены отказаться от работы в ситуации снижения оплаты труда 68,4 % респондентов, проживающих

в областных центрах (Могилевская, Брестская и Гомельская области) и 62 % опрошенных, которые являются городскими жителями указанных регионов. Следующий по значимости фактор для расторжения трудовых отношений с работодателем – это напряженные отношения с руководством (для 44,5 % респондентов областных центров и 45,8 % проживающих в иных городах). Среди сельских жителей основными причинами отказа от работы, которая им нравится, могут стать снижение заработной платы (53,8 %) и семейные обстоятельства (47,4 %). Об ухудшении условий работы как об основной причине для смены места труда высказались 35,1 % горожан и 30,6 % сельских жителей.

Стоит отметить, что субъективные мотивы прекращения трудовых отношений, в частности напряженные межличностные отношения в коллективе, а также смена графика работы, чаще отмечаются жителями города. Напряженные отношения в коллективе – основной фактор расторжения трудовых отношений для 25,7 % работников областных центров Гомельской, Брест-

ской, Могилевской областей и 22,5 % для жителей менее крупных городов исследуемых регионов; изменение графика работы – для 15,5 % жителей областных центров и 8,5 % для жителей иных городов.

В рамках анализа эмпирических данных в зависимости от области проживания респондентов были получены следующие результаты. Для жителей Могилевской области наиболее релевантной причиной смены места работы является снижение уровня оплаты труда (53,8 %). Для жителей Брестской и Гомельской областей проживания причинами отказа от работы, которая им нравится, могут стать: снижение оплаты труда (66,2 % среди жителей Брестской и 63,3 % Гомельской областей), негативное отношение руководства (39,8% – Брестской, 46,1 % – Гомельской области), семейные обстоятельства (36,4 % среди брестчан и 40 % среди гомельчан). Кроме того, ухудшение условий труда и плохие отношения в коллективе также чаще отмечались респондентами из Брестской и Гомельской областей (таблица 2).

Таблица 2 – Распределение ответов респондентов, проживающих в разных областях, на вопрос: «Что может Вас склонить к отказу от работы, которая нравится?», % от опрошенных

Причины	Область		
	Брестская	Гомельская	Могилевская
Понижение уровня заработной платы	66,2	63,3	53,8
Негативное отношение руководства	39,8	46,1	28,7
Семейные обстоятельства	36,4	40,0	28,3
Ухудшение условий работы	27,8	35,6	24,1
Плохие отношения в коллективе	25,3	21,4	18,8
Смена графика работы	12	11,9	4,9
Сужение перечня составляющих социального пакета	7,4	5,5	5
Другое	1,2	1,6	3,3

Заключение

Таким образом, анализ данных, полученных в ходе изучения трудовой мобильности жителей территорий, пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС, позволил определить, что женщины, сельские жители и респонденты с базовым, профессионально-техническим или средним специальным образованием реже соглашаются на перемены в жизни ради работы. Мужчины с высшим уровнем образования и жители областных центров исследуемых регионов более лояльны к переменам и чаще соглашаются на длительные командировки и смену места проживания.

Основными объективными причинами для расторжения трудовых отношений с нанимателем для опрошенных могут стать снижение заработной платы и ухудшение условий труда. В число субъективных факторов отказа от работы, которая нравится, входят следующие: негативное отношение со стороны руководства, семейные обстоятельства и плохие отношения в коллективе. Вместе с тем респонденты готовы адаптироваться к изменениям, связанным со сменой рабочего графика и сокращением социального пакета, несмотря на их негативные последствия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ванкевич, Е. В. Рынок труда Республики Беларусь: развитие в условиях современных вызовов / Е. В. Ванкевич, О. В. Зайцева // Белорус. экон. журн. – 2024. – № 3. – С. 80–94.
2. Маковская, Н. Специфика занятости и безработица в Беларуси: факторы, ее формирующие / Н. Маковская // О-во и экономика. – 2019. – № 1. – С. 80–88.
3. Маркидонова, А. В. Совершенствование механизма государственного регулирования региональных рынков труда / А. В. Маркидонова // Белорус. экон. журн. – 2023. – № 3. – С. 97–114.
4. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10102000023>. – Дата доступа: 14.10.2024.
5. Прохорова, М. В. Возрастная динамика внутренней и внешней мотивации трудовой деятельности / М. В. Прохорова, В. М. Прохоров // Вестн. ЮУрГУ. Сер. «Психология». – 2015. – Т. 8, № 3. – С. 57–64.
6. Нестерова, А. А. Трудовая мобильность населения в условиях региональной интеграции / А. А. Нестерова. – Минск : БГУ, 2020.
7. О перечне населенных пунктов и объектов, находящихся в зонах радиоактивного загрязнения [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 8 февр. 2021 г., № 75 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=-12551&p0=C22100075>. – Дата доступа: 14.10.2024.

REFERENCES

1. Vankievich, Ye. V. Rynok truda Rjespubliki Bielarus': razvitije v uslovijakh sovriemiennykh vyzovov / Ye. V. Vankievich, O. V. Zajceva // Bielorus. ekon. zhurn. – 2024. – № 3. – S. 80–94.
2. Makovskaja, N. Spiecifika zaniatosti i biezrabotica v Bielarusi: faktory, jejo formirujushchije / N. Makovskaja // O-vo i ekonomika. – 2019. – № 1. – S. 80–88.
3. Markidonova, A. V. Soviershenstvovaniye miekhanizma gosudarstviennogo riegulirovaniya riegional'nykh rynkov truda / A. V. Markidonova // Bielorus. ekon. zhurn. – 2023. – № 3. – S. 97–114.
4. Nacional'nyj statistichieskij komitet Rjespubliki Bielarus' [Eliektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10102000023>. – Data dostupa: 14.10.2024.
5. Prokhorova, M. V. Vozrastnaja dinamika vnutrienniej i vnieshnjej motivacii trudovoj diejatel'nosti / M. V. Prokhorova, V. M. Prokhorov // Viestn. JuUrGU. Sier. «Psikhologija». – 2015. – T. 8, № 3. – S. 57–64.
6. Niestierova, A. A. Trudovaja mobil'nost' nasielienija v uslovijakh riegional'noj integracii / A. A. Niestierova. – Minsk : BGU, 2020.
7. O pieriechnie nasielionnykh punktov i objektov, nakhodiashchikhsia v zonakh radioaktivnogo zagriaznienija [Eliektronnyj riesurs] : postanovlienije Sovieta Ministrov Rjesp. Bielarus', 8 fievr. 2021 g., № 75 // Nacional'nyj pravovoj Internet-portal Rjespubliki Bielarus'. – Riezhim dostupa: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=-C22100075>. – Data dostupa: 14.10.2024.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 04.11.2024

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Матэрыялы прадстаўляюцца на беларускай, рускай ці англійскай мове ў адным экзэмпляры аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкаванага аркуша (14 000 – 20 000 знакаў), у электронным варыянце – у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc, *.docx ці *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармату А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадковы інтэрвал – адзінарыны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, якія ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Усе малюнкi і фотаздымкі павінны быць толькі ў чорна-белым выкананні. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Пажадана пазбягаць скарачэнняў слоў, акрамя агульнапрынятых. Спіс літаратуры павінен быць аформлены паводле Узораў афармлення бібліяграфічнага апісання ў спісе крыніц, якія прыводзяцца ў дысертацыі і аўтарэфераце, зацверджаных загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 25.06.2014 № 159 (у рэдакцыі загада ад 01.10.2024 № 230). Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках ([1–4], [1; 3], [1, с. 32], [2, с. 52–54], [3, л. 5], [4, л. 60б.]). Не дапускаецца выкарыстанне канцавых зносаў.

Матэрыял уключае наступныя элементы па парадку:

- індэкс УДК;
- імя, імя па бацьку, прозвішча аўтара/аўтараў (аўтараў не больш за 5) на мове артыкула;
- звесткі пра аўтара/аўтараў (навуковая ступень, званне, пасада, месца працы/вучобы) на мове артыкула;
- імя, імя па бацьку, прозвішча аўтара/аўтараў на англійскай мове;
- звесткі пра аўтара/аўтараў на англійскай мове;
- e-mail аўтара/аўтараў;
- назва артыкула на мове артыкула;
- анатацыя ў аб'ёме 100–150 слоў і ключавыя словы на мове артыкула (курсіў, кегль – 10 pt.);
- назва артыкула на англійскай мове;
- анатацыя і ключавыя словы на англійскай мове.

Звесткі аб навуковым кіраўніку (для аспірантаў і саіскальнікаў) указваюцца на першай старонцы ўнізе.

Асноўны тэкст структуруюцца ў адпаведнасці з патрабаваннямі Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў:

- Уводзіны (пастаноўка мэты і задач даследавання).
- Асноўная частка (матэрыялы і метады даследавання; вынікі і іх абмеркаванне).
- Заклучэнне (фармулююцца асноўныя вынікі даследавання, указваецца іх навізна, магчымасці выкарыстання).
- Спіс выкарыстанай літаратуры; спіс літаратуры павінен уключаць не больш за 20–22 крыніцы і абавязкова ўтрымліваць публікацыі, у тым ліку замежныя, па тэме даследавання за апошнія 10 гадоў.

➤ References – спіс выкарыстанай літаратуры, які прадубліраваны лацінскім алфавітам (колькасць крыніц, прыведзеных у спісе і ў References, павінна супадаць).

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- выписка з пратакола пасяджэння кафедры, навуковай лабараторыі ці ўстанова адукацыі, дзе працуе (вучыцца) аўтар, завераная пячаткаю, з рэкамендацыяй артыкула да друку;
- рэцэнзія знешняга ў адносінах да аўтара профільнага спецыяліста з вучонай ступенню, завераная пячаткаю;
- экспертнае заключэнне (для аспірантаў і дактарантаў);
- вынікі правэркі тэксту на прадмет арыгінальнасці пры дапамозе інструмента «Антыплагіят» (арыгінальнасць павінна складаць не менш за 70 %).

Усе артыкулы абавязкова праходзяць «сляпое» рэцэнзаваанне. Рукапісы, аформленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегія не разглядае і не вяртае. Аўтары нясуць адказнасць за змест прадстаўленага матэрыялу.

Рукапіс артыкула і дакументы дасылаць на адрас: 224016, г. Брэст, бульвар Касманаўтаў, 21, рэдакцыя часопіса «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта», электронны варыянт артыкула накіроўваць на e-mail: vesnik@brsu.by.

Карэктары А. А. Іванюк, Л. М. Калілец

Камп'ютарнае макетаванне Г. Ю. Пархац

Падпісана ў друк 30.12.2024. Фармат 60×84/8. Папера афсетная. Гарнітура Таймс. Рызаграфія.

Ум. друк. арк. 15,58. Ул.-выд. арк. 12,37. Тыраж 50 экз. Заказ № 424.

Выдавец і паліграфічнае выкананне: УА «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы, распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/55 ад 14.10.2013.

ЛП № 02330/454 ад 30.12.2013.

224016, г. Брэст, вул. Міцкевіча, 28.